

ПРОКРАТЪ
ПОБНАТЕН
МАРИ ПИТКОСКИ

У семнадцатилетней Кестрел – дочери главнокомандующего полками воинственной и могущественной империи – только два выхода: вступить в армию или выйти замуж. Но у девушки другие намерения. Однажды на торгах она с изумлением встречает родственную душу в молодом невольнике. Кажется, глаза Арина бросают вызов всему и всем. Повинуясь инстинкту, Кестрел покупает его, и это приводит к неожиданным последствиям. Совсем скоро ей приходится скрывать свою все возрастающую любовь к Арину. Но у того также есть тайна, и Кестрел быстро понимает, что цена, которую она заплатила за живого человека, гораздо выше, чем она полагала. Книга Мари Руткоски «Проклятье победителя» – это история о смертельных играх, в которых на карту поставлено слишком многое, а исходом для героев может стать только одно из двух: либо не потерять голову, либо отдать свое сердце.

Мари Руткоски

Проклятье победителя

Глава 1

Ей не следовало поддаваться искушению.

Так думала Кестрел^[1], собирая с импровизированного игорного стола в углу рынка серебро моряков.

— Не уходи, — сказал один из них.

— Остайся, — произнес другой, но Кестрел захлопнула свой бархатный кошелек, привязанный к запястью. Солнце стояло низко, его свет придавал всему окружающему карамельный оттенок. Это означало, что Кестрел играла в карты достаточно долго, чтобы быть замеченной кем-то значимым.

Кем-то, кто расскажет ее отцу.

Карты не были любимой игрой девушки. Выигранного серебра не хватит, чтобы компенсировать даже малую часть стоимости ее шелкового платья, на котором остались затяжки от ящика, использованного ею как сидение. Но моряки были куда лучшими противниками, чем средний аристократ: они переворачивали карты с дикими трюками, ругались при проигрыше, ругались при выигрыше и вытягивали друг из друга последнюю монету. Кроме того, они жульничали. Это особенно нравилось Кестрел. Тогда обыгрывать их становилось сложнее.

Она улыбнулась и пошла прочь. Ее улыбка мгновенно исчезла. Этот час будоражащего риска может многого ей стоить. Ее отца ввергнут в ярость не карты и даже не компания, в которой она играла. Нет, генералу Траяну захочется узнать, почему его дочь была на городском рынке одна.

Другие люди тоже задавались этим вопросом. Кестрел видела это по их глазам, когда пробиралась через торговые ряды, предлагающие мешочки специй. К пряному запаху примешивался солоноватый привкус, идущий от расположенного неподалеку порта.

Кестрел представляла, какие слова люди не смели даже прошептать, когда она проходила мимо. Разумеется, они ничего не скажут. Они знали, кто она. А она знала, что вертелось у них на языках.

Где сопровождение леди Кестрел?

А если никто из членов семьи или друзей не смог сопроводить ее на рынок, то где ее раб?

Ну, что касается рабов, то они остались на вилле. Кестрел в них не нуждалась.

А вот где ее компаньонка, Кестрел и сама хотела бы знать.

Джесс отошла, чтобы посмотреть на товары. Когда Кестрел в последний раз видела подругу, та, как захмелевшая пчела, пробиралась между торговыми рядами, а ее светлые волосы были почти белыми под летним солнцем. Теоретически, Джесс с тем же успехом, что и Кестрел, могла попасть в неприятности. Молодым девушкам, которые не служили в армии, не разрешалось прогуливаться одним. Но родители Джесс души не чаяли в дочери и едва ли требовали той же дисциплинированности, какой требовал главнокомандующий валорианской армии.

Кестрел высматривала подругу среди толпы и, наконец, заметила отсвет светлых кос, убранных по последней моде. Джесс разговаривала с торговкой драгоценностями, которая держала в руках пару серег. Полупрозрачные капельки золота блестели в лучах солнца.

Кестрел приблизилась.

— Топазы, — убеждала пожилая женщина Джесс. — Сделают Ваши прелестные карие глаза еще ярче. Всего лишь десять кейстонов.

Губы торговки были поджаты. Кестрел посмотрела в серые глаза женщины и заметила, что ее кожа была смуглой от долгих лет работы под открытым небом. Она была геранкой, но клеймо на ее запястье говорило, что она свободна. Кестрел гадала, как эта свобода была заслужена. Рабы, освобожденные собственными хозяевами, встречались редко.

Джесс подняла взгляд.

— О, Кестрел, — выдохнула она. — Разве эти серьги не великолепны?

Если бы руку Кестрел не тянуло вниз серебро в кошельке на запястье, может быть, она бы ничего не сказала. Может, если бы ее сердце не было отягчено равным по весу страхом, она бы сначала подумала, а затем открывала рот. Но вместо этого Кестрел выпалила очевидную правду:

— Это не топазы. Просто стекло.

Вокруг них внезапно образовался пузырь тишины. Он расширился, а его стенки стали тонкими и прозрачными. Люди вокруг наострили уши. Серьги задрожали в воздухе.

Потому что дрожали костлявые пальцы торговки.

Потому что Кестрел обвинила ее в попытке обмануть валорианку.

Что произойдет теперь? Что случится с любой геранкой, оказавшейся на месте этой женщины? Чему станет свидетелем толпа?

Офицер городской стражи будет призван на место. Клятвенные оправдания будут проигнорированы. Старые руки привяжут к столбу для порки. Удары будут сыпаться до тех пор, пока пыльную рыночную землю не оросит кровь.

— Позвольте мне взглянуть, — произнесла Кестрел властным голосом, потому что он очень хорошо ей давался. Она протянула руку к серьгам и притворилась, что рассматривает их. — Ох. Похоже, я ошиблась. Это и в самом деле топазы.

— Возьмите их, — прошептала торговка.

— Мы не бедны. И не нуждаемся в подношениях от кого-то вроде Вас.

Кестрел положила на прилавок женщины монеты. Пузырь молчания лопнул, и покупатели продолжили обсуждать привлекшие их внимание товары.

Кестрел отдала серьги Джесс и повела ее прочь.

На ходу Джесс рассматривала одну из серег, позволяя той раскачиваться, подобно крошечному колокольчику.

— Так, они настоящие?

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Они совершенно прозрачные, — объяснила Кестрел. — Ни одного изъяна. Десять кейстонов — слишком малая цена за топазы такого качества.

Джесс могла бы заметить, что десять кейстонов — слишком много за стекляшки. Но она ответила только:

— Геранцы сказали бы, что тебе улыбнулся бог лжи, раз ты видишь все так ясно.

Кестрел вспомнила пораженные серые глаза торговки.

— Геранцы рассказывают слишком много сказок.

Они были мечтателями. Ее отец всегда говорил, что именно поэтому их было легко завоевать.

— Сказки нравятся всем, — сказала Джесс.

Кестрел остановилась, чтобы забрать у Джесс серьги и вдеть их в уши подруги.

— Тогда пусть они будут на тебе во время следующего обеда в обществе. Говори всем, что заплатила возмутительную сумму, и никто не станет сомневаться, настоящие ли камни. Разве не для этого нужны сказки: чтобы истину превращать в обман, а обман — в истину?

Джесс улыбнулась, крутя головой, чтобы серьги засверкали.

— Ну, что? Я красива?

— Глупышка. Ты же знаешь, что это так.

Сейчас первой шла Джесс, минуя прилавок с латунными чашами, содержащими красящий порошок.

— Теперь моя очередь купить что-нибудь для тебя, — сказала она.

— У меня есть все, что нужно.

— Ты говоришь, как старуха! Можно подумать, тебе семьдесят, а не семнадцать.

Здесь толпа была более плотной; большую ее часть составляли валорианцы, чьи волосы, кожа и глаза имели оттенки от медового до светло-коричневого. Изредка встречавшиеся темные головы принадлежали хорошо одетым домашним рабам, которые пришли сюда со своими хозяевами и держались возле них.

— Не будь такой серьезной, — произнесла Джесс. — Пойдем, я найду что-нибудь, что тебя порадует. Браслет?

Но это напомнило Кестрел о торговке драгоценностями.

— Нам пора возвращаться.

— Нотную тетрадь?

Кестрел замешкалась.

— Ага, — воскликнула Джесс и взяла Кестрел за руку. — Не отпускай.

Это было старой игрой. Кестрел закрыла глаза и слепо пошла туда, куда вела ее Джесс. Джесс рассмеялась, что заставило рассмеяться и саму Кестрел, как это было много лет назад, когда они встретились в первый раз.

Генералу надоело терпеть траур дочери. «Твоя мать мертва уже полгода, — говорил он. — Прошло достаточно времени». Наконец, он пригласил к себе с визитом одного из сенаторов, у которого тоже была восьмилетняя дочь. Мужчины ушли в дом, а девочек оставили во дворе. «Играйте», — приказал генерал.

Джесс заговорила с Кестрел, которая игнорировала ее. В конце концов, Джесс сдалась. «Закрой глаза», — сказала она.

Кестрел с любопытством повиновалась.

Джесс схватила ее за руку. «Не отпускай!» Они стали носиться по поместью генерала, поскользываясь, падая и смеясь.

Сейчас было то же самое, если забыть про огромное количество людей, напиравших со всех сторон.

Джесс замедлилась, а затем полностью остановилась и произнесла:

— Ой.

Кестрел открыла глаза.

Девушки стояли у деревянного барьера высотой по пояс, за которым находилась углубленная арена.

— Ты привела меня сюда?

— Я не собиралась, — оправдывалась Джесс. — Я отвлеклась на шляпку одной женщины — ты знала, что шляпки сейчас в моде? — и шла за ней, чтобы рассмотреть

получше, и...

— И привела нас на невольничий рынок.

Толпа позади стояла каменной стеной, шумя и копошась от предвкушения. Скоро начнутся торги.

Кестрел попятилась от барьера. Когда ее каблук наступил на носок чьей-то туфли, раздалось приглушенное ругательство.

— Мы теперь ни за что не выберемся, — заметила Джесс. — Придется остаться до окончания торгов.

У перегородки, изогнутой широким полукругом, собрались сотни валорианцев. Все они были одеты в шелка, и у каждого на поясе висел кинжал, хотя некоторые — например, Джесс — носили его больше как инкрустированное украшение, нежели оружие.

Арена внизу была пуста, не считая большого деревянного помоста для торгов.

— По крайней мере, нам хорошо видно. — Джесс пожала плечами.

Кестрел не сомневалась: Джесс понимает, почему ее подруга во всеуслышание объявила, что стекляшки в серьгах — топазы. Понимает, почему та купила серьги. Но жест девушки напомнил Кестрел, что кое-что они обсуждать не могли.

— О, — выдохнула женщина с острым подбородком, стоявшая сбоку от Кестрел. — Наконец-то.

Прищурившись, она смотрела на арену и коренастого мужчину, появившегося посреди открытого пространства. Он был геранцем и обладал типичными для своего народа темными волосами, хотя его кожа имела светлый оттенок, свидетельствующий о легкой жизни. Это, несомненно, стало результатом чьей-то милости, которая также позволила геранцу получить его настоящую работу. Это был человек, который научился угождать своим валорианским порабощателям.

Распорядитель торгов остановился перед помостом.

— Покажи нам сначала девочку, — выкрикнула громким и в то же время томным голосом женщина возле Кестрел.

Раздались и другие голоса, каждый из которых требовал своего. Кестрел осознала, что ей сложно дышать.

— Девочку! — снова крикнула женщина, на этот раз еще громче.

Распорядитель, который водил перед собой руками, будто впитывая возбужденные крики, замер, когда до него долетел возглас женщины. Он поглядел на нее, а затем на Кестрел. Казалось, на его лице мелькнуло изумление. Кестрел подумала, что, должно быть, ей это привиделось, потому что взгляд мужчины тут же переметнулся на Джесс, а затем пробежал по всему полукругу собравшихся у барьера валорианцев.

Мужчина поднял руку. На арену опустилась тишина.

— У меня для вас есть кое-что особенное.

Акустика здесь действовала таким образом, что даже шепот разносился по всей арене, а распорядитель знал свое дело. Его тихий голос заставил всех наклониться вперед.

Его рука поднялась в сторону темного сооружения с открытой дверью и низкой крышей, находившегося в дальней части арены. Распорядитель шевельнул пальцами сначала один раз, потом дважды, и Кестрел увидела в загоне какое-то движение.

На арену вышел молодой человек.

Толпа забормотала. Пока раб медленно шел по желтому песку, замешательство росло. Юноша поднялся на помост.

В нем не было ничего особенного.

— Девятнадцать лет отроду, и в хорошем состоянии. — Распорядитель хлопнул раба по спине. — Этот парень, — продолжил он, — идеально подойдет для дома.

Толпа разразилась смехом. Валорианцы подталкивали друг друга локтями и хвалили торговца. Он знал, как развлечь людей.

Стоявший на помосте раб был плохим товаром. По мнению Кестрел, он выглядел, как дикарь. Яркий синяк на его щеке свидетельствовал о драке и являлся обещанием того, что юношу будет сложно контролировать. Его обнаженные руки были мускулистыми, что, скорее всего, только подтверждало убеждение толпы: лучше молодой человек станет работать на кого-то, у кого в руках будет плеть. Не исключено, что в другой жизни из него можно было бы вышколить домашнего раба: его каштановые волосы имели достаточно светлый тон, чтобы понравиться валорианцам, и, хоть со своего места Кестрел не могла разобрать черты его лица, в позе раба было что-то гордое. Однако его бронзовая кожа говорила о долгой работе под открытым небом, к которой он, вероятно, и вернется.

Тем не менее распорядитель торгов продолжал насмехаться.

— Он мог бы прислуживать вам за столом.

Гогот усилился.

— Или занять должность камердинера.

Валорианцы начали хвататься за бока и вскидывать руки в воздух, умоляя торговца прекратить, он их слишком рассмешил.

— Я хочу уйти, — обратилась Кестрел к Джесс, которая притворилась, что не слышит.

— Ладно, ладно. — Распорядитель торгов широко ухмыльнулся. — У этого парня есть кое-какие навыки. Клянусь честью, — добавил он, положив руку на сердце, от чего толпа снова разразилась смехом, ведь всем было известно: геранцы не знают, что такое честь. — Этого раба обучали как кузнеца. Он пригодится любому солдату, не говоря уже об офицере с собственной стражей и оружием, которое нужно поддерживать в надлежащем состоянии.

Послышалось заинтересованное бормотание. Геранцы-кузнецы встречались редко. Если бы отец Кестрел был здесь, он бы, возможно, принял участие в торгах. Его стража не раз жаловалась на низкое качество работы городского кузнеца.

— Что же, пора начинать торги? — произнес распорядитель. — Пять пилеястр. Итак, пять пилеястр за мальчишку? Дамы и господа, за столь малую стоимость вы не смогли бы и нанять кузнеца.

— Пять, — выкрикнул кто-то.

— Шесть.

И торги начались.

За спиной Кестрел будто стояла каменная стена. Девушка не могла шевельнуться. Не могла рассмотреть лица людей. Не могла даже привлечь внимание Джесс или поднять взгляд к слишком ясному небу. Она решила, что это и были причины, не позволявшие ей оторвать глаз от раба.

— О, ну давайте же, — раздался голос распорядителя. — Он стоит хотя бы десяти.

Плечи раба напряглись. Торг продолжился.

Кестрел закрыла глаза. Когда цена достигла двадцати пяти пилеястр, Джесс спросила:

— Кестрел, тебе плохо?

— Да.

— Мы уйдем, как только это закончится. Уже недолго осталось.

Торг приостановился. Было похоже, что раба отдадут за двадцать пять пиястр — жалкие деньги, но никто не хотел платить больше за человека, которого тяжелый труд скоро сделает бесполезным.

— Мои дорогие валорианцы, — сказал распорядитель. — Я кое-что забыл. Вы уверены, что парень не подойдет в качестве домашнего раба? Ведь он поет.

Кестрел открыла глаза.

— Представьте себе музыку во время ужина, представьте, как очарованы будут ваши гости. — Торговец взглянул на раба, который гордо стоял на помосте. — Давай-ка. Спой им.

Только тогда раб шевельнулся. Это было едва заметное движение, и юноша мгновенно взял себя в руки, но Джесс резко втянула в себя ртом воздух, потому что она, как и Кестрел, ожидала, что на арене разразится драка.

Распорядитель резко прошипел что-то рабу по-герански, но Кестрел не расслышала слов.

Раб ответил на своем языке. Его голос был тих:

— Нет.

Возможно, он не знал об акустике арены. Может быть, его не заботило и не волновало то, что большинство валорианцев знали геранский достаточно, чтобы понять его. Это не имело значения. Теперь торг был окончен. Никто не захочет купить его. Не исключено, что человек, который предложил двадцать пять пиястр, уже сожалел о названной им цене за раба настолько непокорного, что он не подчинился даже своему соотечественнику.

Но упрямство юноши тронуло Кестрел. В его напряженной позе она узнала саму себя в тех ситуациях, когда отец требовал чего-то, чего она сделать не могла.

Распорядитель торгов пришел в ярость. Ему следовало бы закончить торг или хотя бы для вида спросить, не предложит ли кто-либо большую цену, но он лишь стоял на своем месте как вкопанный, сжав кулаки, и, вероятно, пытался решить, какому наказанию подвергнуть молодого человека, перед тем как отправить его на каторжный труд в кузню или на каменоломню.

Рука Кестрел сама взметнулась вверх.

— Кейстон, — выкрикнула девушка.

Распорядитель торгов обернулся и осмотрел толпу. Когда его взгляд нашел Кестрел, лицо мужчины озарила улыбка хитрого восторга.

— О, — произнес он, — а вот и кто-то, кто знает истинную цену вещам.

— Кестрел. — Джесс дернула подругу за рукав. — Что ты делаешь?

Голос торговца набрал силу:

— Итак, кейстон. Раз, два...

— Двенадцать кейстонов! — крикнул мужчина, который стоял у барьера на противоположном от Кестрел конце полукруга.

Распорядитель торгов потерял дар речи.

— Двенадцать?

— Тринадцать! — раздался другой голос.

Кестрел внутренне поморщилась. Раз уж она назвала свою цену — но почему, почему она вообще это сделала? — то эта цена не должна была быть столь высока. Все собравшиеся вокруг арены смотрели на нее — на дочь генерала, пташку из высшего общества, которая порхала от одного уважаемого дома к другому. Люди думали...

— Четырнадцать!

Люди думали, что раз она хочет заполучить этого раба, то он должен стоять того. Должна быть причина, заставившая ее обратить на него внимание.

— Пятнадцать!

И эта сладкая загадка побуждала валорианцев называть одну цену за другой.

Сейчас раб смотрел на нее во все глаза, и неудивительно: именно она начала это безумие. Кестрел почувствовала, как смешались внутри нее понятия судьбы и возможности выбора.

Она подняла руку.

— Я называю цену в двадцать кейстонов.

— О небеса, девочка моя, — воскликнула женщина с острым подбородком. — Опомнись. Зачем он тебе нужен? Потому что поет? В лучшем случае он сможет исполнить грязные геранские застольные гимны.

Кестрел не взглянула ни на нее, ни не Джесс, хоть и чувствовала, что подруга заламывает руки. Кестрел не отрывала глаз от раба.

— Двадцать пять! — раздался сзади женский голос.

Теперь цена поднялась выше, чем было у Кестрел с собой. Распорядитель торгов, казалось, не знал, куда кинуться. Цена продолжала увеличиваться, голоса звучали один за другим, и начало казаться, что через толпу собравшихся пролетела стрела с привязанной к ней веревкой и крепко стянула всех сетью возбуждения.

Голос Кестрел прозвучал ровно:

— Пятьдесят кейстонов.

Внезапная ошеломленная тишина оглушала. Джесс ахнула.

— Продано! — выкрикнул распорядитель. Его лицо одичало от радости. — Продано леди Кестрел за пятьдесят кейстонов!

Он заставил раба спуститься с помоста, и только тогда юноша оторвал взгляд от глаз Кестрел. Он уставился в песок с таким вниманием, будто надеялся прочитать в нем будущее, и стоял неподвижно до тех пор, пока распорядитель не подтолкнул его к загону.

Вздрогнув, Кестрел втянула в себя воздух. Ее кости будто превратились в желе. Что она сделала?

Джесс поддержала ее под локоть.

— Ты сошла с ума.

— И несколько порастратилась, на мой взгляд, — фыркнула женщина с острым подбородком. — Похоже, на кого-то пало проклятье победителя.

Кестрел обернулась к ней.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ты ведь нечасто бываешь на торгах, верно? Проклятье победителя — это когда ты получаешь свой товар, но по слишком высокой цене.

Люди начали расходиться. Распорядитель торгов вывел из загона кого-то другого, но пути возбуждения, связывавшие собравшихся у арены валорианцев, уже распались. Представление окончилось. Теперь дорога перед Кестрел была свободна, но девушка не могла двинуться с места.

— Я ничего не понимаю, — сказала Джесс.

То же самое ощущала Кестрел. О чем она думала? Что пыталась доказать?

«Ничего», — сказала она себе. Отвернувшись от арены, Кестрел заставила себя сделать первый шаг прочь от содеянного.

«Ничего».

Приемная загона была открыта воздуху и выходила на улицу. Здесь пахло немывыми телами. Джесс стояла рядом, бросая быстрые взгляды на железную дверь в дальней стене. Кестрел пыталась сдерживаться и не делать того же. Обычно домашних рабов покупал ее отец или управляющий именем, который и надзирал за невольниками.

Распорядитель торгов ждал у мягких кресел, поставленных для посетителей-валорианцев. Когда он увидел Кестрел, его лицо осветилось лучезарной улыбкой.

— О, — воскликнул он. — А вот и победитель! Я надеялся оказаться здесь раньше Вас. Покинул арену, как только смог.

— Вы всегда лично приветствуете покупателей?

Энтузиазм распорядителя удивил Кестрел.

— Достойных — да.

Кестрел задавалась вопросом, насколько хорошо звук проникал через решетчатое окно железной двери.

— В остальных случаях, — продолжил распорядитель, — я поручаю заключение сделки моей помощнице. Она сейчас на арене, пытается сбыть близнецов. — Сложность не разделять родственников при продаже заставила его закатить глаза. — Что же, — пожал он плечами, — кому-то может приглянуться одномастный набор.

В приемной появились двое валорианцев, муж и жена. Распорядитель улыбнулся, спросил, не присядут ли они, и пообещал, что скоро ими займется. Джесс шепнула на ухо Кестрел, что вошедшая чета дружит с ее родителями. Будет ли Кестрел возражать, если она подойдет поздороваться?

— Нет, — ответила Кестрел. — Не буду.

Она не могла винить Джесс за неловкость, которую та ощущала перед лицом скользких деталей покупки людей, хоть факт рабства и сопровождал каждый ее час, начиная с того момента, когда невольница набирала ей утром ванну, и заканчивая вечером, когда другая расплетала ее волосы.

После того, как Джесс присоединилась к своим знакомым, Кестрел бросила на распорядителя торгов выразительный взгляд. Мужчина кивнул. Достав из кармана толстый ключ, он открыл железную дверь и вошел в помещение. Кестрел услышала, как он сказал по-герански:

— Эй, ты, за тобой пришли.

Послышался шорох, и распорядитель вернулся в приемную. Раб шел следом за ним.

Молодой человек встретился взглядом с Кестрел. Его глаза были ясного серого цвета.

Они изумили ее. Но все же такой оттенок нельзя было назвать редким среди геранцев, и Кестрел решила, что это яркий синяк на щеке придавал взгляду раба такое загадочное выражение. Тем не менее, девушка почувствовала себя неловко. А затем невольник опустил ресницы. Он устоялся в пол, позволяя длинным волосам скрыть лицо, одна сторона которого все еще была опухшей от недавней драки или избиения.

Казалось, он совершенно не замечал, что происходит вокруг. Для него не существовали ни Кестрел, ни распорядитель торгов, ни даже он сам.

Торговец закрыл железную дверь и сложил руки вместе.

— А теперь, — сказал он, — встает незначительный вопрос оплаты.

Кестрел передала мужчине свой кошелек.

— Здесь двадцать четыре кейстона.

Распорядитель торгов в неуверенности замялся.

— Двадцать четыре — это не пятьдесят, миледи.

— До конца дня я отправлю к Вам своего управляющего с остальной суммой.

— О, но что, если он собьется с пути?

— Я — дочь генерала Траяна.

Распорядитель улыбнулся.

— Мне это известно.

— Деньги не представляют для нас сложности, — продолжила Кестрел. — Я всего лишь решила не брать сегодня с собой пятьдесят кейстонов. Моего слова достаточно.

— Не сомневаюсь.

Он не стал говорить, что Кестрел могла бы вернуться и забрать свою покупку в другое время, а Кестрел не упомянула о той ярости, которую увидела на лице торговца, когда раб отказался повиноваться ему; не упомянула она и о своем подозрении, что мужчина хотел бы поквитаться с юношей за это. С каждой минутой, что раб проводил здесь, вероятность такого исхода увеличивалась.

Кестрел наблюдала за ходом мысли распорядителя торгов. Он мог бы настоять, чтобы она вернулась позже, рискуя при этом нанести ей оскорбление и потерять всю сумму. Или же он мог забрать неполную половину пятидесяти кейстонов и, возможно, никогда не получить остальное.

Но геранец был умен.

— Вы позволите мне проводить Вас и Вашу покупку до дома? Я бы хотел удостовериться, что Кузнец благополучно доберется до места. И тогда Ваш управляющий разберется с деньгами.

Кестрел взглянула на раба. Он моргнул, когда было произнесено его имя, но не поднял головы.

— Отлично, — сказала девушка распорядителю.

Она прошла через приемную к Джесс и спросила, не согласится ли почтенная чета сопроводить ее подругу до дома.

— Конечно, — ответил муж. Кестрел вспомнила, что это был Сенатор Никон. — Но как же Вы?

Он кивнул в сторону двух мужчин, стоявших за ее спиной.

— Со мной пойдут они.

Джесс знала, что геранский торговец и непокорный раб не были идеальным сопровождением. Кестрел тоже в этом не сомневалась, но вспышка обиды на ситуацию — ситуацию, которую она сама же и создала, — вызвала в ней отвращение к правилам, которые управляли ее миром.

Джесс спросила:

— Ты уверена?

— Да.

Муж и жена приподняли брови, но, очевидно, заключили, что их это дело не касается и может послужить лишь возможностью распространить новый слух.

Кестрел покинула невольничий рынок с торговцем и Кузнецом, идущими позади нее.

Она быстро шла через ту часть города, что отделяла трущобы от Садового района.

Улицы здесь были упорядоченными и пересекались под прямыми углами, как диктовал валорианский обычай. Кестрел знала дорогу, но испытывала странное чувство, будто потерялась. Сегодня все казалось ей незнакомым. Проходя Воинский квартал, через бараки которого она бегала маленькой девочкой, она воображала солдат, поднимающихся против нее.

Хотя, разумеется, эти вооруженные мужчины и женщины будут защищать ее до последней капли крови и ожидают, что она станет одной из них. Кестрел нужно только покориться желанию отца и вступить в армию.

Девушка почувствовала облегчение, когда улицы стали неожиданно поворачивать и изгибаться, словно текущая вода. Кроны деревьев сомкнулись вверху зеленым сводом. Кестрел слышала, как за высокими каменными стенами журчат фонтаны.

Она оказалась у массивных железных ворот. Один из стражников ее отца выглянул через окошко и отворил вход.

Кестрел ничего не сказала ни ему, ни другим стражникам, которые также промолчали. Она шла через земли поместья, а распорядитель торгов и раб следовали за ней.

Она была дома. Но раздающиеся сзади шаги по мощеной тропе напомнили Кестрел, что так было не всегда. Ее имение, как и весь Садовый район, было построено геранцами, которые в свои времена называли эту местность другим именем.

Кестрел ступила на лужайку. Мужчины последовали за ней, и их шаги заглушила трава.

Порхая среди деревьев, исполняла свою трель желтая птичка. Кестрел слушала, пока песня не затихла. Затем она продолжила свой путь к вилле.

Шаги ее сандалий по мрамору крыльца нежным эхом отдавались от стен с изображенными на них животными в прыжке, цветами и богами, которых Кестрел не знала. Затем эти звуки заглушил шепот воды, журчащей в мелком бассейне в полу.

— Красивый дом, — произнес распорядитель торгов.

Кестрел бросила на него резкий взгляд, хоть и не услышала в его голосе горечи. Она искала на его лице признак того, что он узнал это место, что был здесь раньше, до Геранской войны, — как высокий гость, друг или даже член семьи. Но это была глупая догадка. Виллы Садового района в прошлом принадлежали геранским аристократам, и, если бы распорядитель торгов был одним из них, он бы не оказался в том положении, в котором находился. Он стал бы домашним рабом, возможно — наставником валорианских детей. Если торговец и в самом деле знал этот дом, то только потому, что уже доставлял сюда рабов для отца Кестрел.

Кестрел колебалась, перед тем как посмотреть на Кузнеца. Когда она все же сделала это, он не ответил на ее взгляд.

По длинному коридору, огибающему фонтан, подошла экономка. Кестрел отправила ее за управляющим и попросила, чтобы тот принес двадцать шесть кейстонов. Когда управляющий прибыл, его лоб был нахмурен, а руки крепко сжимали небольшую шкатулку. Как только Гарман заметил распорядителя торгов и раба, его пальцы сцепились еще сильнее.

Кестрел открыла шкатулку и отсчитала в протянутую руку торговца необходимую сумму. Мужчина спрятал серебро в карман и туда же опустошил кошелек Кестрел, который принес с собой. Слегка поклонившись, он вернул девушке плоский мешочек.

— Было очень приятно иметь с Вами дело.

Он повернулся, чтобы уйти.

Кестрел предупредила:

— Вам будет лучше, если на нем не окажется свежих побоев.

Глаза распорядителя торгов метнулись к рабу и быстро оглядели его лохмотья и грязные, покрытые шрамами руки.

— Вы всегда можете проверить, — протяжно сказал он.

Кестрел нахмурилась при мысли о доскональном осмотре кого-либо, не говоря уже об этом человеке. Но распорядитель торгов уже ушел, не дав ей возможности сформулировать ответ.

— Сколько? — требовательно спросил Гарман. — Сколько всего Вы за него заплатили?

Кестрел назвала ему цену.

Управляющий глубоко вздохнул.

— Ваш отец...

— Я сообщу своему отцу.

— Хорошо, но что мне делать с этим?

Кестрел посмотрела на раба. Он неподвижно стоял на все той же черной мраморной плитке, что и раньше, будто до сих пор находился на арене для торгов. Он проигнорировал весь разговор, отстранившись от валорианского говора, который, возможно, не до конца понимал. Его голова была поднята, а глаза не отрывались от соловья, изображенного на противоположной стене.

— Это Кузнец, — сказала Кестрел управляющему.

Тревога Гармана немного спала.

— Он — кузнец? — Рабам иногда давали имена по их ремеслу. — Тогда он нам пригодится. Я отправлю его в кузню.

— Погодите. Я не уверена, что хочу этого. — Она обратилась к Кузнецу по-герански: — Ты поешь?

Он обратил к ней свой взгляд, и Кестрел увидела в его серых глазах то же выражение, что блестело в них в приемной загона. Они были ледяными.

— Нет.

Кузнец ответил на ее языке, его акцент был совсем легким.

А затем он отвернулся. Темные волосы скрыли его лицо и изменили профиль.

Ногти Кестрел впились в ладони.

— Позаботьтесь о том, чтобы он вымылся, — сказала она Гарману голосом, который, как она надеялась, был оживленным, а не раздосадованным. — И выдайте ему должную одежду.

Она начала идти прочь по коридору, но остановилась. Слова сами вырвались из ее рта:

— И постригите его.

Уходя, Кестрел чувствовала на своей спине ледяной взгляд Кузнеца. Теперь она могла дать название выражению его глаз.

Презрение.

Кестрел не знала, что сказать.

Ее отец, принявший после дня учений с солдатами освежающую ванну, разбавлял вино. Принесли третью смену блюд: небольших куропаток, фаршированных пряным изюмом и дробленным миндалем. Во рту у Кестрел было сухо, она едва могла глотать.

— Ты занималась? — спросил генерал.

— Нет.

Его большие ладони замерли.

— Я позанимаюсь позже, — пообещала Кестрел. Она отпила из своей чаши, затем провела пальцем по ее поверхности. Тонкое дымчатое стекло имело зеленый оттенок. Посуда досталась им вместе с домом. — Как новобранцы?

— У них молоко на губах еще не обсохло, но все впереди. — Ее отец пожал плечами. — Они нужны нам.

Кестрел кивнула. Валорианцам постоянно приходилось иметь дело с варварами, которые устраивали набеги на окраины империи, и за последние пять лет, по мере увеличения государства, эти вторжения становились еще более частыми. Они ничем не грозили Геранскому полуострову, но генерал Траян часто лично тренировал батальоны, которые позже должны были отправиться воевать на границах империи.

Генерал подцепил вилкой глазированную морковку. Кестрел поглядела на серебряный прибор, зубья которого ярко блестели при свечах. Это было геранское изобретение, и оно вошло в культуру ее народа так давно, что легко было забыть: когда-то валорианцы ели руками.

— Думал, сегодня днем ты ходила с Джесс на рынок, — произнес генерал. — Почему она не ужинает с нами?

— Я вернулась домой без нее.

Ее отец отложил вилку.

— Тогда с кем?

— Отец, я потратила сегодня пятьдесят кейстонов.

Генерал взмахнул рукой, показывая, что сумма не важна. Его голос был обманчиво спокоен:

— Если ты снова ходила по городу одна...

— Я была не одна.

Кестрел рассказала отцу, кто сопровождал ее домой и почему.

Генерал потел лоб и закрыл глаза.

— Они были твоим сопровождением?

— Я не нуждаюсь в сопровождении.

— Если бы ты вступила в армию, вот тогда не нуждалась бы.

Они снова вернулись к больной теме.

— Я никогда не стану солдатом, — произнесла Кестрел.

— Ты уже говорила.

— Если женщина может сражаться и умирать за империю, то почему ей нельзя ходить одной?

— В том-то и весь смысл. Женщина-солдат доказала свою силу, и ей не нужна защита.

— Мне тоже.

Генерал положил ладони на стол и рывкнул на девочку, которая подошла, чтобы убрать тарелки, приказывая ей выйти.

— Ты ведь не думаешь на самом деле, что Джесс могла бы защитить меня, — заметила Кестрел.

— Женщинам, не принадлежащим к армии, не разрешается ходить поодиночке. Таков обычай.

— Наши обычаи нелепы. Мы, валорианцы, гордимся тем, что можем питаться мало и выживать, но вечерняя трапеза будет принята за оскорбление, если она состоит из менее чем семи смен блюд. Я могу сражаться вполне прилично, но раз я не солдат, то годы обучения прекращают существовать.

Отец пристально на нее посмотрел.

— Твои навыки никогда не были проверены в схватке.

Это лишь означало, что она плохой боец.

— Ты стратег, — сказал генерал мягче.

Кестрел пожала плечами.

Ее отец продолжил:

— Кто предложил, чтобы я заманил дакранских варваров в горы, когда они напали на восточную границу империи?

Кестрел всего лишь указала тогда на очевидное. Было ясно, что варвары слишком сильно полагаются на кавалерию, а также то, что в засушливых восточных горах лошадям не хватит воды. Если кто-то и был стратегом, то только ее отец. Он разрабатывал свой план даже в этот самый момент, используя лесть, чтобы добиться желаемого.

— Представь, сколько выиграет империя, если ты действительно будешь работать со мной, — произнес он, — посвятив свои таланты обеспечению целостности наших территорий, вместо того чтобы искать логику в обычаях, которые управляют обществом.

— Наши обычаи — ложь.

Пальцы Кестрел сжали тонкую стеклянную ножку чаши.

Взгляд отца упал на напряженную ладонь дочери. Он положил поверх руки Кестрел свою и твердо сказал тихим голосом:

— Это не мои правила. Это правила империи. Сражайся за них и получи свою независимость. Не желаешь — тогда прими ограничения. В любом случае ты будешь жить по нашим законам. — Он поднял вверх палец. — И не жалуйся.

Кестрел решила, что тогда она вообще ничего не будет говорить. Вырвав руку, она встала. Девушка помнила, как купленный ею раб использовал молчание в качестве оружия. За него торговались, его толкали, вели, на него пялились. Теперь его вымоют, постригут, оденут. Но он по-прежнему оставался непокорным.

Сталкиваясь с проявлением силы, Кестрел всегда узнавала ее.

Как и генерал. Он прищурил на нее свои карие глаза.

Кестрел покинула обеденный зал. Она решительно прошла через северное крыло виллы и остановилась у двойных дверей. Отворив их, она на ощупь нашла небольшую серебряную коробочку и масляную лампу. Ее пальцы были хорошо знакомы с этим ритуалом. Зажечь лампу вслепую было несложно. Она могла бы и играть вслепую, но не хотела рисковать тем, что пропустит ноту. Не сейчас, не после того, как сегодня она только и делала, что спотыкалась и ошибалась.

Кестрел выкатила рояль в центр комнаты, провела ладонью по его ровной отполированной поверхности. Этот инструмент был одной из немногих вещей, которые ее семья привезла из столицы. Раньше он принадлежал ее матери.

Кестрел открыла несколько стеклянных дверей, ведущих в сад. Она вдохнула ночь, позволяя воздуху наполнить свои легкие.

Она почувствовала запах жасмина. Девушка представила крошечный цветок, распустившийся во тьме, представила совершенство каждого из его упругих заостренных лепестков. Она снова подумала о рабе, но не знала почему.

Она поглядела на свою руку-предательницу, которая поднялась по собственной воле, чтобы привлечь внимание распорядителя торгов.

Кестрел встряхнула головой. Она больше не будет думать о рабе.

Она села перед рядом почти сотни черных и белых клавиш.

Это были не те занятия, которые имел в виду ее отец. Он говорил о ежедневных тренировках дочери с капитаном стражи. Что же, ей не хотелось оттачивать свое искусство владения Иглами или что-то еще, чему, по мнению отца, она должна была научиться.

Кестрел опустила пальцы на клавиши. Она нажала лишь слегка, недостаточно сильно, чтобы молоточки внутри инструмента ударили по металлическим тросам.

А затем она глубоко вздохнула и начала играть.

Она забыла о нем.

Прошло три дня, и, судя по всему, хозяйка дома предала полному забвению тот факт, что купила раба, пополнив при этом коллекцию из сорока восьми невольников своего отца.

Раб не знал, принесло ли ему это облегчение.

Первые два дня были блаженством. Он не помнил, когда ему в последний раз позволяли лениться. Ванна была удивительно горячей, мыло заставило его изумленно вытаращить глаза. В такой густой пене он не мылся уже много лет. Она пахла воспоминаниями.

Его кожа как будто обновилась, и, хоть он держал голову неподвижно, пока другой геранский раб обрезал его волосы, хоть он по привычке поднимал руку, чтобы убрать с лица утраченные локоны, на второй день он осознал, что не особенно возражает. Теперь его обзор стал шире.

На третий день за ним пришел управляющий.

Раб, у которого не было приказов, гулял по территории. Вход в дом ему был воспрещен, но раб довольствовался видом снаружи. Он пересчитывал многочисленные двери и окна. Лежал на траве, позволяя зеленым стебелькам щекотать кожу, радуясь, что его ладони еще недостаточно загрубели, чтобы чувствовать это. Красноовато-желтый свет стен виллы постепенно угасал. Раб запоминал, в каких окнах и когда гасили свет. Он смотрел на апельсиновые деревья. Иногда спал.

Остальные рабы старательно игнорировали его. Сначала они бросали на него взгляды обиды, замешательства и тоски. Это не беспокоило его. Когда его направили туда, где спали рабы, в сооружение, которое едва ли чем-то отличалось от конюшен, он сразу разобрался в неофициальной иерархии геранцев генерала. Он стоял на низшей ступени этой лестницы.

Он ел свой хлеб вместе с остальными и пожимал плечами при вопросах о том, почему его не отправили работать. На прямые вопросы он отвечал. Но по большей части слушал.

На третий день он стал составлять мысленный план территории поместья и отмечать на нем хозяйственные постройки: помещения для рабов, конюшни, казармы, где проживала стража генерала, кузню, небольшие склады, маленький домик у сада. Имение было весьма обширным, в особенности учитывая то, что оно находилось в черте города. Раб радовался, что у него есть столько свободного времени для изучения этого места.

Он сидел на небольшом холме возле фруктового сада, и высота позволила ему увидеть идущего от виллы управляющего задолго до того, как тот прибыл. Это принесло рабу удовлетворение, так как подтверждало его недавнее подозрение: если имение генерала Траяна атаковать надлежащим образом, то защищаться здесь будет весьма непросто. Поместье досталось генералу, вероятно, потому, что было самым большим и богатым в городе и идеально подходило для содержания личной стражи и лошадей, но поросшие деревьями холмы, окружающие дом, предоставят возможным врагам недурное преимущество. Раб задавался вопросом: неужели генерал не видит этого? Впрочем, валорианцы не знали, каково это, когда на твой дом нападают.

Раб подавил эти мысли. Они грозили разворошить воспоминания. Он приказал своему сознанию стать замерзшей землей: твердой и бесплодной.

Он сосредоточил свой взгляд на управляющем, взбиравшемся вверх по холму. Пост управляющего имением, как и пост экономки, были одними из немногих из всей прислуги,

которые считались слишком важными, чтобы назначать на них геранцев. Раб предположил, что управляющему хорошо платили. Определенно, одет он был богато: в позолоченные ткани, которые нравились валорианцам. Редкие светлые волосы мужчины развивались на ветру. Когда он приблизился, раб услышал бормотание на валорианском и понял, что раздражение мужчины направлено именно на него.

— Ты, — с сильным акцентом сказал ему управляющий по-герански. — Здесь ты есть, лентяй-бездельник.

Раб помнил имя мужчины — Гарман, — но не стал использовать его. Он никак не ответил, просто позволил Гарману изливать свою злость. Его забавляло, как мужчина издевался над чуждым ему языком. Акцент управляющего был смешон, грамматика — того хуже. Единственным его достижением был богатый словарь оскорблений.

— Ты иди. — Гарман взмахнул рукой, приказывая, чтобы невольник следовал за ним.

Раб быстро понял, что его ведут в кузню.

Снаружи ждала еще одна геранка. Раб узнал ее, хоть видел только во время еды и после вечернего звона. Ее звали Лира, и она работала в доме. Симпатичная девушка была моложе его, возможно, слишком молода, чтобы помнить войну.

Гарман начал говорить с ней по-валориански. Раб терпеливо дожидался, пока она переводила.

— Леди Кестрел нельзя беспокоить по поводу того, куда определить тебя, поэтому я... — она вспыхнула, — то есть он, — кивнула она на Гармана, — решил дать тебе работу. Обычно стража генерала сама заботится о своем оружии, а дляковки нового нанимают валорианского кузнеца из города.

Раб кивнул. Существовали серьезные причины, по которым валорианцы редко обучали геранских невольников кузнечному делу. Чтобы понять их, стоило лишь оглядеться в кузне. Любой сразу же заметит тяжелые инструменты и представит, какой силой нужно обладать, чтобы управляться с ними.

— Теперь этим будешь заниматься ты, — продолжили Лира, — если продемонстрируешь достаточные навыки.

Гарман принял последовавшее молчание за ожидание его дальнейших слов. Лира перевела:

— Сегодня ты будешь делать подковы.

— Подковы?

Это было слишком просто.

Лира сочувственно улыбнулась ему. Когда она заговорила, тон голоса был ее собственным, а не чопорным, повторяющим слова Гармана:

— Это проверка. До заката ты должен сделать столько подков, сколько сможешь. Ты умеешь подковывать лошадей?

— Да.

Лира, казалось, огорчилась за него. Она передала его слова управляющему, который сказал:

— Тогда этим он займется завтра. Нужно подковать каждую лошадь в конюшне. — Он фыркнул. — Посмотрим, как это животное справится с теми.

До войны валорианцы восхищались геранцами и даже завидовали — да, завидовали, — им. Теперь же, казалось, эти чары развеялись или были заменены другими. Рабу было сложно в это поверить. Каким-то образом, возможными стали обращения вроде

«животного». Каким-то образом, так стали называть его. Это открытие он сделал десять лет назад, но все равно каждый день изумлялся заново. Повторение должно было притупить боль. Вместо этого рана постоянно снова начинала кровоточить. От подавляемой ярости во рту стало кисло.

Вежливое отрепетированное выражение на лице Лиры не дрогнуло. Она указала на корзину с углем, растопочный материал и кучи необработанного или уже использованного железа. Управляющий положил на наковальню коробочку со спичками. А затем он вместе с девушкой ушел.

Раб огляделся, раздумывая, стоит ли ему пройти эту проверку или провалить ее. Он вздохнул и разжег огонь.

*

Вольное время закончилось. В свой первый день в кузне раб произвел более пятидесяти подков — достаточно, чтобы показаться умелым и преданным делу, но не слишком много, чтобы привлечь внимание. На следующий день он подковал всех лошадей, даже тех, чьи подковы были новыми. Конюх предупредил, что с некоторыми лошадьми, особенно с жеребцами генерала, может быть сложно работать, но раб справился без трудностей. Тем не менее он позаботился, чтобы эта работа заняла у него весь день. Ему нравилось прислушиваться к тихому фырканию лошадей и ощущать их нежное теплое дыхание. Кроме того, конюшни были подходящим местом, чтобы услышать новости, — или могли бы быть, если бы солдаты пришли тренировать лошадей.

Или появилась бы девчонка.

Раба посчитали хорошей покупкой. «У леди Кестрел ясный взгляд», — неохотно сказал Гарман, и рабу поручили поправить несколько мечей, а также выковать новые.

Каждый раз, когда раб шел в сумерках от кузни к помещениям для невольников, вилла светилась. Рабам полагалось в это время спать, но беспокойные валорианцы еще долго не ложились. Они умели довольствоваться весьма короткими часами сна — шестью и менее, если необходимо. Это было одно из тех умений, что помогли им во время войны.

Раб первым растянулся на своем убогом ложе. Каждую ночь он старался обдумывать дневные события и выделять из них полезную информацию, но сейчас часы его бодрствования были полностью заполнены тяжелой работой.

Он устало закрыл глаза, размышляя, не были ли те два дня идиллии излишним искушением. Они позволили ему забыть, кто он. Шутили шутки с его сознанием.

Иногда на границе сна и яви ему казалось, что он слышит музыку.

Кестрел считала свой дом обиталищем эха: в большей части комнат, хоть и красивых, никто не жил. На прилегающих землях тоже было спокойно, звуки раздавались лишь приглушенные: скрип мотыги в саду, легкий стук лошадиных копыт по расположенному в стороне от дома пастбищу, вздохи деревьев. Обычно Кестрел наслаждалась тем, как простор и тишина оживляли ее органы чувств.

Но последнее время ей не было дома покоя. Она пыталась погрузиться в музыку, но поняла, что играет сейчас только сложные композиции, ноты которых почти сливались вместе, заставляя ее пальцы безостановочно порхать по клавишам. После занятий она чувствовала изнеможение. Ноющая боль была несильной и присутствовала только в отдельных местах — в запястьях и пояснице, — но в минуты, проведенные без музыки, она не могла игнорировать эти неудобства. Каждое утро Кестрел клялась себе, что не будет так усердствовать за роялем. Но на закате, после долгих часов подавленности и ощущения, будто она от чего-то скрывается в своем доме, Кестрел снова сплетала из музыки что-нибудь изнурительное.

Однажды в полдень, через восемь дней после торгов, прибыла записка от Джесс. Кестрел нетерпеливо развернула ее, радуясь возможности отвлечься. Джесс своим обычным почерком с завитушками короткими живыми предложениями спрашивала, почему Кестрел прячется от нее. Не нанесет ли она сегодня Джесс визит? Требуется совет Кестрел по поводу того, что надеть на пикник леди Фарис. Джесс добавила постскриптум, буквы которого были мельче, а почерк — менее разборчивым и более торопливым. Это означало, что она не могла воспротивиться желанию обронить прозрачный намек, но в то же время беспокоилась, что это вызовет у Кестрел раздражение: «Между прочим, мой брат спрашивал о тебе».

Кестрел потянулась за сапогами для верховой езды.

Проходя через свои апартаменты, она заметила отблеск в окне домика с соломенной крышей, что стоял у сада.

Кестрел помедлила, постукивая по бедру кожаными сапогами, которые держала в руках. Домик находился недалеко от помещений рабов, маячащих на грани видимости из окна. Девушка почувствовала укол неловкости.

Разумеется, она ощущала себя неловко. Кестрел отвела взгляд от помещений рабов и сосредоточилась на домике Инэй. Она уже несколько дней не навещала свою старушкуняню. Неудивительно, что вид из окна встревожил ее, ведь оно выходило на милый маленький домик, построенный Кестрел для женщины, что вырастила ее. Хорошо, она зайдет к Инэй по пути в конюшни.

К тому времени, как она закончила шнуровать сапоги и спустилась вниз, управляющий уже поведал посредством почти мгновенно разносящихся по имению слухов, что Кестрел уходит. Гарман поджидал ее у двери гостиной.

— Собираетесь покататься, миледи?

Кестрел натянула перчатку.

— Как видите.

— Нет нужды просить о сопровождении. — Гарман щелкнул пальцами пожилому геранцу, который мыл пол. — Вот этот подойдет.

Кестрел медленно выдохнула.

— Я еду к Джесс.

— Уверен, он умеет ездить на лошади, — сказал Гарман, хоть и он сам, и Кестрел знали, что это маловероятно. Рабов не учили ездить на лошадях. Либо они умели делать это до войны, либо уже никогда не научатся. — В противном случае, — продолжил Гарман, — вы вместе можете отправиться в экипаже. Генерал с радостью позволит Вам взять двух лошадей и карету, ради того чтобы с вами было должное сопровождение.

Кестрел кивнула, но едва заметно. Она повернулась, чтобы уйти.

— Миледи, еще один вопрос...

Кестрел представляла, о чем собирался говорить управляющий, но не могла приказать ему молчать, потому что таким образом признала бы, что знает тему, но сожалеет об этом.

— Неделию назад Вы приобрели молодого раба, — начал управляющий. — Вы так и не соизволили отдать распоряжения насчет того, куда его определить.

— Я забыла, — солгала Кестрел.

— Разумеется. Вашего внимания требуют более важные вещи. Тем не менее я был уверен, что в Ваши намерения не входило позволять рабу без дела болтаться по имению, поэтому назначил его в кузню, чтобы он подковывал лошадей. Он хорошо справился. Примите мои комплименты, леди Кестрел. Вы — превосходный знаток рынка геранцев.

Она поглядела на управляющего.

Он сказал, будто оправдываясь:

— Я отправил его в кузню лишь потому, что он подходит для этой работы.

Кестрел повернулась к двери. Открыв ее, она увидела только деревья. С этой стороны дома не было ничего, что могло бы взволновать ее.

— Вы приняли правильное решение, — сказала она. — Поступайте с ним так, как считаете нужным.

Кестрел вышла наружу, сопровождающий ее раб молча последовал за ней.

Все же она не остановилась у домика Инэй, а сразу прошла к конюшням. Как всегда, там был старый конюх-геранец. И никого больше. Кестрел погладила по носу свою большую лошадь, выращенную для войны и выбранную для дочери генералом.

Услышав позади себя шаги, сообщающие, что в конюшню кто-то вошел, она обернулась. К конюху подошли двое солдат и приказали, чтобы тот оседлал их лошадей. Кестрел заглянула за их спины и увидела, что у двери ее терпеливо ждет геранец, которого выбрал для нее Гарман.

Ей не хотелось терять время на то, чтобы узнавать, умеет ли он ездить верхом. Кестрел хотела выехать сейчас же. Оказавшись у Джесс, она отправит раба на кухни, чтобы не видеть его до тех пор, пока не настанет пора возвращаться домой.

— Сначала подготовь мой экипаж, — приказала она конюху, бросив солдатам предупреждающий взгляд. Они не стали спорить, но были заметно раздражены. Кестрел это не волновало. Ей нужно было покинуть поместье, и как можно скорее.

*

— Вот это?

Кестрел, сидевшая на заваленном платьями диване, подняла взгляд.

— Кестрел, не отвлекайся, — потребовала Джесс.

Кестрел моргнула. Черноволосая девочка, рабыня Джесс, повязывала лентой талию

своей госпожи, стараясь сделать так, чтобы цветастые юбки колокольчиком улеглись на бедрах. Кестрел спросила:

— Разве ты это платье еще не мерила?

— Нет. — Джесс выхватила ленту из рук рабыни и бросила ее в кучу шелков возле Кестрел. — Тебе это ненавистно, да?

— Нет, — ответила Кестрел, но Джесс уже начала выбираться из платья, в то время как рабыня обеспокоенно пыталась расстегнуть пуговицы до того, как они вырвутся. Розовые юбки упали на колени Кестрел.

— Что наденешь ты? — Джесс стояла в одной комбинации. — Этим летом пикник леди Фарис — событие сезона. Нельзя выглядеть хуже, чем восхитительно.

— Для Кестрел это не составит труда, — сказал элегантный, стильно одетый молодой человек, который неслышно открыл дверь и стоял, прислонившись к косяку. Брат Джесс улыбнулся Кестрел.

Кестрел ответила Ронану кривой улыбкой, которая показывала, что она знает: напыщенный флирт является сейчас последним писком моды среди молодых валорианцев и сам по себе ничего не означает. Тем не менее Кестрел понимала, что как раз ради этого — переодеваний, беспечных комплиментов Ронана — она и приехала сюда, надеясь, что ее разум будет слишком занят, чтобы погружаться в мысли.

Ронан прошел через комнату, скинул платья с дивана на пол и уселся рядом с Кестрел. Темноволосая рабыня с ошеломленным видом наклонилась, чтобы подобрать одеяния.

Кестрел ощутила внезапный порыв сказать что-нибудь резкое, но не знала кому. Затем из коридора раздалась музыка и спасла ее и остальных от возможного неловкого положения.

— Ноктюрн Сенеста, — произнесла она, узнав композицию.

Ронан прислонил свою светловолосую голову к резному подголовнику дивана. Вытянув ноги, обутое в сапоги, он откинулся на мягкую спинку и поднял взгляд на Кестрел.

— Я приказал Олену играть, — сообщил он, имея в виду их домашнего музыканта-геранца. — Я знаю, что это одна из твоих любимых композиций.

Кестрел слушала. Ноты были аккуратными, но темп — странным. Она насторожилась, когда начался сложный пассаж, и не удивилась, когда музыкант сбился.

— Я могла бы сыграть, — предложила она.

Брат и сестра переглянулись.

— В другой раз, — произнес Ронан. — Родители дома.

— Они не заметят.

— Ты слишком талантлива. — Ронан положил руку поверх ее. — Заметят.

Кестрел убрала ладонь. Ронан невозмутимо потянулся к лежащей между ними ленточке и стал играть полоской ткани, накручивая ее на свои бледные пальцы.

— Итак, — сказал он, — что же это я слышал о твоей расточительной покупке на торгах? Об этом все говорят.

— Или говорили, — добавила Джесс, — до того, как произошла дуэль между кузенами Тренексами.

— На смерть? — спросила Кестрел. Император запретил дуэли, но они были слишком давней традицией, чтобы так легко поддаться искоренению. Обычно, если исходом не становилась смерть, власти не обращали на них внимание, и даже в худшем случае единственным наказанием было взимание штрафа.

— Нет, — взволнованно ответила Джесс, — но кровь пролилась.

— Расскажите мне все.

Джесс набрала в легкие воздуха, готовая выпалить сплетню, но Ронан поднял палец с намотанной на него лентой и указал им на Кестрел.

— Ты, — произнес он, — уходишь от ответа. Давай-ка. Растолкуй, что за загадка стоила тебе пятидесяти кейстонов.

— Никакой загадки нет.

Кестрел решила предоставить разумное объяснение, которое, впрочем, не имело никакой связи с причинами, заставившими ее купить раба.

И что это были за причины?

Возможно, жалость. То странное чувство родства.

Или же все дело было лишь в самом обыкновенном постыдном желании обладать?

— Тот раб — кузнец, — сказала Кестрел. — У моего отца личная стража. Нам не хватало кого-то, кто содержал бы оружие в надлежащем порядке.

— Как раз это нахваливал распорядитель торгов, — вспомнила Джесс, надевая другое платье. — Тот парень безупречно подходит для хозяйства Кестрел.

Ронан приподнял брови.

— За пятьдесят кейстонов?

— Какая мне разница? — Кестрел хотела закончить этот разговор. — Я достаточно богата. — Она прикоснулась к рукаву Ронана. — А сколько, — она потерла шелк между пальцами, — стоило это?

Ронан, чья изысканно вышитая рубашка легко могла бы сравниться ценой с рабом, признал, что в словах девушки есть смысл.

— Он протянет дольше, чем эта рубашка. — Кестрел выпустила ткань. — Я бы сказала, это была выгодная сделка.

— Справедливо, — согласился Ронан с разочарованным видом. Кестрел не знала, было ли его разочарование вызвано тем, что она отстранилась или что ее загадка оказалась вовсе не такой загадочной, как он ожидал. Девушка предпочла бы второе. Кестрел хотела, чтобы про раба забыли и она сама, и все остальные.

— Возвращаясь к одежде, — сказала Джесс, — мы так и не решили, что я надену.

— Как насчет этого? — Кестрел встала, радуясь предложению покинуть диван, прошла через гардеробную к шкафу и достала из него платье, рукав которого торчал из открытых дверей. Держа наряд в руках, она рассматривала его необыкновенно нежный сиреневый оттенок. Кестрел провела рукой по рукаву и выпустила его, восхищаясь серебристым блеском материи. — Ткань чудесная.

— Кестрел, ты сошла с ума?

Глаза Джесс расширились. Ронан рассмеялся, и Кестрел осознала: он думал, что она пошутила.

— Я не знаю, почему у меня вообще есть это платье, — сказала Джесс. — Его цвет такой немодный. Оно ведь практически серое!

Кестрел бросила на Джесс изумленный взгляд, но не увидела лица подруги. Лишь образ горьких, прекрасных глаз раба.

Раб достал из огня полоску докрасна раскаленного металла и положил на наковальню. Удерживая металл щипцами, он ударами молота сделал его плоским и ровным. Затем, не позволяя металлу охладиться, раб положил наполовину готовое изделие на край наковальни и бил по нему, пока металл не изогнулся. Раб напомнил себе, что ему и самому надо поддаться. Он должен принять ту форму, которой от него ожидают здесь, в доме генерала, иначе он никогда не добьется своей цели.

Закончив, он сложил подковы в деревянный ящик. Раб помедлил на последней, водя пальцем по чередке отверстий, через которые подкову прибивют к копыту лошади. Подкова была по-своему безупречной. Стойкой.

И исчезнет из виду, как только ею подкуют лошадь.

Раб отнес подковы в конюшню. Девчонка была там.

Она ласкала одну из боевых лошадей. Хотя она вернулась в экипаже, но выглядела так, будто собиралась на конную прогулку по поместью: на ней были сапоги для верховой езды. Оставаясь от нее на почтительном расстоянии, раб поставил ящик с подковами рядом с прочей упряжью. Однако девчонка, ведя за собой свою лошадь, сама подошла к нему.

Она помедлила, хоть он не видел этому причины.

— Я беспокоюсь, как бы Джавелин^[2] не потерял подкову, — сказала она по-герански. — Пожалуйста, осмотри его.

Тон ее голоса был вежливым, но «пожалуйста» прозвучало неохотно. Это была ложь, притворство, будто ее слова — не приказ. Слои краски на стенах темницы.

И ему не нравилось слышать ее голос, потому что она слишком хорошо говорила на его языке. Почти как на родном. Это раздражало его. Он сосредоточился на валорианском слове.

— Джавелин, — произнес он, будто пробуя имя коня на язык.

— Это оружие, — пояснила девчонка. — Вроде копья!

— Я знаю, — ответил он и тут же пожалел об этом. Никому — особенно ей или генералу — не должно стать известно, что он понимает валорианский.

Но девчонка не заметила. Она была занята тем, что гладила коня по шее.

В конце концов, с чего ей обращать внимание на то, что говорит раб?

Конь прислонился к ней, словно переросший котенок.

— Я назвала его еще в юном возрасте.

Раб поднял на нее взгляд.

— Ты и сейчас юна.

— Тогда я была столь юна, что хотела произвести впечатление на отца.

Ее лицо приняло задумчивое выражение.

Раб безразлично дернул плечом. Он ответил так, будто не понял, что она поделилась с ним чем-то, похожим на секрет:

— Ему подходит это имя, — заметил он, хоть рослое животное было с хозяйкой слишком нежным, чтобы полностью оправдать свою кличку.

Она перевела свой взгляд на раба.

— А вот тебе твое — нет. Кузнец.

Возможно, так вышло от неожиданности. Или из-за ее безупречного говора. Позже он скажет себе, что был уверен: она захочет переименовать его, как делали иногда валорианцы

со своими рабами, и тогда он обязательно сделает или скажет что-нибудь глупое, что разрушит все его планы.

Но, сказать по правде, он не знал, почему открыл рот.

— Кузнецом меня назвал первый хозяин, — сообщил он ей. — Это не настоящее мое имя. Меня зовут Арин.

Генерал был весьма занятым человеком, но не настолько, чтобы не прознать об этом, вздумай Кестрел пренебречь его пожеланиями. Со дня торгов Кестрел казалось, что за ней следят. Она старательно посещала свои занятия с Раксом, капитаном стражи отца.

Нельзя сказать, что Ракс огорчился бы, не пояись она в назначенное время в тренировочной зале, смежной с казармами стражи. Когда Кестрел была ребенком и ревностно пыталась показать себя, Ракс относился к ней по-своему снисходительно. Он едва ли пошел дальше того, чтобы заметить, что у нее нет прирожденного таланта к боевым искусствам. Он улыбался ее стараниям и позаботился, чтобы она прилично научилась владеть всеми видами оружия, которыми должен владеть солдат.

Но с годами кончилось и его терпение. Кестрел стала беспечной. Она отвлекалась при фехтовании. Ее глаза не покидало мечтательно выражение, даже когда он кричал. При стрельбе из лука она промахивалась, наклонив голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего он не слышал.

Кестрел помнила, как росло его подозрение. Как он требовал, чтобы она прекратила защищать кисти рук. Она держала тренировочный меч слишком робко и отшатывалась, если казалось возможным, что атака Ракса подвергнет опасности ее пальцы. Получала из-за этого удары по корпусу, которые убили бы ее, будь меч сделанным из металла, а не из дерева.

Однажды, когда ей было пятнадцать, Ракс выбил ее щит и плашмя ударил мечом по ее пальцам. Кестрел рухнула на колени. Она почувствовала, как ее лицо побелело от боли и страха, и знала, что не должна плакать, не должна прижимать к себе пальцы, не должна наклоняться, чтобы телом защитить кисти от следующей атаки. Ей не следовало подтверждать то, что Ракс уже знал.

Он отправился к генералу и сказал ему: если тот хочет иметь в доме музыканта, то пусть пойдет на рынок и купит его.

Отец запретил Кестрел играть. Но одной из ее немногих боевых способностей было то, что она умела долго обходиться без сна. В этом она могла сравниться с генералом. Поэтому, когда отек ее левой руки спал, а Инэй размотала тугую обездвиживающую повязку вокруг ее пальцев, Кестрел начала играть по ночам.

Ее разоблачили.

Она помнила, как бежала за отцом, хватая его за руки, за локти, за одежду, когда он посреди ночи шел к казармам за булавой. Он проигнорировал мольбы дочери.

Он мог легко уничтожить рояль. Он был таким большим, а она — маленькой и не могла заслонить собой инструмент. Если бы она встала перед клавишами, он бы разбил корпус. Разломал молоточки, порвал тросы.

— Я ненавижу тебя, — сказала она, — и мама бы тоже ненавидела.

Позже Кестрел поняла, что его остановил не ее несчастный голос. Не слезы на ее щеках. Он видел, как взрослые мужчины и женщины рыдали еще сильнее. Не потому он опустил булаву. Но даже сейчас Кестрел не знала, что заставило его: любовь к дочери или любовь к покойнице.

— Что будет сегодня? — протяжно произнес Ракс с лавки в другом конце тренировочной залы. Он провел рукой по своим седым волосам и лицу, будто этим жестом мог смахнуть очевидную скуку.

Кестрел собиралась ответить ему, но осознала, что неотрывно смотрит на картины на стенах, хоть и хорошо их знает. На них парни и девушки прыгали через спины быков. Картины были валорианскими, как и само это здание. Светлые, рыжеватые и даже каштановые волосы развевались позади изображенных молодых людей, которые подпрыгивали над рогами быков, опирались ладонями на спины животных и перелетали через их зады. Это был обряд посвящения, и, перед тем как император запретил его, как и дуэли, все валорианцы проходили его в возрасте четырнадцати лет. Кестрел делала это. Она хорошо помнила тот день. Отец очень гордился ею. Он предложил ей на день рождения любой подарок, который она только пожелает.

Кестрел задалась вопросом, видел ли раб... видел ли Арин эти картины и что мог о них подумать.

Ракс вздохнул.

— Тебе не надо тренироваться стоять и пялиться. У тебя это и так хорошо получается.

— Иглы. — Кестрел отбросила мысли о рабе. — Давайте займемся Иглами.

— Какое неожиданное желание.

Он не стал говорить, что они занимались этим и вчера, и позавчера, и до этого. Иглы были единственным оружием, вид которого в ее руках он более-менее мог вынести.

Ракс взял палаш, а Кестрел прикрепила небольшие ножи к лодыжкам, талии и предплечьям. Каждый притупленный тренировочный клинок легко умещался в ее ладони. Только отрабатывая владение Иглами, она могла забыть, что это оружие.

Ракс лениво отразил первый нож, который полетел из ее пальцев через комнату. Он сбил ее клинок на лету. Но у нее остались еще. А когда, стараниями Ракса, дело дошло до рукопашной, она могла бы победить его.

*

Но не победила. Кестрел хромала по траве к домику Инэй.

На свой четырнадцатый день рождения Кестрел попросила у отца дать этой женщине свободу. По закону рабы принадлежали главе дома. Инэй была няней Кестрел, но собственностью генерала.

Ему не понравилась просьба дочери. Но он обещал ей все, что угодно.

И хоть сейчас Кестрел была рада, что Инэй осталась на вилле, что она откроет Кестрел, потной и обескураженной, дверь своего домика, как только та постучит, девушка помнила, как несчастно себя ощущала, когда рассказала Инэй о своем подарке, а геранка непонимающе на нее уставилась.

— Свободна?

Инэй прикоснулась к своему запястью, где должно было появиться клеймо.

— Да. Ты... не рада? Я думала, что тебе бы этого хотелось.

Руки Инэй упали на колени.

— Но куда мне идти?

И тогда Кестрел увидела то, о чем говорила Инэй: старой одинокой геранской женщине, какой бы свободной она не была, невероятно сложно придется в захваченной неприятелем стране. Где она будет спать? Как ей зарабатывать на еду, если геранцы не могут никого нанимать, а у валорианцев есть рабы?

Кестрел воспользовалась частью своего наследства после смерти матери, чтобы

построить для няни домик.

Сейчас, открыв дверь, Инэй нахмурилась.

— Где ты была? Я, наверное, для тебя никто, раз ты так долго меня не навещала.

— Прости.

Инэй смягчилась и отвела с лица Кестрел растрепавшуюся прядь волос.

— Уж очень ты несчастно выглядишь. Заходи, дитя.

В очаге плясал небольшой огонек для готовки. Кестрел рухнула в кресло возле него и ответила «нет» на вопрос, голодна ли она. Геранка бросила на девушку вопросительный взгляд.

— В чем дело? Несомненно, к настоящему времени ты уже должна была привыкнуть к избиениям Ракса.

— Есть кое-что, о чем я боюсь рассказать тебе.

Инэй отмахнулась от ее слов.

— Разве я не умею хранить секреты?

— Это не секрет. Почти все знают. — Следующие ее слова, казалось, не могли отразить смысла того, о чем она говорила. — Более недели назад я была с Джесс на рынке. Я была на торгах.

Лицо Инэй приняло настороженное выражение.

— О, Инэй, — произнесла Кестрел. — Я совершила ошибку.

Арин был удовлетворен. Ему все чаще приказывали ковать новое или чинить старое оружие, и из отсутствия жалоб он заключил, что его работу ценят. Хотя управляющий нередко требовал изготовить больше подков, чем могло быть необходимо даже для конюшни вроде генеральской, Арин не возражал против этого однообразного и простого занятия. Оно притупляло сознание. Арин представлял, что его голова полна снега.

По мере того, как он приживался среди остальных рабов, они стали больше говорить с ним во время еды и меньше следить за своими словами. Арин так часто бывал в конюшнях, что скоро солдаты перестали обращать на него внимание. До него доходили разговоры об учениях, которые проходили за городскими стенами. Крепко сжав поводья лошади, он слушал благоговейные истории о событиях десятилетней давности, когда генерал, который тогда был лейтенантом, прошел тропой разрушений через горы полуострова в портовый город и положил конец Геранской войне.

По одному Арин разжал пальцы и продолжил заниматься своим делом.

Однажды во время ужина Лира села рядом с ним. Она стеснялась и долго бросала на него любопытные взгляды, а затем спросила:

— Кем ты был до войны?

Он приподнял бровь.

— А ты?

Лицо Леры подернулось тенью.

— Я не помню.

Арин тоже солгал:

— Как и я.

*

Он не нарушал правил.

Другие рабы могли бы поддаться искушению и во время пути через апельсиновую рощу, что разделяла кузню и помещения для невольников, сорвать с дерева фрукт. Быстро почистить его, закопать яркую кожуру в землю и съесть мякоть. Иногда за обедом из тушеного мяса и хлеба Арин думал об этом. Когда он шел между деревьями, искус был почти невыносим. От запаха цитрусовых у него пересыхало во рту. Но он не трогал плодов. Он отводил взгляд и продолжал идти.

Арин не знал, какого бога он прогневал. Возможно, бога смеха. Какого-нибудь ленивого и жестокого, который посмотрел на невиданную покорность Арина, улыбнулся и сказал, что так не может продолжаться вечно.

В сумерках Арин возвращался из конюшен в помещения для рабов и услышал это.

Музыка. Он замер. Первой его мыслью было то, что сны, виденные им почти каждую ночь, вырвались из его сознания на свободу. Затем, когда ноты продолжили проникать сквозь колыхавшиеся деревья и взлетать над стрекотанием цикад, он понял, что они реальны.

Звуки раздавались со стороны виллы. Ноги Арина пошли на музыку до того, как он смог приказать им остановиться, но, к тому времени как его разум осознал, что происходит, он

тоже был очарован.

Ноты были быстрыми и чистыми. Они сталкивались друг с другом затейливыми узорами, как течения в море. А затем они смолкли.

Арин поднял взгляд. Он стоял на границе деревьев. Небо побледнело и стало фиолетовым.

Приближалась ночь — запретное время для рабов.

Он почти взял себя в руки, почти повернул обратно, но затем раздались несколько низких нот. У него перехватило дыхание. Музыка лилась медленными волнами и приобрела другую тональность. Ноктюрн. Арин двинулся к саду, за которым горели светом стеклянные двери на первом этаже.

Раздался вечерний звон, но ему было все равно.

Он увидел того, кто играл. Ее лицо было освещено. Склонившись над колеблющимся пассажем, она слегка нахмурилась и набросила поверх печального звука несколько высоких нот.

Ночь по-настоящему вступила в свои права. Арин гадал, поднимет ли исполнительница глаза, но не опасался, что она заметит его среди теней сада.

Тот, кто находится в ярко освещенном месте, не видит, что происходит в темноте, и он знал это правило.

И снова управляющий остановил Кестрел, когда она покидала виллу.

— Собираетесь в город? — спросил он, загораживая выход в сад. — Не забудьте, миледи, что Вам нужно...

— Сопровождение.

— Генерал отдал мне приказ.

Кестрел решила досадить Гарману в той же мере, в какой он досаждал ей.

— Тогда пошлите за тем кузнецом.

— Зачем?

— Чтобы он сопровождал меня.

Гарман было улыбнулся, но потом понял, что она говорит серьезно.

— Он для этого не подходит.

Кестрел знала это.

— Он угрюм, — продолжил Гарман, — неуправляем. Насколько я знаю, прошлой ночью он нарушил правило вечернего звона.

Кестрел было все равно.

— Он даже не выглядит надлежащим образом.

— Исправьте это.

— Леди Кестрел, он вызывает неприятности. Вы еще не опытны и не видите этого. Вы не видите того, что находится у Вас прямо под носом.

— Не вижу? Я вижу Вас. Того, кто приказал нашему кузнецу выковать сотни подков за те две недели, что он провел здесь, в то время как главная ценность этого раба заключается в его умении изготавливать оружие. Кроме того, лишь часть тех подков оказались в наших конюшнях. Чего я не вижу, так это того, куда делись остальные. Полагаю, их можно обнаружить на рынке, проданными за неплохую цену. Полагаю, они могли превратиться в восхитительные часы.

Рука Гармана дернулась к золотой цепочке для часов, высывавшейся из его кармана.

— Сделайте, как я сказала, Гарман, иначе Вы пожалеете.

По прибытии в дом Джесс Кестрел могла бы отправить Арина на кухни. Покинув улицы, она больше не нуждалась в сопровождении. Однако она приказала рабу остаться в салоне, где они с Джесс пили охлажденный османтусовый чай и ели пирожные из гибискуса и поделенные на дольки апельсины. Арин неподвижно стоял у дальней стены; его темно-синяя одежда сливалась с занавесями. И все же Кестрел было сложно не обращать на него внимание.

Его одели так, как полагалось в обществе. Высокий воротник его рубашки раньше являлся частью моды геранской аристократии. Сейчас такую одежду носили все домашние рабы мужского пола. Однако, если они были мудры, их лица не принимали выражение открытого презрения.

По крайней мере длинные рукава скрывали мускулы и шрамы его рук, которые говорили о десятилетии тяжелого труда. Краем глаза Кестрел наблюдала за Арином. В ее голове вертелась одна догадка.

— Кузены Тренексы снова взяли за свое, — сказала Джесс и стала описывать их

последнюю ссору.

Арин выглядел незаинтересованным. Разумеется, так выглядел бы любой, кто не понимает разговора на валорианском. Тем не менее Кестрел подозревала, что он выглядел бы точно так же, если бы вслушивался в каждое слово.

И она считала, что это он и делал.

— Я клянусь, — продолжила Джесс, теребя серьги, которые Кестрел купила тогда на рынке, — это лишь вопрос времени, когда один из братьев погибнет, а другому придется платить посмертный штраф.

Кестрел вспомнила единственное слово, которое сказал ей Арин по-валориански: нет. Вспомнила, каким слабым был его акцент. Более того, он знал значение имени Джавелин. Возможно, это не было столь необычно: Арин — кузнец, вероятно, ему приходилось ковать для валорианцев копья. И все же Кестрел казалось странным, что он знает это слово.

На самом деле ее заставила призадуматься легкость, с которой раб узнал его.

— Не могу поверить, что пикник леди Фарис уже через несколько дней! — восклицала Джесс. — Ты ведь заедешь к нам за час до него и отправишься в нашем экипаже, так? Ронан сказал мне спросить тебя.

Кестрел представила себя в ограниченном пространстве кареты вместе с Ронаном.

— Думаю, будет лучше, если я поеду отдельно.

— Ты просто не умеешь веселиться! — Джесс помедлила и затем сказала: — Кестрел, не могла бы ты попытаться быть на празднике более... обыкновенной?

— Обыкновенной?

— Ну, знаешь, все считают, что ты слегка эксцентрична.

Кестрел и в самом деле это знала.

— Нет, конечно, тебя любят. Но когда ты освободила свою няню, об этом говорили. Все бы забыли, но ты каждый раз делаешь что-нибудь еще. Твоя музыка — общеизвестный секрет. Я не говорю, что это плохо.

У них случались такие разговоры и раньше. Весь вопрос заключался в преданности Кестрел. Если бы она играла изредка, как ее мать, на это никто не обращал бы внимания. Если бы до войны геранцы не ставили музыку так высоко, это тоже многое могло бы изменить. Но с точки зрения валорианского общества, музыка была наслаждением, которое получают, а не создают, и никому не приходило в голову, что создание музыки также может принести удовольствие.

Джесс все еще говорила:

— ...а потом были торги...

Она бросила на Арину неловкий взгляд.

Кестрел тоже посмотрела на раба. Выражение его лица по-прежнему было безучастным, но как будто более внимательным.

— Ты стыдишься быть моей подругой? — спросила Кестрел у Джесс.

— Как ты можешь так говорить?

Джесс казалась искренне уязвленной, и Кестрел пожалела о своем вопросе. Он был несправедлив, особенно после того, как Джесс пригласила ее вместе отправиться на пикник.

— Я попробую, — пообещала Кестрел.

Джесс, казалось, успокоилась. Она попыталась ослабить напряжение тем, что гадала, когда и какую еду подадут на празднике и от каких парочек можно ожидать скандального поведения.

— Там будут все симпатичные молодые люди.

— Хммм, — произнесла Кестрел, поворачивая свой стоявший на столе бокал по кругу.

— Я говорила тебе, что на пикнике Фарис покажет свету своего ребенка?

— Что?

Рука Кестрел замерла.

— Мальчику уже шесть месяцев, и погода должна быть безупречной. Это отличная возможность представить его обществу. Почему ты так удивлена?

Кестрел пожала плечами.

— Это смелый ход.

— Я не понимаю.

— Муж Фарис мальчику не отец.

— Не может быть, — прошептала Джесс с притворным ужасом. — Откуда ты знаешь?

— Точно мне ничего не известно. Но недавно я навещала Фарис и видела ребенка. Он слишком красив. Совсем не похож на ее старших детей. Вообще-то, — Кестрел постучала пальцами по своему бокалу, — лучший способ скрыть эту тайну — сделать как раз так, как Фарис планирует. Никто не поверит, что леди из высшего общества станет представлять своего незаконнорожденного сына на крупнейшем празднике сезона.

Джесс в изумлении посмотрела на Кестрел, а затем рассмеялась.

— Кестрел, тебе, определенно, улыбнулся бог лжи!

Кестрел скорее почувствовала, чем услышала резкий вдох с противоположного конца комнаты.

— Что ты сказала? — прошептал Арин по-валориански, уставившись на Джесс.

Та неуверенно переводила взгляд с него на Кестрел.

— Бог лжи. Геранский бог. Ты же знаешь, у валорианцев нет богов.

— Разумеется, у вас нет богов. У вас нет душ.

Кестрел поднялась на ноги. Раб подошел к ним. Девушка вспомнила, как распорядитель торгов приказал ему спеть, а тот едва не выскочил от ярости из кожи.

— Хватит, — потребовала она.

— Тебе улыбнулся мой бог? — Серые глаза Арина сузились. Его грудь вздымалась. А затем он подавил свой гнев, спрятав его глубоко внутри. Он смотрел в глаза Кестрел, и та поняла: он осознает, что только что выдал, насколько хорошо знает ее язык. Арин спросил Джесс намеренно ровным голосом: — С чего ты взяла, что он улыбнулся ей?

Кестрел начала говорить, но Арин жестом руки заставил ее замолчать. Джесс изумленно произнесла:

— Кестрел?

— Ответь мне, — потребовал Арин.

— Что же, — попыталась рассмеяться Джесс. — Так и есть, разве нет? Кестрел так ясно видит во всем истину.

Его губы жестоко изогнулись.

— Сомневаюсь.

— Кестрел, он — твоя собственность. Ты ничего не собираешься сделать?

Эти слова, вместо того чтобы заставить ее действовать, будто парализовали ее.

— Ты считаешь, что видишь истину, — сказал Арин Кестрел по-герански, — потому что люди позволяют тебе верить в это. Если ты обвинишь геранца во лжи, думаешь, он посмеет возразить тебе?

Ее ошеломило ужасной догадкой. Она почувствовала, как от ее лица отлила вся кровь и по венам разлился холод.

— Джесс, дай мне свои серьги.

— Что?

Джесс была совершенно сбита с толку.

— Одолжи мне их. Пожалуйста. Я верну.

Джесс сняла серьги и вложила их в протянутую руку Кестрел. Золотистые капельки-стекляшки подмигнули ей. Но были ли это на самом деле стекляшки? Торговка драгоценностями на рынке говорила, что это топазы, перед тем как Кестрел обвинила ее во лжи.

Кестрел заплатила больше, чем стоило стекло, но лишь малую часть стоимости настоящих драгоценных камней. Возможно, это были топазы, но торговка слишком боялась настоять на своем.

Кестрел обдало волной стыда. В комнате было тихо; Джесс теребила кружевные манжеты своих рукавов, а Арин, судя по всему, молча злорадствовал, что его последние слова попали в яблочко.

— Мы уходим, — сказала она ему.

Он не выказал больше признаков неповиновения. Кестрел знала, что так было не из-за страха, что она накажет его. Наоборот: теперь он был уверен, что она никогда этого не сделает.

*

Кестрел выпрыгнула из экипажа и решительно вошла в лавку самого уважаемого в городе валорианского ювелира. Арин следовал за ней.

— Я хочу знать, настоящие ли это камни.

Кестрел со стуком уронила серьги на стол перед ювелиром.

— Топазы? — спросил тот.

Кестрел было сложно говорить.

— Я здесь как раз для того, чтобы проверить.

Ювелир посмотрел на серьги через увеличительное стекло и сказал:

— Сложно определить. Нужно сравнить их с теми камнями, в подлинности которых я точно уверен. Это может занять некоторое время.

— Сколько понадобится.

— Миледи, — обратился к ней Арин на ее языке. Его голос был безупречно вежлив, будто не было никакой вспышки в салоне. — Вы позволите мне прогуляться по рынку?

Кестрел посмотрела на него. Это была необычная просьба, и Арин едва ли мог надеяться, что Кестрел удовлетворит ее, особенно после того, как он повел себя у Джесс.

— Вы в помещении, — продолжил он, — а значит, на данный момент не нуждаетесь в сопровождении. Я бы хотел увидеться с другом.

— С другом?

— Да, у меня есть друзья, — ответил он и добавил: — Я вернусь. Думаете, я далеко уйду, если попытаюсь бежать?

Закон, касающийся пойманных беглецов, был предельно ясен. Им отрубали уши и нос. Эти увечья не мешали невольнику работать.

Кестрел осознала, что ей стало невыносимо видеть перед собой лицо Арина. Скорее, она надеялась, что он попытается бежать, преуспеет в этом и ей больше никогда не придется иметь с ним дело.

— Возьми это. — Она сняла с пальца кольцо с печаткой, на которой были изображены когти птицы. — Тебя станут допрашивать, если увидят одного без клейма свободы или моего знака.

И она позволила ему уйти.

*

Арин хотел увидеть, как ее яркие волосы остригут, а на голову повяжут рабочую косынку. Он хотел увидеть ее в тюрьме. Жаждал держать в руках ключ от камеры. Он почти чувствовал его холодную тяжесть. То, что она не стала доказывать расположение к ней его бога, почему-то ничуть не остудило его негодование.

Какой-то торговец расхваливал свои товары. Звук его голоса вторгся в мысли Арина и прервал их мрачный ход. У него была здесь цель. Ему нужно было попасть в дом торгов. И освежить голову.

Ничто не должно обескураживать его сейчас, даже горький привкус в горле. Он подставил свое лицо солнцу и вдохнул пыльный воздух рынка. Этот воздух показался Арину даже более свежим, чем ароматы цитрусовой рощи генерала, потому что раб мог хотя бы притвориться, будто вдыхает его свободным. Он шагал, думая о том, что узнал в салоне. Его разум ощупывал фрагменты информации, оценивал их форму и размер и решал, станут ли они новыми звеньями в цепи.

Он помедлил мгновение на том факте, что его госпожа освободила рабыню. Затем Арин нанизал и эту бусину на леску своего сознания, позволил ей стукнуться об остальные и затихнуть. К нему эта информация не имела никакого отношения.

Многое из произошедшего за последний час Арин не понимал. Он представить себе не мог, почему девчонка с такой тревогой схватилась за серьги. Он знал лишь то, что каким-то образом одержал над ней верх, хоть и не без потерь. Теперь она будет бдительна насчет того, что говорит в его присутствии по-валориански.

По пути к цели Арина остановили только однажды, но солдат позволил ему пройти. Вскоре он оказался у дома торгов, где попросил увидеться с Плутом, который настолько сжился со своим валорианским прозвищем, что никто не знал, как его звали до войны. «Плут — бесподобное имя для распорядителя торгов», — говорил он.

Плут вошел в приемную. Увидев Арина, он улыбнулся. Обнаженные в злорадной ухмылке зубы напомнили Арину о том, что скрывал от многих людей распорядитель торгов. Плут был низким и обладал плотным телосложением, поэтому любил производить впечатление добродушного и медлительного человека. Немногие догадывались, что он воин. Пока он не улыбался.

— Как ты это провернул?

Плут указал рукой на Арина, который стоял перед ним хорошо одетый и без сопровождения.

— Чувство вины, я думаю.

— Молодец.

Распорядитель торгов поманил его в загон. Они вошли и отворили изнутри узкую дверь,

скрытую от глаз валорианских посетителей, которые могли появиться в приемной, чтобы забрать свою покупку. Арин и Плут стояли в темноте помещения без окон, пока торговец не зажег лампу.

— Мы не можем рассчитывать на то, что тебе часто будут подворачиваться такие возможности. — произнес Плут. — Поэтому рассказывай все, и быстро.

Арин дал отчет о последних двух неделях. Он описал поместье генерала и изобразил угольком на клочке бумаги, выданной Плутом, его приблизительный план. Арин отметил расположение различных строений и показал, где земля была холмистой, а где ровной.

— Внутри дома я был только один раз.

— Как думаешь, смог бы это исправить?

— Возможно.

— Что ты узнал о передвижениях генерала?

— Ничего необычного. Проводит учения у городских стен. Редко бывает дома, но никогда не уезжает далеко.

— А девчонка?

— Бывает с визитами в обществе. Сплетничает.

Арин решил не рассказывать о проницательности, с которой девчонка говорила о ребенке Фарис. Как и о полном отсутствии удивления на лице, когда ее раб заговорил по-валориански.

— Она обсуждает отца?

Имел ли значение тот разговор в конюшнях? Для Плута — вряд ли. Арин покачал головой.

— Она никогда не говорит на военные темы.

— Это не значит, что не заговорит. Если у генерала есть план, она может быть его частью. Всем известно, что она хочет вступить в армию.

Арин не собирался произносить следующих слов. Но они вырвались из его рта и прозвучали обвинением:

— Тебе следовало сказать мне, что она музыкант.

Плут прищурился.

— Это не имело значения.

— Это имело достаточное значение, если ты попытался сбить меня как певца.

— Благодарю за это бога случая. Она не клюнула на возможность заполучить в дом кузнеца. Знаешь, как долго я пытался заслать кого-то в тот дом? Ты почти испортил все своей ребяческой выходкой. Я предупреждал тебя, как будет на арене. Я всего лишь попросил тебя спеть для толпы. Тебе всего лишь нужно было подчиниться.

— Ты мне не хозяин.

Плут взлохматил короткие волосы Арина.

— Разумеется, нет. Слушай, парень, когда я в следующий раз буду засылать тебя шпионом в дом высокопоставленного валорианца, обещаю рассказать тебе, что нравится тамошней леди.

Арин закатил глаза и собирался было уйти.

— Эй, — позвал Плут, — а что насчет моего оружия?

— Я работаю над этим.

Краем глаза Кестрел заметила, как Арин вошел в лавку ювелира, как раз когда тот говорил:

— Мне жаль, миледи, но эти камни ненастоящие. Просто милые стекляшки.

Кестрел облегченно сгорбилась.

— Не стоит так разочаровываться, — сказал ей ювелир. — Можете говорить своим друзьям, что это топазы. Никто не увидит разницы.

Позже в экипаже она сказала Арину:

— Я хочу от тебя правды.

Его лицо как будто побледнело.

— Правды?

Она моргнула. А затем осознала произошедшее недопонимание. Она не могла не почувствовать укол обиды: Арин считал ее такой госпожой, которая станет лезть в личную жизнь своего раба и требовать, чтобы тот рассказал ей детали своей встречи с другом. Она внимательно смотрела на него, и его рука сделала странный жест, поднявшись к виску, как будто чтобы убрать что-то с лица.

— Я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь, — сказала она. — Твои секреты остаются твоими.

— Значит, ты хочешь, чтобы я доносил на других рабов, — ровным голосом сказал он. — Сообщал тебе об их проступках. Рассказывал, если кто-то украдет хлеб из кладовой или апельсин из рощи. Я не буду этого делать.

— Я прошу не об этом. — Перед тем как продолжить, Кестрел обдумала свои слова. — Ты был прав. Люди говорят мне то, что я хочу услышать. Я надеюсь на то, что ты будешь чувствовать свободу быть честным со мной, как в салоне Джесс. Я хочу знать, как ты видишь вещи на самом деле.

Он медленно ответил:

— Для тебя это будет важно. Моя честность.

— Да.

Последовало молчание. Затем он сказал:

— Возможно, я чувствовал бы большую свободу в разговоре, если бы имел большую свободу в передвижениях.

Кестрел поняла его условие.

— Я могу это устроить.

— Я хочу иметь привилегии домашнего раба.

— Они твои.

— И право одному ходить в город. Время от времени.

— Чтобы встречаться с другом.

— На самом деле, с любимой.

Кестрел помедлила.

— Отлично, — сказала она, наконец.

— О, нет. — Кестрел бросила через игральный стол улыбку. Она и еще трое игроков в «Клык и Жало» сидели на террасе на виду у гуляющих по лужайке гостей Фарис. — Вы вовсе не хотите делать это, — сказала Кестрел молодому человеку, расположившемуся напротив нее.

Пальцы лорда Айрекса замерли на карточке с простой изнанкой, которую он выложил на стол, готовый перевернуть ее и показать гравировку на другой стороне. Он поджал губы, а затем растянул их в ухмылке.

Ронан глянул на Кестрел со своего места за игральным столом. Он тоже знал о безжалостной натуре Айрекса, которая служила тому хорошую службу, особенно в рукопашной. Лорд выиграл последний весенний турнир — соревнование, которое проводили каждый год, чтобы молодые люди, еще не вступившие в армию, могли показать свои умения в обращении с оружием.

— Я бы на Вашем месте прислушался к ее словам, — заметил Ронан, лениво перемешивая свои карточки из слоновой кости. Беникс, четвертый игрок, оставил свои мысли при себе. Ни один, ни второй не знали, что после весеннего успеха Айрекс подходил к Кестрел. На праздновании своей победы, устроенном губернатором, Айрекс загнал Кестрел в укромное место и пытался добиться ее внимания. Его глаза тогда были почти черными и маслянистыми от высокомерия. Кестрел рассмеялась и улизнула от него.

— Уверена, Вы весьма довольны своей парой лисиц, — сказала Кестрел Айрексу, — но Вам понадобится кое-что получше.

— Я выложил карточку, — холодно произнес Айрекс. — И не имею права забрать ее.

— Я позволю вам. Один раз.

— Ты хочешь, чтобы я забрал ее.

— Ах. Значит, Вы признаете, что я знаю, какую карточку Вы намерены открыть.

Беникс поерзал на изысканном стуле леди Фарис, который застонал.

— Переворачивайте уже эту проклятую карточку, Айрекс. И ты, Кестрел: хватит дурачиться.

— Я всего лишь предлагаю дружескую услугу.

Беникс фыркнул.

Кестрел наблюдала за направленным на нее взглядом Айрекса, чья ярость все возрастала, по мере того как он пытался понять, были ли ее слова ложью, искренним советом или истиной, которую, как она надеялась, он посчитает ложью. Он перевернул карточку: лисица.

— Вам же хуже, — произнесла Кестрел и перевернула одну из своих карточек, добавляя третью пчелу к двум другим, которые уже лежали на столе. Она передвинула четыре золотые монеты ставки на свою сторону стола. — Видите, Айрекс? Я заботилась только о Ваших интересах.

Беникс порывисто выдохнул. Он откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула, пожал плечами и замер в безукоризненной позе удивленного смирения. Перемешивая карточки «Клыка и Жала», он не поднимал головы, но Кестрел заметила, как он бросил на Айрекса настороженный взгляд. Беникс тоже заметил гнев, который обратил лицо Айрекса в камень.

Айрекс резко встал из-за стола. Он прошел по мощеной террасе к лужайке, которая цвела представителями высшего валорианского общества.

— В этом не было необходимости, — сказал Беникс Кестрел.

— Была, — возразила девушка. — Он надоедлив. Я не против того, чтобы забирать его деньги, но не могу вынести его компанию.

— А обо мне ты не могла подумать, перед тем как прогнать его? Возможно, я бы не отказался от шанса выиграть немного его золота.

— Лорд Айрекс не обеднел бы, — добавил Ронан.

— В любом случае мне не нравятся жалкие неудачники, — сказала Кестрел. — Поэтому я играю с вами двумя.

Беникс застонал.

— Она — дьявол, — жизнерадостно согласился Ронан.

— Тогда почему ты играешь с ней?

— Мне нравится проигрывать Кестрел. Я отдал бы ей что угодно.

— В то время как я живу надеждой однажды победить, — произнес Беникс и дружелюбно хлопнул Кестрел по плечу.

— Да, да, — ответила Кестрел. — Вы оба — прекрасные льстецы. А теперь делайте ставки.

— Нам нужен четвертый игрок, — заметил Беникс. В «Клык и Жало» играли вдвоем или вчетвером.

Не сдержавшись, Кестрел бросила взгляд на стоявшего неподалеку Арину, который рассматривал сад и дом за ним. Со своего места он, должно быть, видел карточки Айрекса и Ронана. Однако не ее. Кестрел задалась вопросом, что он понял из игры, если вообще следил за ней.

Будто почувствовав ее взгляд, Арин посмотрел на нее. Его глаза были спокойными и равнодушными. Кестрел не могла ничего по ним прочесть.

— Тогда, я полагаю, наша игра окончена, — сказала она оживленным голосом двум лордам. — Присоединимся к остальным?

Ронан собрал золото в кошелек Кестрел и надел бархатную петлю на ее запястье, без нужды разглаживая широкую ленточку, пока та не легла на кожу Кестрел без единой складочки. Он подал девушке руку, и она приняла ее, положив свою ладонь на прохладный шелк его рукава. Беникс встал рядом, и все трое направились в самое сердце жужжащего празднования. Кестрел скорее почувствовала, чем увидела, что Арин шевельнулся и последовал за ними, как тень от стрелки солнечных часов.

Именно это он и должен был делать как ее свита на пикнике леди Фарис, и все же Кестрел испытывала неприятное чувство, будто за ней следят.

Она отбросила эту мысль. Все дело заключалось в продлившемся после игры в «Клык и Жало» с Айрексом неудовольствии. Что ж, молодой лорд сам был виноват в своем поведении. Он вторгся туда, куда его не приглашали. Сейчас же он, судя по всему, нашел утешение, сидя у ног Джесс и прекрасных дочерей Сенатора Никона. Оттенки розового, красного и оранжевого являлись в этом сезоне пискom моды, а юбки дам были сшиты из тонкой ткани для вуалеток. Лужайка леди Фарис выглядела так, будто трава заманила в свои объятия закатные облака и те остались висеть прямо над ней.

Кестрел провела Ронана туда, где сидела, попивая воду с лимоном, хозяйка празднования, а ее сын ползал рядом по траве под бдительным взором раба. Около Фарис

отдыхали несколько молодых людей, и, подходя ближе, Кестрел сравнивала круглое лицо ребенка с лицами фаворитов Фарис, пытаясь найти сходства.

— ...разумеется, это самый ошеломляющий скандал, — говорила Фарис.

Кестрел почувствовала, как пробудилось ее любопытство. Скандал? Если его подоплека была любовной, девушка готова была повисить свое мнение о Фарис. Лишь женщина со стальными нервами станет сплетничать о неосмотрительности других, в то время как результат ее собственной хихикал рядом и хватался за траву крохотными кулачками.

— Я люблю скандалы, — сказал Ронан, пока он, Кестрел и Беникс садились.

— Еще бы, — заметил Беникс. — Ты вечно становишься их причиной.

— Хоть и не тех, которых я бы желал, — улыбнулся Ронан Кестрел.

Фарис хлопнула его по плечу веером. Этот жест мог бы показаться выговором, но все окружающие знали, что леди поощряла молодого человека продолжить остроумную кокетливую болтовню, которая станет успехом празднования — но лишь в том случае, если комплименты будут сыпаться в сторону хозяйки.

Ронан тут же похвалил платье леди Фарис с его глубоким декольте и рукавами с прорезями. Он восхитился украшенной драгоценностями рукояткой ее кинжала, который был заткнут за пояс, как полагалось носить оружие дамам.

Кестрел слушала. Она в очередной раз заметила, что комплименты ее друга являлись всего лишь искусным притворством. Они были бумажными лебедями, хитрость исполнения которых позволяла им продержаться несколько мгновений в воздухе. И ничего более. Кестрел почувствовала, как что-то внутри нее ослабло. Однако она не знала, было ли это напряжение, превратившееся в облегчение, или надежда, сменившаяся разочарованием.

Она сорвала с лужайки дикий цветок и протянула его ребенку. Тот схватил подарок и с благоговением в темных глазах уставился на лепестки, смявшиеся в его ладони. Когда он улыбнулся, на одной его щеке образовалась ямочка.

Лесть Ронана побудила остальных присутствовавших молодых людей начать состязание в искусности комплиментов, поэтому Кестрел пришлось подождать некоторое время, пока разговор не вернулся к своей сути — скандалу.

— Но вы, джентльмены, меня отвлекли! — воскликнула Фарис. — Хотите услышать мою новость?

— Я хочу, — ответила Кестрел, передавая ребенку еще один цветок.

— И Вам следовало бы. Вашему отцу она не понравится.

Кестрел подняла глаза от ребенка и увидела в пределах слышимости Арина, лицо которого приняло внимательное выражение.

— Как мой отец с этим связан? — Она не могла поверить, что ее отец оказался замешан в любовной истории. — Его даже нет в городе. Он проводит учения на расстоянии дня пути отсюда.

— Возможно. Но как только генерал Траян вернется, Сенатор Андракс заплатит еще больше.

— За что?

— А как же, за продажу бочек с черным порохом восточным дикарям.

Последовало изумленное молчание.

— Андракс продавал оружие врагам империи? — спросил Беникс.

— Он заявляет, что бочки украли. Но я спрашиваю вас: как это возможно? Они находились под его охраной. Теперь они пропали. Все знают, что Андракс не прочь

озолотить свои карманы посредством взяток. Что остановит его от незаконной торговли с варварами?

— Вы правы, — произнесла Кестрел, — мой отец будет в ярости.

Леди Фарис начала возбужденным голосом перечислять, какому наказанию могут подвергнуть сенатора, которого поместили в тюрьму до тех пор, пока из столицы не будут получены указания на его счет.

— Мой муж лично отправился обсудить это дело с императором. О, что же произойдет с Андраксом? Думаете, казнь? По меньшей мере изгнание в северную тундру!

Окружение Фарис подхватило разговор, изобретая наказания настолько дикие и жестокие, что они превратились в нездоровые шутки. Лишь Ронан молчал, наблюдая, как ребенок Фарис забрался к Кестрел на колени и облизывал ее рукав.

Кестрел взяла мальчика на руки. Ее глаза смотрели, но не видели одуванчика его густых светлых волос, которые шевелил легкий ветер. Она со страхом думала о возвращении отца. Она знала, как он воспримет новость. Его потрясет предательство сенатора, и он использует его, чтобы попытаться заставить Кестрел увидеть необходимость в увеличении количества верных солдат в рядах имперских воинов. Его давление усилится. Она не могла вдохнуть.

— У тебя это хорошо получается, — заметил Ронан.

— Что?

Он наклонился, чтобы прикоснуться к голове мальчика.

— Быть матерью.

— Что ты хочешь этим сказать?

Ронан, казалось, смутился. А затем поспешно добавил:

— Ничего, если тебе это не нравится. — Он поглядел на Беникса, Фарис и остальных, но те обсуждали тиски для пальцев и виселицы. — Я ничего не хотел сказать. Я беру свои слова обратно.

Кестрел посадила ребенка на траву рядом с Фарис.

— Ты не можешь их забрать.

— Один раз, — попросил он, повторяя фразу, которую сказала она во время игры.

Кестрел встала и пошла прочь.

Он последовал за ней.

— Хватит, Кестрел. Я всего лишь сказал правду.

Они ступили в тень густых ларанских деревьев, листья которых имели кровавый оттенок. Скоро они опадут.

— Не то чтобы я против однажды завести ребенка, — сказала Кестрел Ронану.

Заметно расслабившись, он ответил:

— Хорошо. Империи нужна новая жизнь.

Это была истина, Кестрел знала. По мере того, как Валорианская империя росла, занимая все большие территории континента, она столкнулась со сложностью сохранения завоеванных земель. Выходом было увеличение военной мощи и количества населения, поэтому император запретил все виды деятельности, которые без нужды подвергали опасности валорианские жизни, например, игры с быками, которыми сопровождалась церемония празднования совершеннолетия, и дуэли. Брак стал обязательен для всех валорианцев, которые до двадцати лет не вступили в армию.

— Просто... — Кестрел замолчала и начала заново: — Ронан, я чувствую себя в ловушке. Между тем, чего хочет мой отец, и...

Он поднял ладони, будто оправдываясь.

— Я не пытаюсь загнать тебя в ловушку. Я твой друг.

— Я знаю. Но когда у тебя нет выбора — лишь армия или замужество, — разве не начинаешь спрашивать себя, есть ли какой-нибудь другой выход?

— У тебя есть выбор. Закон гласит, что через три года ты должна выйти замуж, но не предопределяет за кого. В любом случае время есть. — Он в шутку толкнул ее плечом, как ребенок, начинающий драку ради забавы. — Время есть, и его достаточно, чтобы я успел убедить тебя сделать правильный выбор.

— Разумеется, это будет Беникс, — рассмеялась Кестрел.

— Беникс. — Ронан сжал кулак и потряс им в небеса. — Беникс! — прокричал он. — Я вызываю тебя на дуэль! Где ты, дубина?

Ронан покинул укрытие ларанских деревьев с выражением, достойным актера-комика.

Кестрел улыбнулась, глядя ему вслед. Возможно, под его глупым флиртом скрывалось что-то настоящее. Чувства людей было сложно угадать. Разговор с Ронаном напоминал игру в «Клык и Жало», где Кестрел не могла определить, было ли сказанное истиной, кажущейся ложью, или ложью, кажущейся истиной.

Даже будь это истиной, что тогда?

Она помедлила, наслаждаясь теплом веселья, согревающим ее изнутри, а вопрос, который она задала сама себе, остался не ответленным.

Кто-то — мужчина — появился у нее за спиной и обвил рукой талию.

Не флирт. Агрессия.

Кестрел шагнула в сторону и вывернулась, выхватывая из ножен свой кинжал.

Айрекс. Его кинжал также был обнажен.

— Драка, дорогая Кестрел?

Его поза была расслабленной. Он не умел играть в «Клык и Жало», но в искусстве обращения с оружием превосходил Кестрел.

— Не здесь, — сдержанно ответила она.

— Да, не здесь. — Его голос был мягок. — Но в любом другом месте, если пожелаешь.

— Что, по Вашему мнению, Вы делаете, Айрекс?

— Ты имеешь в виду, что я сделал только что? О, не знаю. Может быть, я пытался залезть в твой карман.

Хрипота его голоса намекала на двойное значение слов.

Кестрел убрала кинжал в ножны.

— Только украв, Вы сможете заполучить мое золото.

Она вышла из-под деревьев и с взволнованным облегчением увидела, что празднование все еще продолжалось на лужайке, что поверх тихого разговора все еще раздавался звон фарфора и ложечек, что никто ничего не заметил.

Никто, кроме, возможно, Арина. Он ждал ее. Она ощутила вспышку чего-то неприятного — вероятно, смущения, и спросила себя, сколько он сегодня услышал. Или же ее встревожила мысль о том, что он мог быть свидетелем ее последнего разговора с Айрексом и неправильно растолковать его. Либо ее беспокоило что-то еще? Может быть, все дело было в догадке, что Арин прекрасно знал, что происходило под деревьями, и никак не попытался остановить это.

«Не ему вмешиваться в мои дела», — напомнила она себе. Она не нуждалась в его помощи.

— Мы уходим, — сказала она ему.

*

Кестрел позволила своему плохому настроению пропитать молчание в экипаже. Однако, в конце концов, она не смогла больше терпеть зловещий ход своих мыслей, которые все возвращались к Айрексу и ее глупому решению унижить его за игрой в «Клык и Жало».

— Итак? — спросила она Арина.

Он сидел в экипаже напротив нее, но не поднял глаз, а продолжил рассматривать свои руки.

— Итак что?

— Что ты думаешь?

— О чем?

— О пикнике. Обо всем. О нашей сделке, исполнение которой ты мог бы хотя бы изобразить.

— Ты хочешь посплетничать о праздновании.

Он казался усталым.

— Я хочу, чтобы ты говорил со мной.

Тогда он посмотрел на нее. Кестрел осознала, что сжимает в кулаке свои шелковые юбки. Она выпустила ткань.

— Например, я знаю, что ты подслушал о Сенаторе Андраксе. Думаешь, он заслуживает пытки? Смерть?

— Он заслуживает то, что получит, — ответил Арин и снова замолчал.

Кестрел сдалась и погрузилась в свою ярость.

— Тебя беспокоит не это.

Голос Арина звучал неохотно, почти удивленно, будто он сам не мог поверить тому, что говорил.

Кестрел ждала.

Арин сказал:

— Тот мужчина — тупица.

Было ясно, о ком он говорит. Ясно, что рабу не стоило говорить подобное о валорианце. Но его слова прозвучали для Кестрел музыкой. Она коротко рассмеялась:

— А я — идиотка. — Она прижала ко лбу свои ледяные руки. — Я знала, каков он. Мне вообще не следовало играть с ним в «Клык и Жало». Или же лучше было бы позволить ему победить.

Уголок рта Арина дернулся.

— Мне понравилось наблюдать, как он проиграл.

Последовало молчание, и Кестрел, хоть и почувствовала облегчение, осознала, что Арин в полной мере понял события сегодняшнего дня. Он ждал у ларанских деревьев, слушая, что происходило между ней и Айреksom. Если бы случилось что-то еще, он бы продолжил бездействие?

— Ты знаешь, как играть в «Клык и Жало»? — спросила она.

— Возможно.

— Либо ты знаешь, либо нет.

— В любом случае это не имеет значения.

Кестрел нетерпеливо вздохнула.

— И почему же?

Его зубы сверкнули в неярко вечернем свете.

— Потому что ты не захочешь играть со мной.

Когда генерал вернулся домой и услышал новость о Сенаторе Андраксе, он не стал медлить, даже чтобы смыть грязь предыдущих дней. Он снова взобрался на свою лошадь и направил ее к тюрьме.

Когда он опять появился на вилле, был полдень, и Кестрел, которая из своих комнат услышала приближение его лошади, спустилась по лестнице и увидела отца склонившимся над бассейном у входа. Он брызгал воду на лицо, обтирал ею волосы, слипшиеся от пота.

— Что будет с сенатором? — спросила Кестрел.

— Император не любит наказывать смертью, но я думаю, что в этом случае он сделает исключение.

— Может быть, бочки с черным порохом были украдены, как заявляет Андракс.

— Он — единственный, кроме меня, имеет ключ от того склада, и не было обнаружено ни одного следа взлома. Мой ключ находился при мне, а меня три дня здесь не было.

— Но бочки все еще могут быть в городе. Как я понимаю, кто-нибудь приказал, чтобы корабли задержали в порту и обыскали?

Ее отец поморщился.

— Разумеется, ты не могла не подумать о том, что губернатору следовало сделать два дня назад. — Он помедлил, затем продолжил: — Кестрел...

— Я знаю, что ты собираешься сказать. — Именно поэтому она сама пришла к отцу и затронула вопрос предательства сенатора: не хотела ждать, пока генерал превратит его в орудие и использует против нее. — Империи нужны такие люди, как я.

Его брови поползли вверх.

— Значит, ты согласна? вступишь в армию?

— Нет. У меня есть предложение. Ты утверждаешь, что я обладаю смекалкой солдата.

Генерал медленно ответил:

— Ты умеешь добиваться того, чего хочешь.

— Однако долгие годы моя военная подготовка ограничивалась обучением физическим навыкам, и единственным результатом оказалось то, что я стала едва ли сносным бойцом. — Кестрел представила стоявшего перед ней Айрекса, который держал кинжал так естественно, будто клинок был продолжением его руки. — Этого недостаточно. Тебе следует учить меня истории. Мы должны изобретать сценарии сражений, обсуждать достоинства и недостатки военного устава. А я тем временем не стану принимать окончательного решения, предстоит ли мне сражаться за империю.

В уголках его светло-карих глаз образовались морщинки, но губы генерала едва шевельнулись:

— Хм.

— Тебе не по душе мое предложение?

— Я гадаю, чего мне это будет стоить.

Кестрел собрала все свое мужество. Теперь ей предстояло самое сложное.

— Мои занятия с Раксом прекратятся. Он знает не хуже меня, что дальше мне идти некуда. Мы лишь тратим его время.

Генерал покачал головой.

— Кестрел...

— И ты больше не будешь давить на меня, чтобы я вступила в армию. Стану ли я солдатом, зависит только от моего выбора.

Генерал потер свои влажные и все еще грязные ладони друг о друга. Вода, которая капала с них, имела коричневый оттенок.

— У меня есть встречное предложение. Ты будешь изучать со мной стратегию, насколько этому будет благоприятствовать мой распорядок. Твои занятия с Раксом продолжатся, но лишь по разу в неделю. И ты примешь решение к весне.

— Я не обязана делать это, пока мне нет двадцати.

— Так будет лучше для нас обоих, Кестрел, если мы узнаем, на чем основываемся.

Она была готова согласиться, но генерал поднял палец.

— Если ты не выберешь мой образ жизни, — сказал он, — то должна будешь выйти замуж уже весной.

— Это ловушка.

— Нет, это пари. Я ставлю на то, что ты ценишь свою независимость слишком сильно, чтобы отказаться сражаться рядом со мной.

— Надеюсь, ты понимаешь иронию того, что только что сказал.

Он улыбнулся.

Кестрел спросила:

— Ты больше не будешь пытаться убедить меня? Никаких лекций?

— Никаких.

— Я смогу играть на рояле, когда захочу. Ты ничего не скажешь по этому поводу.

Его улыбка исчезла.

— Отлично.

— И, — голос Кестрел дрогнул, — если я выйду замуж, то за того, кого выберу.

— Разумеется. Подойдет любой валорианец из нашего общества.

«Справедливо», — решила Кестрел.

— Я согласна.

Генерал влажной рукой потрепал ее по щеке.

— Хорошая девочка.

*

Кестрел шла по коридору. Ночь перед возвращением отца она пролежала без сна, а перед закрытыми глазами стояли три карточки с пчелами, нож Айрекса и ее собственный. Она думала о том, сколько власти ощущала в одной ситуации и сколько беспомощности во второй. Она рассматривала свою жизнь как раздачу карточек «Клыка и Жала». Верила, что видит нужную линию игры.

Она забыла, что это отец научил ее играть в карты.

Кестрел чувствовала, что только что заключила очень невыгодную сделку.

Она прошла мимо библиотеки, но затем остановилась и вернулась к открытой двери. За ней вытирали пыль домашние рабы. Они помедлили при звуке ее шагов и посмотрели на девушку — нет, уставились, будто на ее лице отпечатались все совершенные ею ошибки.

Лири, миловидная девушка с зеленоватыми глазами, произнесла:

— Миледи...

— Ты знаешь, где Кузнец?

Кестрел не представляла, что заставило ее использовать это прозвище Арина. Лишь сейчас она поняла, что ни с кем не делилась настоящим его именем.

— В кузне, — робко ответила Лира, — но...

Кестрел развернулась и пошла к дверям в сад.

Она думала, что хочет отвлечься и забыться. Но, услышав звон металла по металлу и увидев Арина, который одним орудием прижимал полоску стали к наковальне, а другим колотил по ней, Кестрел осознала, что пришла не туда.

— Да? — спросил он, оставаясь к ней спиной. Его рабочая рубашка была пропитана потом, а руки покрыты сажей. Он оставил клинок меча охлаждаться на наковальне, а другую полоску, более короткую, положил в огонь, который отбрасывал колеблющийся свет на его силуэт.

Кестрел заставила свой голос вернуть обычное звучание.

— Я подумала, что мы могли бы сыграть.

Его темные брови соединились.

— В «Клык и Жало», — продолжила Кестрел и добавила более уверенно: — Ты подразумевал, что умеешь.

Клещами он помешал огонь.

— Верно.

— А также намекал, что можешь выиграть у меня.

— Я имел в виду, что нет причины, по которой валорианец захочет играть с геранцем.

— Нет, ты говорил осторожно, чтобы твои слова можно было понять таким образом. Но хотел ты сказать совсем другое.

Теперь он обернулся к ней, скрестив руки на груди.

— У меня нет времени на игры. — На концах его пальцев темнели черные ободки угля, вьёвшегося под ногти и в кутикулу. — У меня много работы.

— Мое слово может исправить это.

Он отвернулся.

— Я люблю заканчивать то, что начинаю.

Она намеревалась уйти. Намеревалась оставить его в шуме и жаре. Не собиралась больше ничего говорить. Однако вместо этого Кестрел запоздало осознала, что бросает ему вызов:

— В любом случае, ты со мной не справишься.

Он бросил на нее взгляд, который она хорошо знала: взгляд сдержанного презрения. Но сейчас Арин еще и рассмеялся.

— Где ты предлагаешь играть? — Он обвел рукой кузню. — Здесь?

— В моих покоях.

— В твоих покоях. — Арин с недоверием покачал головой.

— В моей гостиной, — сказала она и добавила: — Или в салоне. — Однако ей неловко было думать об игре с ним в «Клык и Жало» в месте, столь доступном для посетителей.

Он в раздумьях прислонился к наковальне.

— Гостиная подойдет. Я приду, как только закончу этот меч. В конце концов, у меня сейчас есть привилегии домашнего раба. Пора воспользоваться ими.

Арин начал говорить что-то еще, но замолчал, не отрывая глаз от ее лица. Кестрел почувствовала себя неудобно.

Она осознала, что он пристально смотрит на нее. Смотрит с изумлением.

— У тебя на лице грязь, — коротко сказал он.

И вернулся к своей работе.

Позже в ванной комнате Кестрел увидела, о чем он говорил. Как только она наклонила зеркало, чтобы поймать приглушенный янтарный послеполуденный свет, она заметила то, что заметил он, что заметила Лира, которая пыталась сказать ей. По ее высокой скуле к челюсти протянулась темная полоска. Отпечаток руки. Тень, оставленная грязной ладонью отца, когда он коснулся ее лица, чтобы скрепить заключенную между ними сделку.

Арин принял ванну. На нем была одежда домашнего раба, и, когда Кестрел увидела его стоящим на пороге, его плечи были расслаблены. Не дожидаясь приглашения, он вошел в комнату, придвинул к небольшому столику, за которым ждала Кестрел, второй стул и сел. Он небрежно сложил руки и отклонился на спинку парчового стула так, будто владел им. Кестрел подумала, что он ведет себя как дома.

Однако столь же естественно он выглядел и в кузне. Кестрел отвела взгляд и выложила на стол карточки для «Клыка и Жала». Она осознала, что умение приспособливаться к различным обстоятельствам было особым талантом Арина. Девушка задалась вопросом, как сама вела бы себя в его мире.

Он сказал:

— Это не гостиная.

— Да? — Кестрел перемешала карточки. — Но я-то считала, что ты мой гость.

Его губы слегка изогнулись.

— Это письменная комната. Или же, — он вытянул свои шесть карточек, — была таковой.

Кестрел набрала свою раздачу «Клыка и Жала». Она решила не выказывать любопытства. Она не позволит себе отвлечься. Кестрел разложила свои карточки гравировкой вниз.

— Погоди, — произнес Арин. — На что мы играем?

Она не оставила этот вопрос без внимания. Кестрел достала из кармана юбки небольшую деревянную коробочку и положила ее на стол. Арин поднял коробочку и потряс ее, прислушиваясь к тихому скользящему стуку ее содержимого.

— Спички. — Он бросил коробочку обратно на стол. — Едва ли послужат высокой ставкой.

Но что мог поставить раб, у которого ничего не было? Этот вопрос беспокоил Кестрел с того момента, как она предложила игру. Она пожала плечами и произнесла:

— Может быть, я боюсь проиграть.

Кестрел разделила спички пополам.

— Хмм, — ответил Арин, и они оба сделали ставки.

Арин расположил свои карточки так, чтобы видеть гравировку, но не показывать ее Кестрел. Его глаза быстро пробежали по картинкам, а затем поднялись к окружающей его роскоши. Это досадило Кестрел: во-первых, она ничего не могла понять по выражению его лица, а во-вторых, он вел себя по-джентльменски, отводя взгляд и позволяя ей ознакомиться со своими карточками без опасений, что она что-то ему выдаст. Как будто ей нужна была фора.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Откуда я знаю что?

— Что это была письменная комната. Я никогда не слышала ни о чем подобном.

Она начала знакомиться со своими карточками. Только увидев рисунки на них, она задалась вопросом, было ли то, что Арин отвел глаза, проявлением вежливости или он специально провоцировал ее.

Кестрел сосредоточилась на своем наборе, чувствуя облегчение от того, что это была

неплохая комбинация. Тигр (высшая карточка), волк, мышь, лисица (неплохое трио, за исключением мыши) и пара скорпионов. Ей нравились карточки Жала. Их часто недооценивали.

Кестрел осознала, что Арин ждет, чтобы ответить на ее вопрос. Он наблюдал за ней.

— Я знаю, — произнес он, — из-за того, как эта комната расположена в твоих апартаментах, из-за кремового цвета стен и картин с лебедями. Здесь геранская леди могла писать свои письма или вести дневник. Это личная комната. Меня не следовало пускать сюда.

— Что же, — неловко ответила Кестрел, — теперь у этих покоев другое назначение.

Он выложил первую карточку: волк. Это означало, что она теряла шанс добавить к своей комбинации волка. Кестрел открыла лисицу.

— Но как ты узнал комнату? — настаивала она. — Ты был домашним рабом в прошлом?

Его пальцы дернулись на оборотной стороне карточки. Кестрел не хотела расстроить его, но так вышло.

— Во всех домах геранских аристократов были письменные комнаты, — произнес он. — Про это все знают. Любой раб мог бы рассказать тебе об этом. Например, Лира, если бы ты спросила ее.

Кестрел не осознавала, что он был знаком с Лирой — по крайней мере достаточно близко, чтобы невзначай обронить ее имя в разговоре. Разумеется, он был с ней знаком. Кестрел вспомнила, как скоро Лира ответила на ее вопрос о том, где находился Арин. Девушка говорила так, будто ответ плавал на поверхности ее сознания, подобно стрекозе, задолго до того, как Кестрел спросила об этом.

Кестрел и Арин играли молча, откладывая карточки, вытаскивая из колоды другие, открывая третьи, говоря только для того, чтобы повысить ставку.

Затем руки Арина замерли.

— Ты пережила чуму.

— Ах. — Кестрел не заметила, что свободные рукава с разрезами приподнялись, обнажая кожу внутренней стороны ее предплечий. Она прикоснулась к короткому шраму над левым локтем. — Да. Многие валорианцы заразились чумой во время колонизации Герана.

— Но лишь немногие получили помощь от геранцев.

Он не отрывал глаз от шрама.

Кестрел опустила рукава. Она взяла спичку и стала крутить ее в пальцах.

— Мне было семь. Я почти ничего не помню.

— Но я уверен, ты все равно знаешь, что произошло.

Она помедлила.

— Тебе это не понравится.

— Что мне нравится, а что нет — неважно.

Кестрел отложила спичку.

— Мы только-только переехали сюда с семьей. Мой отец не заболел. Думаю, у него была природная невосприимчивость. Он всегда казался... неуязвимым.

Лицо Арина напряглось.

— Но нам с мамой было очень плохо. Я помню, как спала рядом с ней. Ее кожа пылала. Рабам приказали разделить нас, чтобы ее лихорадка не усилила мою, а моя — ее, но каждый

раз я просыпалась в ее постели. Отец заметил, что геранцев чума почти всегда обходила стороной, и даже если они заболели, то не умирали. Он нашел врача-геранца. — Теперь ей следовало замолчать. Но Арин продолжал сверлить ее взглядом, и она почувствовала, что, если прервет рассказ сейчас, это будет ложью, которую он легко разоблачит. — Отец приказал врачу исцелить нас, или же он будет убит.

— И врач сделал это. — В голосе Арина звучало отвращение. — Испугавшись за свою шкуру.

— Не поэтому. — Кестрел посмотрела на свои карточки. — Я не знаю почему. Потому что я была ребенком? — Она покачала головой. — Он поранил мою руку, чтобы болезнь вышла с кровью. Как я понимаю, так делали все геранские врачи, раз ты узнал шрам. Он остановил кровь. Зашил порез. А затем развернул нож к себе.

Что-то мелькнуло в глазах Арина. Возможно, он пытался, как часто она сама перед зеркалом, увидеть ту девочку? Увидеть, что же такое в ней было, что врач решил спасти ее?

— А твоя мать? — спросил Арин.

— Отец пытался сделать на ее руке такой же разрез, какой врач сделал на моей. Я помню это. Было много крови. Она умерла.

В молчании Кестрел услышала, как падающий лист прошелестел по стеклу окна, открытого в темнеющее небо. Было тепло, но лето почти закончилось.

— Выкладывай свои карточки, — грубо сказал Арин.

Кестрел перевернула картинки, совсем не радуясь тому, что наверняка выиграла. У нее было четыре скорпиона.

Арин перевернул свои. Стук слоновой кости по деревянному столу показался неестественно громким.

Четыре гадюки.

— Я победил, — произнес Арин и собрал спички в ладонь.

Кестрел уставилась на карточки, чувствуя, как ее конечности немеют.

— Неплохо. — Она откашлялась. — Неплохая игра.

Он наградил ее мрачноватой улыбкой.

— Я предупреждал.

— Да. Предупреждал.

Арин встал.

— Думаю, я удалюсь, пока преимущество на моей стороне.

— До следующего раза.

Кестрел осознала, что протягивает ему руку. Он посмотрел на ее ладонь, а затем протянул свою. Кестрел почувствовала, как оцепенение схлынуло, но сменилось лишь изумлением другого рода.

Он отпустил ее руку.

— У меня есть дела.

— Например?

Она попыталась изобразить беззаботный тон.

Он ответил тем же.

— Например, мне надо пораздумать над тем, что делать с внезапно свалившейся на меня кучей спичек.

Он расширил глаза в притворной радости, и Кестрел улыбнулась.

— Я выведу тебя, — сказала она.

— Думаешь, я потеряюсь? Или украду что-нибудь по пути?

Кестрел почувствовала, как ее лицо приняло надменное выражение.

— Я в любом случае уйду, — сказала она, хоть не имела подобных планов до тех пор, пока не открыла рот.

Они молча проследовали через дом и спустились на первый этаж. Кестрел заметила, как Арин на мгновение запнулся, когда они шли мимо дверей, за которыми скрывался ее рояль.

Она остановилась.

— Чем тебя заинтересовала эта комната?

Он бросил на нее резкий взгляд.

— Меня не интересуют музыкальные комнаты.

Прищуриив глаза, Кестрел смотрела ему вслед.

Первое занятие Кестрел с отцом произошло в библиотеке, темной комнате с полками, заставленными от края до края томами в красивых переплетах. Лишь немногие фолианты были на валорианском языке: империя мало внимания уделяла литературе. Большая часть книг была на геранском, и, если немногие валорианцы хорошо знали этот язык, еще меньше было тех, кто мог читать на нем, так как алфавит геранцев состоял из других символов.

Генерал стоял, глядя в окно. Он не любил сидеть. Кестрел опустилась в кресло для чтения, намеренно подчеркивая этим жестом различия между собой и отцом.

Он сказал:

— Валорианская империя зародилась двадцать четыре года назад, когда мы заняли северную тундру.

— Легкую для завоевания территорию. — Кестрел не могла проявить себя перед генералом с мечом, но, по крайней мере, она могла показать ему, что знает свою историю. — Местное население было незначительным, разделенным на отдаленные друг от друга племена, которые жили в палатках. Мы напали летом, и кровопролития с обеих сторон случилось немного. Это была проверка, станут ли соседи Валории возражать против нашего расширения. Также победа имела символическое значение: она должна была воодушевить наших людей. Но в тундре невозможно вести сельское хозяйство, нельзя заниматься животноводством, и она поставляет мало рабов. Эти земли по большей части бесполезны.

— Бесполезны?

Генерал выдвинул один из ящичков, которые опоясывали стены под полками, и достал из него скрученную карту, а затем раскатал ее и прижал к столу стеклянными гирьками. Кестрел встала и подошла поближе, чтобы рассмотреть контуры континента и границы империи.

— Возможно, и не бесполезны, — признала она и указала на тундру, которая тонкой полоской протянулась вдоль большей части северной границы империи; на востоке замерзшие земли расширялись и изгибались на юг, огибая северный предел страны. — Они обеспечивают Валорию естественной преградой на пути вторжения варваров. Тундра — неблагоприятная для военных действий территория, особенно сейчас, когда мы обороняем ее.

— Верно. Но у тундры для нас была и другая ценность, та, которую на карте не увидишь. Это государственная тайна, Кестрел. Я верю, что ты сохранишь ее.

— Конечно.

Она не могла не ощутить возбуждение от любопытства, а также счастье, что отец доверяет ей, хоть она и знала, что именно на эти чувства он и рассчитывал.

— Задолго до вторжения мы отправили в тундру шпионов. Мы поступаем так с каждой территорией, которую желаем заполучить; в этом тундра не стала исключением. Однако необычным было то, что разведчики обнаружили там: полезные ископаемые. Немного серебра, которое помогает нам финансировать наши завоевания. Но что более важно — огромные запасы серы, ключевого ингредиента при изготовлении черного пороха.

Он улыбнулся, когда увидел, как расширились ее глаза. Затем детально описал подготовку к вторжению, основные стычки и то, как тундра была завоевана генералом Дараном, который увидел потенциал в отце Кестрел, молодом офицере, и обучил его тропам

войны.

Когда ее отец закончил, Кестрел прикоснулась к изображению Геранского полуострова.

— Расскажи мне о Геранской войне.

— Мы возжелали заполучить эти земли задолго до того, как я завоевал их. Как только я сделал это, валорианские переселенцы с жадностью набросились на добычу. Десятилетиями геранцы хвастали богатствами своей страны, ее товарами, красотой, плодородной почвой — ее совершенством, чему также способствовало то, что государство находилось практически на острове. — Генерал пальцем обвел на карте полуостров, который почти со всех сторон был окружен южным морем, кроме одного места, где от остальной части континента страну отделял горный хребет. — Геранцы считали нас не более чем неразумными кровожадными варварами. Их любви к нам хватало, чтобы посылать к нашим землям торговые корабли с предметами роскоши. Казалось, они не подозревали, что алебастровая посуда или мешочек пряностей могут стать соблазном для императора.

Хоть Кестрел и знала большую часть этого, но ей казалось, что известное ей было грубой скульптурой, а слова отца, подобно ударам острого зубила, высекали в мраморе детали, чтобы перед Кестрел открылась истинная форма, спрятанная в камне.

— Геранцы верили, что они неприкосновенны, — продолжил генерал. — Они были почти правы. Они овладели морем. Их флот был куда сильнее нашего, как по части оснащения, так и навыков. Даже если бы наш флот мог сравниться с их, море было против нас.

— Зеленые бури, — произнесла Кестрел. Приближался сезон штормов. Он продлится до весны, бури будут появляться из ниоткуда посреди морских путей и обрушиваться на берега, придавая небесам зловещий зеленый оттенок.

— Вторжение с моря было самоубийством. По суше — невозможно. Не существовало способа провести армию через горы. Была одна тропа, но столь узкая, что войскам пришлось бы протискиваться сквозь нее практически колонной по одному, и медленно, так что геранцам не составило бы труда уничтожить нас всех до последнего солдата.

Кестрел знала, что сделал ее отец, но только сейчас кое-что поняла.

— Ты использовал весь черный порох, добытый после завоевания тундры.

— Да. Мы начинили им горы и пробили себе дорогу, расширив тропу так, что армия смогла пронестись по ней к своей победе. Геранцы не были готовы к вторжению по суше. Их сила заключалась в море.

А их ошибкой стала ранняя капитуляция. Разумеется, когда я занял город, им больше ничего не оставалось. Тем не менее у них все еще был флот: почти сотня быстрых кораблей с пушками. Сомневаюсь, что они смогли бы отбить город. В конце концов морякам пришлось бы спуститься на сушу; их численность была меньше нашей, они бы не выстояли против кавалерии. Но их корабли могли бы потрепать нас. Досаждать нам пиратскими нападениями. Они могли бы привести войну в валорианские воды и использовать эту угрозу, чтобы договориться о более выгодных для себя условиях капитуляции. Но я держал город, его жителей и имел репутацию.

Кестрел отвернулась. Она сняла с полки томик геранской поэзии и пролиставала его. Отец больше не смотрел на нее. Его взгляд был устремлен в прошлое.

— Итак, они сдались, — продолжил он. — Предпочли жизнь в рабстве, нежели смерть. Они отдали нам свои корабли, и с ними наш флот стал сильнейшим в известном мире. Сейчас каждый валорианский солдат хорошо умеет управлять морским судном. Я

позаботился, чтобы ты тоже этому научилась.

Кестрел нашла строки, которые искала. Начало песни о путешествии к волшебным островам, где время не имело значения. Призыв к морякам вывести корабль в открытые воды. «Перенесли на волны судно, — прочитала она, — к соленому сердцу морей».

— Существует много причин нашей победы, — сказал генерал. — И я объясню их тебе. Но главная причина проста. Они были слабы. Мы — нет.

Он забрал у нее книгу и закрыл ее.

Ее встречи с генералом не были частыми. Он был занят, и Кестрел радовалась этому. Их разговоры нередко заставляли ее метаться между восхищением и отвращением.

Все больше листьев опадало с деревьев. Летнее тепло улетучивалось из воздуха. Кестрел едва замечала это. Она не покидала виллу, обнаружив, что за роялем может забыть почти про все из рассказанного ей отцом. Теперь, когда ей было это позволено, она играла едва ли не каждую свободную минуту. Благодаря музыке, ей казалось, что она держит в руках лампу, которая отбрасывает свет вокруг нее, и, хоть она знает, что в темноте есть люди и обязательства, она не видит их. Пламя эмоций, которые она испытывала за роялем, одаривало ее блаженной слепотой.

Так было до того дня, когда она нашла кое-что в музыкальной комнате. Небольшую карточку из слоновой кости, которая балансировала на средней клавише рояля. Лицевая сторона «Клыка и Жала» была повернута вниз, вверх глядела рубашка.

Карточка подмигивала ей, будто вопрос. Или приглашение.

— Я начал думать, что ты не станешь играть с кем-то, кого не можешь победить, — сказал Арин.

Кестрел подняла глаза от рояля и увидела его стоящим у дверей, которые она оставила открытыми. Затем она перевела взгляд на колоду карточек «Клыка и Жала», лежавшую на столике у выхода в сад.

— Вовсе нет, — ответила Кестрел. — Я была занята.

Его глаза метнулись к роялю.

— Я слышал об этом.

Кестрел подошла к столу, села за него и произнесла:

— Ты удивил меня выбором комнаты.

Он колебался, будто хотел заявить, что не несет ответственности за этот выбор, намеревался притвориться, будто призрак оставил карточку на рояле. Потом закрыл за собой двери. Комната, вполне просторная, внезапно стала казаться маленькой. Арин прошел через нее к столу и сказал:

— Мне не понравилось играть в твоих апартаментах.

Она решила не обижаться на это, ведь сама просила его быть честным. Кестрел перемешала карточки, но, когда положила на стол коробочку спичек, Арин произнес:

— Давай будем играть на что-нибудь другое.

Кестрел не убрала руку с крышки коробочки. Она снова задалась вопросом, что он мог предложить ей, что мог поставить, и ничего не смогла придумать.

Арин сказал:

— Если я выиграю, то задам вопрос, и ты ответишь на него.

Она ощутила нервную дрожь.

— Я могу солгать. Люди лгут.

— Я готов рискнуть этим.

— Раз это твое требование, то, как я понимаю, если выиграю я, награда будет такой же.

— Если ты выиграешь.

Она все еще не могла согласиться.

— Вопросы и ответы — весьма необычные ставки в «Клыке и Жале», — раздраженно заметила она.

— В то время как спички — просто отличная ставка, их так волнительно выигрывать и проигрывать.

— Хорошо.

Кестрел сбросила коробочку на ковер, куда та упала с приглушенным стуком.

Арин не казался удовлетворенным, обрадованным или испытывающим еще какие-нибудь эмоции. Он просто набрал карточки. Кестрел сделала то же. Они играли с небывалой сосредоточенностью, Кестрел была полна решимости выиграть.

Но не выиграла.

— Я хочу знать, — произнес Арин, — почему ты до сих пор не в армии.

Кестрел не могла бы сказать, какого вопроса от него ожидала, но не этого, что оживил в ее памяти долгие годы споров, которые она предпочла бы забыть. Она ответила кратко:

— Мне семнадцать. По закону я пока не обязана поступать на службу или выходить

замуж.

Арин откинулся на спинку стула, теребя одну из своих выигрышных карточек. Он постучал ее ребром по столу, покрутил между пальцами и постучал другим ребром.

— Это не полный ответ.

— Не помню, чтобы мы уточняли, насколько краткими или развернутыми должны быть ответы. Давай сыграем еще раз.

— Если ты выиграешь, тебя удовлетворит подобное?

Кестрел медленно ответила:

— Армия — жизнь моего отца. Не моя. Я — даже не особенно умелый боец.

— В самом деле?

Его удивление казалось искренним.

— О, я вполне годна. Я могу защищаться не хуже большинства валорианцев, но в сражении от меня мало толку. Я знаю, что значит по-настоящему что-то уметь.

Арин снова взглянул на рояль.

— Да, еще есть моя музыка, — признала Кестрел. — Рояль не слишком удобен для передвижений. Едва ли я смогла бы взять его с собой, если бы меня отправили в бой.

— Игра на музыкальных инструментах — занятие рабов, — произнес Арин. — Как готовка или уборка.

Кестрел услышала в его словах ярость, подобно подземным кристаллам скрытую под беспечным звучанием его голоса.

— Так было не всегда.

Арин молчал, и, хотя Кестрел изначально намеревалась дать на его вопрос как можно более краткий ответ, она почувствовала себя обязанной объяснить последнюю причину, стоявшую за ее сопротивлением желаниям генерала:

— Кроме того... я не хочу убивать. — Арин нахмурился, и Кестрел рассмеялась, чтобы ослабить напряжение разговора. — Я свожу отца с ума. Но разве не все дочери так делают? Поэтому мы заключили перемирие. Я согласилась, что весной либо вступлю в армию, либо выйду замуж.

Он прекратил крутить в руках карточку.

— Значит, ты выйдешь замуж.

— Да. Но, по крайней мере, до этого у меня будет шесть месяцев спокойствия.

Арин уронил карточку на стол.

— Давай сыграем еще раз.

На этот раз выиграла Кестрел, однако она не ожидала, как загудит ее кровь от ощущения триумфа.

Арин уставился на карточки. Его губы сомкнулись в тонкую линию.

В сознании Кестрел кружилась тысяча вопросов, они толкали друг друга, каждый стремился быть первым. Но тот, что вырвался из ее рта, изумил ее не меньше, чем, судя по всему, Арина:

— Почему тебя обучили кузнечному делу?

Мгновение Кестрел думала, что он не станет отвечать. Его челюсть напряглась. Затем он сказал:

— Меня выбрали, потому что я был последним девятилетним мальчиком во всем мире, который подходил для того, чтобы стать кузнецом. Я был тощим. Я витал в облаках. Я раболепствовал. Ты когда-нибудь смотрела на инструменты в кузне? На молот? Ты бы

серьезно задумалась о том, какому рабу можно позволить использовать его. Мой первый хозяин взглянул на меня и решил, что я не тот, кто в ярости поднимет руку. Он выбрал меня. — Улыбка Арина была ледяной. — Что же, тебе понравился мой ответ?

Кестрел не могла произнести ни слова.

Арин отодвинул от себя карточки.

— Я хочу сходить в город.

Хоть Кестрел и дала на это свое согласие, хоть она знала, что нет ничего плохого в том, что раб надеется встретиться со своей любимой, она хотела отказать ему.

— Так скоро? — выдавила она.

— Прошел месяц.

— Ах. — Кестрел сказала себе, что месяц, должно быть, весьма долгий срок, если не видишься с тем, кого любишь. — Разумеется. Иди.

*

— Я сделал около сорока единиц оружия, — сказал Арин распорядителю торгов. — По большей части кинжалы, подходящие для ближнего боя. Несколько мечей. Я завернул все это в ткань и сегодня ночью, за четыре часа до рассвета, перебросу через юго-западную стену поместья генерала. Позаботься, чтобы кто-нибудь ждал с другой стороны.

— Сделано, — ответил Плут.

— Можешь ожидать еще поставки. Что насчет бочек черного пороха?

— Они в безопасном месте.

— Я подумал, не стоит ли мне попытаться переманить на нашу сторону кого-нибудь из рабов генерала. Они могли бы принести пользу.

Плут покачал головой.

— Риск слишком велик.

— Если бы у нас не было людей в доме Сенатора Андракса, мы бы никогда не смогли украсть черный порох. Все, что им пришлось сделать, — это взять главный ключ и после вернуть его на прежнее место. Возможно, мы упускаем подобный шанс в поместье генерала.

— Я сказал — нет.

Арин настолько разозлился, что его сердце, казалось, от ярости было готово вырваться из груди. Но он знал, что Плут прав и, кроме того, не виноват в его плохом настроении. Виноват он сам. Или она. Арин не был уверен, что больше взволновало его после сегодняшней игры в «Клык и Жало»: что он сыграл ей на руку или она ему.

— Что насчет девчонки? — спросил Плут, и Арина внезапно захотелось, чтобы он задал любой другой вопрос.

Он помедлил, затем ответил:

— Боевые навыки леди Кестрел преувеличены. Она не представит трудностей.

*

— Вот. — Кестрел передала своей старой няне небольшую керамическую миску. — Сироп от кашля.

Инэй вздохнула, отчего снова закашлялась. Она откинулась на подушки, которые Кестрел подоткнула ей под спину, и подняла глаза к потолку.

— Ненавижу осень. И бога здравия.

Кестрел присела на край постели.

— Бедняжка Амма, — сказала она, произнеся слово «мама» по-герански. — Рассказать тебе сказку, как ты рассказывала мне, когда я болела?

— Нет. Валорианцы — плохие рассказчики. Я знаю, о чем ты поведаешь: «Мы сражались. Мы победили. Конец».

— Думаю, у меня получилось бы что-нибудь получше.

Инэй тряхнула головой.

— Лучше признать то, что не можешь изменить, дитя.

— Хорошо. Значит, когда тебе станет лучше, ты придешь на виллу, и я сыграю тебе.

— Да. Мне всегда это нравилось.

Кестрел поднялась с постели и стала ходить по домику из двух комнат, доставая из корзины еду и убираясь.

— Я виделась с Кузнецом, — окликнула ее Инэй.

Руки Кестрел замерли. Она вернулась в спальню.

— Где?

— А где я могла? В помещениях для рабов.

— Я думала, ты там не бываешь, — сказала Кестрел. — Тебе не следует выходить на улицу, пока не станет лучше.

— Пустяки. Я была там пару дней назад, до того как заболела.

— И?

Инэй пожала плечами.

— Мы почти не разговаривали. Но, похоже, его любят. Он завел друзей.

— Например?

— Он поладил с конюхом — тем новеньким, я вечно забываю его имя. За едой Кузнец обычно сидит с Лирой.

Кестрел сосредоточилась на разглаживании одеяла на груди Инэй. При мысли об овальном лице и приятном голосе Лиры она стала поправлять ткань еще старательнее.

— Лира добра. Она будет для него хорошим другом.

Инэй дотронулась до ее руки.

— Я знаю, ты раскаиваешься в своей покупке, но он мог оказаться в худшем месте.

Кестрел осознала, что больше не сожалеет о произошедшем на торгах, и нахмурилась. Что с ней стало, раз она думает подобным образом?

— Я дала ему привилегии домашнего раба, — сказала она, зная, что ее тон звучит так, будто она оправдывается. — Кроме того, он часто сопровождает меня в город.

Инэй глотнула сиропа и поморщилась.

— Да, я слышала от остальных. В обществе это обсуждают?

— Что — это?

— Кузнеца. В обществе обсуждают то, что он появляется как твое сопровождение?

— Насколько мне известно, нет. Ходили слухи о цене, которую я заплатила за него, но все забыли об этом.

— Возможно, но мне кажется, что он еще привлечет внимание.

Кестрел всмотрелась в лицо старушки.

— Инэй, что ты пытаешься сказать? С чего людям говорить о нем?

Инэй изучала взглядом простую миску с сиропом. Наконец она произнесла:

— Из-за того, как он выглядит.

— А-а. — Кестрел почувствовала облегчение. — Когда он надевает парадный костюм, то уже не смотрится таким диковатым. Он хорошо себя преподносит. — Эта мысль, казалось, могла бы привести за собой другие, но Кестрел покачала головой. — Не думаю, что он вызовет у кого-то недовольство своим внешним видом.

Инэй произнесла:

— Я уверена, что ты права.

Кестрел показалось, что слова старушки были в большей мере решением опустить что-то, чем согласием.

Слова Инэй обеспокоили Кестрел, но не настолько, чтобы она изменила свое поведение. Она по-прежнему брала Арина с собой, когда бывала с визитами в обществе. Ей доставлял удовольствие его острый ум — и даже его острый язык. Тем не менее она не могла не признать, что их разговоры на геранском создавали иллюзию уединенности. Возможно, так было из-за самого языка; геранский всегда казался ей ближе, чем валорианский, вероятно, потому, что после смерти матери у отца не хватало для нее времени, и именно Инэй заполнила пустоту, уроками геранского отвлекая Кестрел от слез.

Кестрел часто приходилось напоминать себе, что Арин знает ее язык не хуже, чем она — его. Иногда, когда она замечала, что он прислушивается к какому-нибудь пустому разговору за ужином, она задавалась вопросом, как он сумел в такой мере овладеть валорианским. Немногим рабам это удавалось.

Вскоре после ее второй игры с Арином в «Клык и Жало» они отправились к Джесс.

— Кестрел! — Джесс обняла ее. — Ты совсем про нас позабыла.

Джесс ожидала объяснений, но, мысленно перебрав различные оправдания — уроки стратегии с отцом, часы практики за роялем и две игры в «Клык и Жало», которые, как ей казалось, заняли времени куда больше, чем на самом деле, — Кестрел сказала только:

— Ну, сейчас-то я здесь.

— И с готовым извинением. Иначе я с тобой поквитаюсь.

— Да? — Кестрел последовала за Джесс в салон, заметив, как шаги Арина позади нее стали тише, когда он ступил с мрамора коридора на ковер. — Мне стоит опасаться?

— Еще бы. Если ты не вымолишь моего прощения, я не пойду с тобой к портному, чтобы заказать платье для Зимнего бала у губернатора.

Кестрел рассмеялась:

— До первого дня зимы еще очень далеко.

— Но твои извинения я надеюсь услышать раньше.

— Я умоляю тебя простить меня, Джесс.

— Хорошо. — Карие глаза Джесс весело сверкнули. — Я прощаю тебя, но при условии, что ты позволишь мне выбрать тебе платье.

Кестрел бросила на нее беспомощный взгляд. Она мельком посмотрела на Арина, который стоял у стены. Хоть его лицо ничего не выражало, у Кестрел сложилось впечатление, что он смеется над ней.

— Ты одеваешься слишком скромно, Кестрел. — Когда Кестрел начала возражать, Джесс взяла ее руку в свои и потрясла. — Вот. Мы договорились. Считай, что все уже сделано. Валорианка дорожит своим словом.

Кестрел, признавая поражение, рухнула рядом с Джесс на диван.

— Ронан расстроится, что разминулсЯ с тобой, — сказала Джесс.

— Его нет дома?

— Он навещает леди Фарис.

Кестрел приподняла бровь.

— Тогда я уверена, что ее чары утешат любые сожаления, которые могут посетить его по моему поводу.

— Только не говори мне, что ревнуешь. Ты же знаешь, что Ронан к тебе чувствует.

Внезапно Кестрел остро ощутила присутствие в комнате Арина. Она взглянула на него, ожидая увидеть скучающее выражение, которое обычно принимало его лицо при Джесс. Она ошиблась. Арин выглядел удивительно внимательным.

— Можешь идти, — сказала она ему.

На мгновение ей показалось, что он может воспротивиться ее воле. Затем он развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Когда дверь за ним закрылась, Кестрел сказала Джесс:

— Мы с Ронаном — друзья.

Джесс нетерпеливо фыркнула.

— И есть только одна причина, почему молодые люди вроде него посещают леди Фарис, — продолжила Кестрел, думая о сыне Фарис и ямочке на его щеке. Она поразмыслила над возможностью того, что отец ребенка — Ронан. Это не взволновало ее, что, в свою очередь, показалось ей странным. Разве ей не следует обращать внимание? Разве она не поощряла ухаживания Ронана? Тем не менее мысль о том, что Фарис родила от Ронана, скользнула по поверхности ее сознания и спокойно пошла ко дну без всякого всплеска, волнения или ряби.

Что же, если он отец ребенка, тот был зачат больше года назад. И если Ронан и сейчас с Фарис, то какие обязательства могут быть между ним и Кестрел?

— Фарис известна в широких кругах, — сказала она Джесс. — Кроме того, ее муж в столице.

— Молодые люди посещают Фарис потому, что ее муж — один из самых влиятельных мужчин в городе, и они надеются, что Фарис поможет им стать сенаторами.

— И какую плату, как ты думаешь, она с них взимает?

Джесс выглядела возмущенной.

— С чего Ронану возражать против ее цены? — спросила Кестрел. — Фарис красива.

— Он не станет этого делать.

— Джесс, если ты думаешь, что можешь убедить меня, будто Ронан невинен и никогда не был с женщиной, ты ошибаешься.

— Если ты считаешь, что Ронан предпочтет тебе Фарис, ты сошла с ума. — Джесс покачала головой. — Все, чего он хочет, — это знака твоего расположения. Тебе он давал их достаточно.

— Ничего не значащие комплименты.

— Ты не хочешь их видеть. Ты не считаешь его симпатичным?

Кестрел не могла отрицать, что в Ронане было все, на что она могла надеяться. Он производил хорошее впечатление. Был остроумен, добр. И не возражал против ее музыки.

Джесс спросила:

— Разве ты не хотела бы, чтобы мы стали сестрами?

Кестрел дотронулась до одной из многих блестящих светлых кос Джесс. Она вытянула ее из высокой прически подруги и убрала обратно.

— Мы уже сестры.

— Настоящими сестрами.

— Да, — тихо ответила Кестрел. — Я бы этого хотела. — Она всегда желала стать частью семьи Джесс — еще с того времени, как была ребенком. У Джесс был идеальный старший брат и терпеливые родители.

Джесс издала восторженный вскрик. Кестрел резко на нее посмотрела.

- Только попробуй сказать ему.
- Я? — невинно откликнулась Джесс.

*

Позже тем же днем Кестрел сидела напротив Арина в музыкальной комнате. Она открыла свои карточки: пару волков и три мыши.

Арин с обреченным вздохом перевернул свои. У него была неплохая комбинация, но не выигрышная, и сегодня он играл с меньшим мастерством, чем обычно. Он застыл на своем стуле, будто физически готовясь к ее вопросу.

Кестрел изучала его гравировки. Она была уверена, что он мог бы составить лучшую комбинацию, чем пара ос. Она подумала о карточках, которые он показывал ранее, и о беспечности, с которой отбрасывал остальные. Если бы она не знала, насколько он не любит проигрывать ей, то заподозрила бы, что он поддался.

Она сказала:

— Ты кажешься отвлеченным.

— Это твой вопрос? Ты спрашиваешь, что меня отвлекло?

— Значит, ты признаешь, что это правда?

— Ты дьявол, — заявил он, повторяя слова, произнесенные Ронаном после игры на пикнике у Фарис. Затем, заметно досадуя на себя, он сказал: — Задавай свой вопрос.

Кестрел могла бы потребовать объяснение, но его рассеянность интересовала ее меньше, чем обосновавшаяся в ее сознании загадка. Она считала, что Арин — не тот, кем кажется. Он обладал телосложением человека, которому с детства приходилось тяжело работать, однако умел играть в валорианскую игру, и играть хорошо. Он говорил на ее языке так, будто старательно изучал его. Знал — или притворялся, что знает, — привычки геранской леди и расположение ее покоев. Спокойно и уверенно вел себя с жеребцом Кестрел, и хоть это, возможно, ничего не значило (он ни разу не ездил на Джавелине), но девушка знала, что до войны умение ездить верхом в геранском обществе было признаком высокого положения.

Кестрел считала, что Арин — кто-то, кто низко пал.

Она не могла спросить, правда ли это, так как помнила, насколько резко он ответил, когда она поинтересовалась, почему его выучили на кузнеца. Этот вопрос казался ей вполне невинным, однако он ранил Арина.

Она не хотела причинять ему боль.

— Как ты научился играть в «Клык и Жало»? — спросила она. — Это валорианская игра.

Он заметно расслабился.

— Было время, когда геранцы с удовольствием отправляли корабли в вашу страну. Нам нравился ваш народ. И мы всегда восхищались искусствами. Наши моряки давно завезли на полуостров карточки «Клыка и Жала».

— «Клык и Жало» — игра, а не искусство.

Он изумленно скрестил руки на груди.

— Как скажешь.

— Я удивлена, что геранцам чем-то нравились валорианцы. Я полагала, что вы считали нас неразумными варварами.

— Дикими созданиями, — пробормотал Арин.

Кестрел была уверена, что ослышалась.

— Что?

— Ничего. Да, вы были совершенно бескультурными. Ели руками. Развлечением для вас было наблюдать, кто и кого убьет первым. Однако, — он встретился с ней взглядом и тут же отвел глаза, — вы славились и еще кое-чем.

— Чем? Что ты имеешь в виду?

Он покачал головой и снова сделал тот непонятный жест, подняв ладонь и взмахнув ею в воздухе у виска. Затем он сплел кисти рук вместе, разнял их и стал перемешивать карточки.

— Ты задала слишком много вопросов. Если хочешь ответы, тебе придется выиграть их.

Теперь он не выказал ни намека на рассеянность. По ходу игры он не обращал внимания, когда она пыталась спровоцировать его или рассмешить.

— Я видел твои проделки на других, — сказал он. — Со мной они не сработают.

Он победил. Кестрел ждала, нервничая и гадая, испытывал ли он такие же эмоции, когда сам проигрывал.

Его голос прозвучал неуверенно:

— Ты сыграешь для меня?

— Сыграть для тебя?

Арин поморщился и произнес более решительным тоном:

— Да. То, что я выберу.

— Я не возражаю. Просто... меня редко просят.

Он встал из-за стола, просмотрел содержимое полок вдоль стен и вернулся с нотной тетрадью. Кестрел взяла ее.

— Это музыка для флейты, — сказал Арин. — Возможно, тебе понадобится время, чтобы переложить ее на рояль. Я могу подождать. Например, до нашей следующей игры...

Кестрел нетерпеливо взмахнула тетрадью, чтобы заставить его замолчать.

— Это не сложно.

Он кивнул и сел на стул, что стоял дальше всех от рояля, у стеклянных дверей в сад. Кестрел была рада этому расстоянию. Она опустилась на табурет перед инструментом и пролистала партитуру. Язык заголовка и нотаций был геранским, страницы пожелтели от возраста. Кестрел поместила тетрадь на пюпитр, дольше необходимого разглаживая бумагу. Ее пальцы охватило возбуждение, будто она уже окунула руки в музыку, но это ощущение было огранено по краям металлическим кружевом страха.

Она пожалела, что Арин выбрал ноты именно для флейты. Красота этого инструмента заключалась в его простоте, по звучанию он напоминал человеческий голос. Он звучал так чисто, и звучал в одиночестве. Рояль же, напротив, представлял собой сложную систему — это был корабль со струнами вместо снастей, корпусом вместо палубы и приподнятой крышкой, символизирующей парус. Кестрел всегда считала, что рояль по звучанию напоминает не один инструмент, но дуэт, в котором то сливаются, то расходятся высокие и низкие ноты.

«Музыка для флейты», — с досадой подумала Кестрел, не поднимая глаз на Арину.

Она начала неуклюже. Затем помедлила и передала мелодию правой руке, а левой начала импровизировать, извлекая из своего сознания темные, глубокие сочетания. Она почувствовала, как ожили и слились воедино контрасты. Кестрел забыла о сложности того, что делает, и просто играла.

Это была нежная, печальная композиция. Закончив, Кестрел ощутила грусть. Ее глаза нашли Арина.

Она не знала, наблюдал ли он, как она играла. Сейчас он не смотрел в ее сторону. Его рассеянный невидящий взгляд был направлен в сад. Черты его лица смягчились. Кестрел осознала, что он изменился. Она не могла понять, в чем именно, но теперь он казался ей другим.

Затем он посмотрел на нее, и от неожиданности Кестрел с весьма немелодичным звуком уронила руку на клавиши.

Арин улыбнулся. Это была искренняя улыбка, которой он дал Кестрел понять, что все остальные были лишь притворством.

— Спасибо, — сказал он.

Кестрел почувствовала, что краснеет. Она сосредоточилась на клавишах и начала что-то играть. Простую композицию, чтобы отвлечь себя от того факта, что ее не так-то просто было заставить покраснеть, особенно без видимой причины.

Но она осознала, что ее пальцы не покидают теноровую тональность.

— Ты в самом деле не поёшь?

— Нет.

Она вслушалась в тембр его голоса и позволила своим рукам переместиться к более низким тонам.

— Правда?

— Я не пою, Кестрел.

Ее пальцы соскользнули с клавиш.

— Как жаль, — произнесла она.

Когда Кестрел получила от Ронана записку с приглашением отправиться вместе с ним и Джесс на конную прогулку по их поместью, она вспомнила кое-что, что недавно говорил ей отец об оценивании врага.

— На войне все зависит от того, известны ли тебе мастерство и мощь противника, — сказал он. — Да, какую-то роль сыграет удача. Местность будет иметь существенное значение. Цифры важны. Но именно то, как ты ответишь на сильные стороны врага, скорее всего, решит исход битвы.

Арин не был для Кестрел врагом, но игры в «Клык и Жало» заставили ее увидеть в нем достойного противника. Поэтому она серьезно отнеслась к словам отца:

— Враг будет стараться скрывать свою силу до последнего. Если возможно, используй шпионов. Если нет, то как заставить его раскрыть себя? — И генерал ответил на собственный вопрос: — Уязви его гордость.

Кестрел отправила в кузню домашнего раба с поручением сообщить Арину, что он должен встретиться с ней в конюшнях. Когда он прибыл, Джавелин уже был оседлан, а Кестрел — одета для верховой езды.

— В чем дело? — спросил Арин. — Я думал, тебе нужно сопровождение.

— Верно. Выбирай лошадь.

Он настороженно ответил:

— Если я должен отправиться с тобой, нам понадобится экипаж.

— Не понадобится, если ты умеешь ездить верхом.

— Я не умею.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она взобралась на Джавелина.

— Тогда, полагаю, тебе придется последовать за мной в экипаже.

— У тебя будут неприятности, если ты поедешь верхом одна.

Кестрел взяла в руки поводья.

— Куда ты направляешься? — требовательно спросил Арин.

— Ронан пригласил меня покататься по его имению, — сообщила она и пришпорила Джавелина. Легким галопом Кестрел выехала из конюшен, затем — с территории поместья, помедлив, лишь чтобы сказать стражникам на воротах, что ее догонит раб. — Возможно, — добавила она, направив Джавелина прочь, пока стражники не начали задавать вопросы по поводу необычности происходящего. Она вывела Джавелина на одну из многих конных троп, которые проложили валорианцы через наиболее зеленые части города, создавая дороги только для тех всадников, кто путешествовал быстро. Кестрел сопротивлялась желанию замедлить лошадь. Она ехала вперед, наслаждаясь звуком топота копыт по покрытой ковром огненных листьев земле.

Некоторое время спустя она услышала позади себя несущуюся галопом лошадь и тогда придержала Джавелина, интуитивно развернув его, чтобы увидеть приближавшего по тропе скакуна с всадником.

Арин натянул поводья и поехал сбоку от Кестрел. Лошади фыркали. Арин посмотрел на девушку, на улыбку, которую она не могла скрыть, и на его лице, казалось, в равной мере отразились досада и веселое изумление.

— Ты плохо лжешь, — сказала она ему.

Он рассмеялся.

В этот момент Кестрел осознала, что едва может на него смотреть, и опустила взгляд на жеребца. Ее глаза расширились.

— Ты выбрал этого коня?

— Он лучший, — серьезно ответил Арин.

— Это конь моего отца.

— Я не стану ставить это лошади в вину.

Пришел черед Кестрел рассмеяться.

— Вперед. — Арин прищпорил жеребца. — Постараемся не опоздать, — сказал он, однако, не сговариваясь, они ехали медленнее, чем было позволено на тропе.

Кестрел больше не сомневалась, что десять лет назад общественное положение Арина немногим отличалось от ее собственного: ему были доступны богатства, удобства, образование. Хотя она осознавала, что не заслужила право задавать ему этот вопрос, и не хотела озвучивать растущую в ней тревогу, Кестрел больше не могла молчать.

— Арин, — произнесла она, вглядываясь в его лицо. — Это был твой дом? Я говорю про виллу. До войны ты жил на ней?

Он дернул поводья. Его жеребец резко остановился.

Когда Арин заговорил, его голос был подобен мелодии, которую он просил ее сыграть.

— Нет, — ответил он. — Того семейства больше нет.

Они ехали молча, пока Арин не сказал:

— Кестрел...

Она ждала вопроса, но затем поняла, что он не обращается к ней, а просто произносит ее имя, вслушиваясь в него, изучая звучание валорианского слова.

Она сказала:

— Надеюсь, ты не собираешься притворяться, будто тебе не известно, что это значит.

Арин бросил на нее косой взгляд.

— Это пустельга, птица, которую используют для соколиной охоты².

— Верно. Подходящее имя для девушки-воина.

— Что же. — Его улыбка была слабой, но она была. — Похоже, мы оба не стали теми, кем должны были стать по ожиданиям других.

*

Ронан ждал в принадлежащих его семье конюшнях. Он стоял, вертя в руках свои перчатки, и наблюдал, как приближались Кестрел с Арином.

— Я думал, ты возьмешь экипаж, — сказал Ронан Кестрел.

— Для конной прогулки? Серьезно, Ронан.

— Но твое сопровождение. — Его глаза метнулись в сторону Арина, который непринужденно восседал на своем жеребце. — Я не знал, что кто-то из ваших рабов умеет ездить верхом.

Кестрел заметила, как Ронан дернул за пальцы перчаток.

— Это представляет проблему?

— Теперь, когда ты здесь, определенно, нет.

Однако его голос прозвучал натянуто.

— Потому что, если тебе не нравится, каким образом я сюда добиралась, в следующий раз ты можешь сам приехать ко мне домой и пригласить меня, а затем сопроводить меня до своего поместья, потом — обратно, и только после этого самому вернуться домой.

Он отреагировал на ее слова так, будто это был флирт.

— С удовольствием. И, говоря об удовольствии, давай же насладимся им.

— Где Джесс?

— У нее болит голова.

Почему-то Кестрел в этом сомневалась. Однако она ничего не сказала и позволила Ронану первому выехать из конюшен. Она развернула лошадь, чтобы последовать за ним, и Арин сделал то же самое.

Ронан оглянулся, его светлые волосы перекинулись через плечо.

— Ты ведь не собираешься тащить его с нами, верно?

Конь Арина, совершенно спокойный до этого мгновения, начал дергаться и упираться. Он ощутил напряжение, которого не выказывал всадник: Арин бесстрастно смотрел на Кестрел, ожидая, пока она переведет на геранский слова Ронана, притворяясь, будто это необходимо.

— Жди здесь, — приказала она на его языке. Он развернул жеребца обратно к конюшне.

— Тебе следует разнообразить свою свиту, — сказал Ронан Кестрел, когда Арин остался позади. — Этот слишком часто за тобой увязывается.

Кестрел задалась вопросом, кто устроил ее прогулку с Ронаном: брат или сестра. Она бы предпочла, чтобы это был Ронан — который, в конце концов, отправил приглашение и которому Джесс едва бы отказала в просьбе остаться дома ради нескольких часов наедине с Кестрел. Однако необычное для Ронана плохое настроение заставило девушку изменить свою догадку. Он вел себя так, будто его сестра, возомнив себя свахой, обманом навязала ему что-то, чего он делать не хотел.

День, который ранее казался ей прекрасным, теперь будто потускнел.

Тем не менее, когда они остановились отдохнуть под деревом, улыбка Ронана вернулась. Он открыл седельную сумку и достал завтрак, а затем взмахом развернул покрывало для пикника и уселся на него, вытянувшись во весь свой немалый рост. Кестрел присоединилась к нему. Ронан налил в бокал вино и подал его Кестрел.

Она приподняла бровь.

— Не многовато ли вина для этого времени суток?

— Я надеюсь напоить тебя им и заставить рассказать о том, о чем ты не будешь сожалеть.

Кестрел сделала глоток, наблюдая, как Ронан наполняет второй бокал, и произнесла:

— А за себя ты не боишься?

Он выпил.

— С чего бы это?

— Может быть, ты сам проговоришься о том, о чем не хотел бы. Насколько я знаю, ты был с визитом у леди Фарис.

— Ревность, Кестрел?

— Нет.

— Жаль, — вздохнул он. — Печальная же правда в том, что Фарис — лучший источник сплетен.

— Которыми ты поделишься.

Ронан отклонился назад и оперся на локоть.

— Итак, Сенатора Андракса отправили в столицу, где он ожидает приговора за продажу черного пороха нашим врагам. Порох не был обнаружен, несмотря на тщательные поиски, — в чем на самом деле нет ничего удивительного. Возможно, он исчез на востоке давным-давно. Что еще? Дочь Сенатора Линекса провела несколько часов на борту одного из стоящих в гавани кораблей с неким моряком; родители до конца осени, а может быть, и зимы закрыли ее дома. Мой друг Ханан проиграл свое наследство — не волнуйся, Кестрел, он вернет его. Просто, пожалуйста, умоляю тебя, не играй с ним несколько месяцев в «Клык и Жало». А, еще: капитан городской стражи покончил с собой. Но ты об этом знала.

Кестрел едва не подавилась вином.

— Нет. Когда это произошло?

— Позавчера. Ты в самом деле не знала? Что же, как я понимаю, твой отец снова уехал. А ты слишком много времени проводишь взаперти на вилле. Не знаю, как ты не сходишь с ума от скуки.

Кестрел была знакома с капитаном. Оскар не раз обедал у нее дома. Он дружил с ее отцом и, в отличие от многих друзей генерала, был общителен и любим многими.

— Это было самоубийство ради сохранения чести, — сообщил Ронан. Его слова означали, что капитан упал на собственный меч.

— Но зачем?

Ронан пожал плечами.

— Давление должностного положения?

— Он служил капитаном стражи с самой колонизации. Отлично справлялся со своими обязанностями и был уважаем.

— Возможно, личные проблемы. — Ронан развел руками. — Я действительно не представляю себе, в чем дело, и уже жалею, что поднял столь жуткую тему. Этот день пошел не так, как я надеялся. Пожалуйста, давай поговорим о чем-нибудь, кроме самоубийств.

*

По пути домой Арин спросил:

— Прогулка не доставила тебе удовольствия?

Кестрел подняла взгляд, изумленная его язвительным тоном. Она осознала, что хмурилась, погружившись в мысли.

— О, все прошло отлично. Я просто встревожена кое-какой новостью.

— Какой?

— Капитан городской стражи покончил с собой.

— Это... опечалило тебя? Ты знала его?

— Да. Нет. Да, я была с ним знакома, как с другом отца, но недостаточно близко, чтобы его смерть ранила меня лично.

— Тогда я не понимаю, почему это так тебя взволновало.

— Это взволновало весь город. Пока губернатор не назначит нового капитана, обязательно произойдут какие-нибудь беспорядки, и передача полномочий может пройти вовсе не гладко. Оскар очень хорошо руководил городом и своей стражей. Но меня беспокоит не это. — Кестрел покачала головой. — Его самоубийство — второе событие за последнее время, которому я не могу найти объяснения.

— О чем ты?

— Сенатор Андракс. Он любит золото, в этом сомнения нет, но лишь потому, что оно покупает ему удобства. Хорошую еду, любовниц. Он любит взятки — легкие деньги. Он не стал бы играть со мной в «Клык и Жало»: слишком боится проиграть. Почему же он рискнул всем, продавая черный порох варварам?

— Возможно, у него есть сторона, о которой ты не знала. Но он никак не связан с капитаном.

— Разве что тем, что оба происшествия странные. У Оскара не было причин совершать самоубийство. Даже император хвалил его службу в должности капитана стражи. Солдаты преклонялись перед ним. Он казался счастливым человеком.

— И что же? Ты не знаешь всего. Люди могут быть несчастными по многим причинам. — В голосе Арина слышалось нетерпение, и Кестрел предположила, что он говорит уже не о капитане. — Что тебе известно о несчастье? — спросил он. — Почему ты думаешь, что можешь видеть сердца людей?

Он пришпорил лошадь, и загадка сенатора и капитана вылетела из головы Кестрел, когда ей пришлось обращать внимание на то, чтобы не отставать.

Отец Кестрел воспринял смерть капитана стражи намного серьезнее, чем Ронан и Арин. Во время следующего урока в библиотеке Кестрел упомянула печальное происшествие, и на лбу генерала образовались глубокие морщины.

— У Оскара были враги? — спросила девушка.

— Враги есть у всех.

— Может быть, кто-то намеренно усложнил его жизнь.

— Или заставил его упасть на собственный меч. — Увидев удивление дочери, генерал объяснил: — Совсем не сложно представить убийство самоубийством ради чести.

— Я об этом не подумала, — тихо произнесла Кестрел.

— А что ты думаешь сейчас?

— Если это было убийство, его мог совершить кто-то, кто надеялся сам занять должность капитана.

Отец положил руку на ее плечо.

— Эта смерть может быть лишь тем, чем кажется — самоубийством. Но я обсужу наши опасения с губернатором. Подобное несчастье не может не возбудить подозрений.

*

У Кестрел, однако, не было времени на подозрения. Инэй никак не становилось лучше.

— Твой кашель начинает беспокоить меня, — сказала Кестрел своей няне, когда они сидели у огня в домике старушки.

— А мне он даже нравится. Обеспечивает меня компанией. И ты стала навещать меня чаще... когда не играешь в «Клык и Жало».

Кестрел не понравился хитроватый вид Инэй, а также тот факт, что практически невозможным казалось сохранить в тайне происходящее на вилле. А ведь те игры были тайными.

Кестрел произнесла резким голосом:

— Позволь мне послать за доктором.

— Он лишь скажет мне, что я стара.

— Инэй.

— Я не хочу докторов. Не пытайся приказывать мне.

Это заставило Кестрел замолчать. Она решила больше не настаивать. В конце концов, блеск лихорадки давно покинул глаза Инэй. В поисках новой темы для разговора Кестрел спросила кое о чем, про что упоминал Арин. Этот вопрос иглой засел в темных закоулках ее сознания, вышивая там невидимые узоры:

— До войны геранцам нравилось торговать с валорианцами?

— О, да. У твоего народа всегда хватало золота на геранские диковинки. В Валорию мы вывозили больше всего товаров.

— Но мы славились чем-то еще? Кроме богатства, дикости и плохих манер?

Инэй глотнула чая, глядя на Кестрел поверх ободка чашки. Кестрел почувствовала возрастающую неловкость. Она надеялась, что Инэй не спросит о причине, заставившей ее задать этот вопрос. Но женщина сказала лишь:

— Вы славились своей красотой. Разумеется, это было до войны.

— Да, — тихо ответила Кестрел. — Разумеется.

*

Из окна гардеробной Кестрел был виден сад. Однажды утром, когда ее волосы были еще не прибраны, она заметила, как мимо грядок с осенними овощами вместе прошли Арин и Лира. Арин был одет в рабочую одежду и оставался к окну спиной, поэтому Кестрел не смогла увидеть выражение его лица. Однако лицо Лиры было светлым, как рассвет.

Кестрел осознала, что подошла к окну. От стекла на ее кожу дохнуло прохладой, а ногти впились в подоконник. Она отступила назад: ей вовсе не хотелось, чтобы ее застали за подглядыванием. Кестрел поплотнее запахнула бархатный халат и обратила взгляд к розоватому небу, но перед ней так и стояло искреннее восхищение Лиры.

Кестрел присела перед висевшим над туалетным столиком зеркалом, а затем задалась вопросом, почему вдруг решила на себя посмотреть. Отражение лишь подтвердило ее недовольство. И с чего ей беспокоиться из-за увиденного в саду? Откуда взялось ощущение, будто было предано доверие?

Ее отражение нахмурилось. А почему ей нельзя иметь подобные чувства? Благополучие рабов — ее долг. То, что Арин принимал внимание Лиры, когда у него была любимая, казалось бесчестным. Кестрел сомневалась, что Лира знала о девушке с рынка.

Рука Кестрел толкнула овальное зеркало, разворачивая его на петлях к стене, и девушка уставилась на простую изнанку перламутрового цвета. Она заставила себя перестать думать в прежнем направлении. Она не станет подобной тем господам, которые следили за каждым шагом своих рабов и сплетничали о них из-за недостатка в их жизнях чего-то более интересного.

Позже тем же днем Арин пришел в музыкальную комнату с просьбой отпустить его в город. Кестрел была весьма любезна. Она дала Арину свое кольцо и позволила ему провести в городе столько времени, сколько он пожелает, при условии что он вернется к вечернему звону. Когда ей показалось, будто он решил задержаться в комнате, она уселась за рояль, показывая этим, что больше его не держит. Однако она не начинала играть до тех пор, пока не почувствовала, что Арин уже покинул виллу и отошел на некоторое расстояние.

*

Увидев Арину, Плут поздоровался с ним так, как это делали когда-то геранские мужчины — кратко прижав руку к его щеке. Арин улыбнулся и ответил таким же жестом. Он знал Плути уже долгие годы, с тех пор как мальчишкой перешел из рук первого хозяина ко второму. Они встретились на карьере, расположенном за пределами города. Арин помнил, как из-за серой каменной пыли, покрывавшей волосы и высушивающей кожу, все выглядели старыми. Плут же казался почти до отказа полным жизни, и ночью в помещениях для рабов не вставал вопрос, кто будет предводителем.

— Все идет хорошо, — говорил ему сейчас Плут. — Почти в каждом имении в городе есть геранцы, преданные нашему делу, — и теперь, благодаря тебе, они вооружены.

— Еще один сверток с оружием я переброшу через стену сегодня ночью, но не уверен, сколько еще смогу сделать, — сказал Арин. — Пока никто не замечает, что некоторая часть

моей продукции уходит на сторону, потому что я вовремя выполняю заказы управляющего, но, если кто-то решит проверить, мгновенно станет ясно, что пропало немалое количество железа и стали.

— Тогда хватит. Твое положение слишком важно, чтобы рисковать им. Пока вместо Оскара не назначен новый капитан, я устрою нападение на городскую оружейную.

До войны Плут был стражником. Он лишь один раз взглянул на двенадцатилетнего Арина, назвал его щенком с большими лапами и сказал: «Ты дорастешь до них». После вечернего звона он учил Арина сражаться. Тоска Арина облегчилась на некоторое время, но часть ее вернулась, когда Плут лестью и потворством добился себе освобождения с рудников спустя лишь два года срока. Однако навыки, которым он обучил Арина, остались.

— Лучше напасть на оружейную после назначения нового капитана, — произнес Арин. — Когда заметят, что пропало оружие, это выставит его в неприглядном виде.

— Хорошая идея. Тем временем наши встречи должны продолжаться. Нам нужен удобный случай. Ты создашь его в поместье генерала.

Тогда-то Арина и следовало сообщить Плуту, что Кестрел начала замечать связь между событиями. Ему следовало рассказать, что девушка считала смерть капитана стражи странной, хотя и не могла знать, что в последние мгновения валорианца удерживали двое рабов, в то время как третий с мечом стоял на коленях перед ними, ожидая толчка.

Арину следовало предупредить своего предводителя. Но он промолчал.

*

Он старался держаться подальше от виллы. В присутствии Кестрел было слишком легко допустить ошибку.

Однажды в кузне появилась Лира. Арин был уверен, что Кестрел вызывает его, чтобы он сопроводил ее куда-то в качестве свиты. Он почувствовал нетерпеливый страх.

— Тебя желает видеть Инэй, — сказала Лира.

Арин положил молот на наковальню.

— Зачем?

Его общение с Инэй было ограниченным, и его это вполне удовлетворяло. У женщины был слишком острый взгляд.

— Ей очень плохо.

Арин помедлил в раздумьях и затем, кивнув, вслед за Лирой вышел из кузни.

Из спальни Инэй, дверь которой была открыта, раздавались звуки, характерные для спящего человека. Инэй закашлялась, и Арин услышал влагу в ее легких.

Приступ кашля прошел и сменился хриплым дыханием.

— Следует послать за доктором, — сказал Арин Лире.

— Леди Кестрел отправилась за ним. Она очень расстроена. Надеюсь, она скоро вернется. — Лира сбивчиво продолжила: — Я бы хотела остаться здесь с тобой, но должна вернуться в дом.

Арин едва заметил, как она, перед тем как выйти, прикоснулась к его руке.

Не желая будить Инэй, Арин осмотрелся. Домик был уютным и содержался в порядке. Пол не скрипел. Повсюду виднелись признаки удобства. Домашние тапочки. Стопка сухих дров. Арин провел рукой по гладкой поверхности каминной полки, пока не наткнулся на фарфоровую шкатулку. Он открыл ее. Внутри лежал небольшой сплетенный в косу локон

русых волос с рыжеватым оттенком, свернутый в кольцо и перевязанный золотым шнурком.

Хоть он и знал, что не следует этого делать, Арин одним пальцем погладил локон.

— Это не твое, — раздался голос.

Арин резко убрал руку и с пылающим лицом обернулся. Через пустой дверной проем спальни он увидел Инэй, смотревшую на него со своей постели.

— Простите. Мне не следовало этого делать. Я сожалею.

Он опустил крышку шкатулки.

— Сомневаюсь, — пробормотала женщина и приказала ему приблизиться.

Арин медленно подчинился. У него было предчувствие, что ему не понравится этот разговор.

— Ты проводишь много времени с Кестрел, — произнесла Инэй.

Он пожал плечами.

— Я следую ее приказаниям.

Инэй смотрела ему в глаза. Не желая этого, он первым отвел взгляд.

— Я прошу тебя не причинять ей вреда, — сказала женщина.

Нарушить обещание, данное умирающему человеку, было грехом.

Арин ушел, так его и не дав.

После смерти Инэй Кестрел сидела в своих покоях, вспоминая, как няня учила ее рисовать дерево, дую через полое перо на каплю чернил на бумаге. Перед взглядом Кестрел стояла белая страница. Она почувствовала в легких ноющую боль, увидела, как раскидываются ветви, и подумала, что таким было и ее горе, которое крепкими корнями уцепилось за тело и обвило его своими побегами.

Когда-то у нее была мама, и эта мама умерла. После у нее была другая мама, но и ее тоже не стало.

Рассвело и стемнело; Кестрел не замечала, как бежит время. Она отодвигала от себя еду, которую приносили рабы. Отказывалась читать письма. Не могла даже думать о том, чтобы играть на рояле, потому что именно Инэй поощряла ее заниматься музыкой после смерти матери. Она слышала, как Инэй говорит, насколько прекрасна мелодия, и просит, чтобы Кестрел исполнила ее еще раз. Это воспоминание все повторялось и повторялось, отдаваясь эхом, растворяясь в воздухе, возвращаясь. А затем Кестрел снова видела худобу лица Инэй, кровь, которой старушка кашляла, и понимала, что вина лежит на ней, что ей стоило раньше настоять на том, чтобы вызвали доктора, а теперь Инэй мертва.

Она сидела после полудня в своей утренней столовой, слепо уставившись на плохую погоду за окном, когда услышала резкие, энергичные шаги приближавшегося к ней человека.

— Довольно рыдать.

Голос Арина был груб.

Кестрел коснулась пальцами щеки. Она ощутила влагу.

— Тебе нельзя быть здесь, — произнесла она хриплым голосом. Утренняя столовая была местом, куда мужчинам входить не позволялось.

— Мне все равно.

Арин рывком поставил Кестрел на ноги, и от неожиданности она подняла на него взгляд. Его зрачки были расширенными от эмоций.

От злости.

— Хватит, — сказал он. — Хватит притворяться, что горюешь по ком-то, кто был не твоей крови.

Его рука, будто стальные тиски, сжала ее запястье. Кестрел вырвалась. От жестокости его слов ее глаза снова наполнились слезами.

— Я любила ее, — прошептала Кестрел.

— Ты любила ее, потому что она исполняла любую твою волю.

— Это неправда.

— Она тебя не любила. Она никогда не смогла бы полюбить тебя. Где ее настоящая семья, Кестрел?

Она не знала. Всегда боялась спросить.

— Где ее дочь? Внуки? Если она и любила тебя, то только потому, что у нее не было выбора, у нее больше никого не осталось.

— Уходи, — приказала Кестрел, но Арина в комнате уже не было.

Стало темнее. Небо за окнами приобрело изумрудный оттенок. Начинались первые в этом году зеленые бури, и, слушая, как колотит по дому ветер, Кестрел знала, что Арин был неправ. Он месяцами хотел отомстить ей. Разве она не купила его? Разве он не принадлежал

ей? Это была его месть. И все.

Дождь словно забивал в оконные рамы гвозди. В комнате стало почти черно. Кестрел снова слышала в своей голове голос Арина и внезапно ощутила себя сломленной. Пусть она и не сомневалась в истинности своих чувств к Инэй, но в словах Арина присутствовала доля правды.

Она не заметила, как он вернулся. Буря шумела, в комнате было темно. Осознав, что он стоит рядом с ней, она резко втянула в себя воздух. В первый раз она подумала о том, что ей стоит опасаться его.

Но он просто чиркнул спичкой и прикоснулся ею к фитилю лампы. Он был мокрым от дождя. На его коже блестела вода.

Когда она взглянула на него, он вздрогнул.

— Кестрел, — выдохнул он и провел рукой по своим влажным волосам, — мне не следовало говорить того, что я сказал.

— Ты сказал это намеренно.

— Да, но... — Арин казался усталым и смущенным. — Я бы злился и если бы ты не оплакивала ее. — Из теней сбоку поднялась его рука, и одно неуверенное мгновение Кестрел думала, что он прикоснется к ней. Но он лишь протягивал ей что-то в раскрытой ладони. — Это было в ее доме, — сказал он.

Локон волос Кестрел. Девушка осторожно взяла его, но ее мизинец все равно коснулся влажной руки Арина, которая мгновенно опустилась.

Она рассматривала яркий локон, крутя его в пальцах. Она знала, что он не решал, чья правда была истиной: ее или Арина. Он не являлся доказательством любви Инэй, однако был утешением.

— Мне пора идти, — произнес Арин, но не двинулся с места.

Кестрел посмотрела на его лицо, блестящее в свете лампы. Она осознала, что стоит так близко к Арину, что край ее босой ступни касается пятна накапавшей с него воды на ковре. По ее коже пробежал холодок.

Кестрел отступила назад.

— Да, — сказала она, — тебе пора.

*

Следующим утром в ее комнату для посещений вошел генерал и сказал:

— Твое затворничество продлилось достаточно долго. — Он встал перед ее креслом, расставив ноги. Он часто принимал такую позу, когда предпочел бы мерить шагами помещение. — Я знаю, ты привязалась к своей няне, и, полагаю, если принять все во внимание, это можно понять. Но ты пропустила занятие с Раксом, урок со мной, а я воспитывал тебя не так, чтобы ты расклеилась при первой трудности.

— Я в порядке, отец.

Кестрел налила в чашку чая.

Только тогда генерал по-настоящему на нее посмотрел. Кестрел была уверена, что под ее глазами пролегли тени, но одета она была так, чтобы провести этот день поздней осени в обществе.

— Хорошо, — произнес генерал. — Отлично. Потому что я послал за Джесс. Она ожидает внизу, в салоне.

Кестрел опустила свою чашку на блюдечко, готовая пойти поприветствовать подругу.

— Кестрел. — Генерал прикоснулся к ее плечу. Когда он заговорил, в его голосе прозвучала необычная для него нерешительность: — Долг каждого ребенка — пережить родителей. Моя профессия не самая безопасная. Мне бы хотелось... Кестрел, когда я умру, не плачь по мне.

Она улыбнулась.

— Ты не можешь мною повелевать, — ответила она и поцеловала его в щеку.

*

Джесс была в своей стихии. Она посадила Кестрел в свой экипаж и приказала ехать к лучшей портнихе в городе.

— Ты обещала, — предупредила она Кестрел, когда они выходили из кареты.

Кестрел бросила на нее косой взгляд.

— Я обещала, что позволю тебе выбрать ткань для моего наряда.

— Обманщица. Я выбираю всё.

— Ох, хорошо, — ответила Кестрел, потому что от ревности подруги ее собственная грусть отхлынула. В любом случае, что плохого может Джесс натворить?

Когда они вошли в лавку, Джесс отмахнулась от тканей, которые выбрала бы Кестрел, и набросала портнихе несколько эскизов, заставивших глаза Кестрел расширяться.

— Джесс. Это для Зимнего бала. Я замерзну. Пожалуйста, можно оставить рукава?

— Нет.

— А вырез...

— Тихо. Твое мнение не учитывается.

Кестрел сдалась и встала на скамеечку; портниха начала оборачивать ее тканью и закреплять материю булавками, а Джесс давала указания. Затем обе девушки оставили Кестрел в одиночестве, а сами скрылись в кладовой, где на полках переливались различными цветами свертки ткани. Джесс шептала, и портниха тоже отвечала шепотом. Прислушиваясь к их возбужденному разговору, Кестрел начала подозревать, что Джесс договаривалась о пошиве не одного, а сразу двух платьев.

— Джесс, — позвала Кестрел, — мне кажется, или я слышала, как ты сказала, что вечернее платье должно быть вышитым, а бальное — более простым?

— Разумеется, ты не ослышалась. Тебе нужно вечернее платье для званого ужина лорда Айрекса.

Бок Кестрел уколола булавка.

— Он устраивает званый ужин?

— Да, и этому самое время. Однажды он надеется стать сенатором, поэтому должен начинать показывать обществу свое расположение. Кроме того, на зиму его родители отправились в столицу. В поместье остался он один.

— Я не пойду, — решительно произнесла Кестрел.

— Ты должна.

— Меня не приглашали.

— Разумеется, приглашали. Ты — дочь генерала Траяна, и, если ты только сейчас услышала об ужине, то только потому, что больше недели не читала доставленных тебе писем.

Кестрел вспомнила угрожающую ухмылку Айрекса.

— Нет. Ни за что.

— Но почему?

— Он мне не нравится.

— Какое это имеет значение? Там будут толпы людей, и поместье, несомненно, достаточно велико, чтобы ты могла избегать в нем его хозяина. Там будут все. Как это будет выглядеть, если ты не придешь?

Кестрел подумала об игре в «Клык и Жало». Ей пришлось признать, что, если бы приглашение Айрекса было игровой карточкой, а не запечатанным листом бумаги, она бы хладнокровно сделала ответный ход.

Джесс приблизилась и взяла Кестрел за руки.

— Я не люблю, когда ты грустишь. Позволь нам с Ронаном сопровождать тебя на ужин, и мы не подпустим к тебе Айрекса и заставим тебя смеяться над ним. Соглашайся, Кестрел. Я не сдамся, пока ты не скажешь «да».

Когда прибыло платье для званого ужина Айрекса, завернутое в шелк и перевязанное шнуром, именно Арин принес посылку Кестрел. Она не видела его со времени первой зеленой бури. Ей не хотелось думать о том дне. Кестрел решила, что не желает вспоминать свое горе. Она училась жить, несмотря на него. Вернулась к занятиям музыкой и позволила этому, а также прогулкам в свет и урокам, омыть факт смерти Инэй, стачивая острые углы.

Она мало времени проводила на вилле. Не отправляла Арину приглашений сыграть в «Клык и Жало». Отправляясь в общество, она выбирала в качестве сопровождения кого-то другого.

Когда Арин вошел в ее гостиную, которая на самом деле была письменной комнатой, Кестрел отложила свою книгу на диван рядом с собой и повернула ее названием вниз.

— Хмм, — произнес Арин, крутя в руках посылку с платьем. — Что бы это могло быть?

— Я уверена, ты знаешь.

Он помял сверток пальцами.

— Полагаю, это некое очень элегантное оружие.

— Почему мое платье доставляешь ты?

— Я увидел с ним Лиру и спросил, могу ли сам принести его тебе.

— И она, разумеется, не стала возражать.

Услышав тон Кестрел, Арин приподнял брови.

— У нее было много дел. Я подумал, она будет рада, если я освобожу ее от одного поручения.

— Тогда это было очень мило с твоей стороны, — ответила Кестрел, хоть и почувствовала, что в ее голосе прозвучал намек на обратное, и рассердилась на себя за это.

Арин медленно произнес:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего.

— Ты просила меня быть с тобой честным. Как, по-твоему, я был?

Она вспомнила его грубые слова в день бури.

— Да.

— Разве я не могу просить тебя о том же?

Ответом было «нет» — ни один раб не имел права ни о чем ее просить. Ответом было «нет» — если Арин хотел узнать ее тайные мысли, то мог бы попытаться выиграть ответы на свои вопросы в «Клык и Жало». Однако Кестрел сглотнула внезапную нервную дрожь и призналась самой себе, что ценит его честность — и то, что сама честна с ним. Не было ничего плохого в том, чтобы говорить правду.

— Я считаю, что ты поступаешь с Лирой нечестно.

Его брови сомкнулись.

— Я не понимаю.

— С твоей стороны нечестно вселять в Лиру надежду, когда твое сердце отдано другой.

Арин резко вдохнул. Сейчас он скажет ей, что она вмешивается не в свое дело, подумала Кестрел, и это было правдой, но затем она осознала, что ее слова не задели его, а лишь изумили. Тем естественным, свойственным ему жестом собственника он пододвинул к себе стул, опустился на него, положив сверток с платьем на колени, и внимательно посмотрел на

Кестрел. Девушка заставила себя держать взгляд.

— Я не думал о Лире в этом отношении. — Арин встряхнул головой. — Я вообще об этом не думал. Мне нужно быть более осторожным.

Кестрел подумала, что ей следовало бы ощутить облегчение.

Арин положил сверток на диван, где сидела Кестрел.

— Новое платье означает, что на горизонте назревает важное событие.

— Да, званый ужин. В роли хозяина выступает лорд Айрекс.

Арин нахмурился.

— И ты пойдешь?

Кестрел пожала плечами.

— Тебе понадобится сопровождение?

Кестрел намеревалась сказать «нет», но ее отвлекло решительное выражение губ Арина. Он казался почти... обеспокоенным за нее. Она была удивлена, что он выглядел подобным образом. Пришла в замешательство, и именно это, вероятно, заставило ее ответить:

— Сказать по правде, я буду рада твоему присутствию.

Он встретился с ней взглядом. А затем его глаза опустились на томик, что лежал подле Кестрел. Не давая девушке времени опомниться, он проворно схватил книгу и прочитал название. Это была история валорианской империи и ее завоеваний.

Лицо Арина изменилось. Он вернул книгу на место и ушел.

*

— Куда мы направляемся?

Арин неотрывно смотрел сквозь окно экипажа на деревья Садового района, голые и тонкие ветви которых казались в вечернем сумраке фиолетовыми.

Кестрел расправила свои юбки.

— Арин. Ты же знаешь, что мы едем на ужин к лорду Айрексу.

— Верно, — кратко ответил он, но не оторвал взгляда от пролетающих мимо деревьев.

Пусть лучше смотрит на них, чем на нее. Ее бархатное платье было темно-красным, а юбки собраны определенным образом, так что вышитые на ткани золотой нитью листья поднимались к корсету, где переплетались и отбрасывали яркие блики. Привлекали внимание. В этом платье она привлекала внимание. Кестрел вжалась в угол экипажа, чувствуя, как в бок упирается рукоятка кинжала. Прием у Айрекса будет непростым.

Арин, казалось, считал так же. Он сидел напротив нее столь неподвижно, будто одеревенел. Воздух между ними пропитывало напряжение.

Когда в темноте за окнами зажглись факелы, а кучер остановил экипаж позади других ожидавших своей очереди въехать на территорию имения Айрекса, Кестрел произнесла:

— Может быть, нам стоит вернуться домой.

— Нет, — ответил Арин. — Я хочу увидеть дом.

Он отворил дверцу кареты.

Они молча прошли по тропе к вилле. Некогда это было геранское поместье — утонченное и изящно спроектированное, пусть и не такое большое, как у Кестрел. Арин шел позади девушки, как и полагалось рабу, однако Кестрел чувствовала себя неудобно. Ей было непривычно ощущать близость Арина, но не иметь возможности увидеть его лицо.

Оказавшись в доме, они вместе с остальными гостями прошли в приемную залу, стены

которой были увешаны валорианским оружием.

— Этого не должно здесь быть, — услышала Кестрел слова Арина. Она обернулась и увидела, как он в изумлении уставился на стены.

— Айрекс — великолепный боец, — произнесла Кестрел. — И не самый скромный.

Арин ничего не ответил, и Кестрел тоже замолчала. Она готовила себя к тому моменту, когда очередь гостей перед ней кончится и ей придется поблагодарить Айрекса за его гостеприимность.

— Кестрел. — Айрекс взял ее за руку. — Я не думал, что ты придешь.

— Зачем же мне пропускать такое событие?

Айрекс притянул ее ближе к себе. Хотя он больно сжал ее ладонь, Кестрел ничего не сказала. Вокруг топтались люди, и девушка сомневалась, что, если она выставит Айрекса в неприглядном виде перед его гостями, от этого станет лучше. Айрекс сказал:

— Пусть между нами не будет неприязни. — Он улыбнулся, и на его левой щеке образовалась ямочка, отчего он внезапно показался странно похожим на ребенка, в то время как его голос прозвучал неприятно. — Ты никогда не спрашивала себя, почему я хотел сыграть с тобой в «Клык и Жало»?

— Потому что хотели обыграть меня. Но у Вас этого не выйдет. — Она положила свою свободную руку поверх его руки, в которой он держал ее ладонь. Для стороннего наблюдателя этот жест покажется дружелюбным, но Айрекс почувствовал, как она ущипнула его за нерв, заставляя пальцы разжаться. — Очень милый вечер. Моя благодарность равняется любезности, которую Вы мне оказали.

Улыбка покинула его лицо. Но позади Кестрел и Арина стояла, с нетерпением дожидаясь своей очереди, леди Фарис, поэтому Кестрел проворно отступила в сторону и позволила женщине приблизиться к Айрексу и сообщить ему о своем сожалении, что к празднеству не смог присоединиться ее муж.

Рабыня в платье прислуги предложила Кестрел вина и провела девушку на открытую террасу с небольшим фонтаном и тепличными цветами. За перегородкой из черного дерева играли музыканты, а гости приветствовали друг друга. Некоторые завязывали разговор там же, где стояли, другие отходили для тихой беседы к каменным скамейкам вокруг фонтана.

Кестрел обернулась и увидела Арина.

Его глаза были покрыты пленкой ярости, ладони сжаты в кулаки.

— Арин, — начала Кестрел, обеспокоенная, но взгляд Арина метнулся и остановился на какой-то точке в противоположной части комнаты.

— Там твои друзья, — произнес он.

Она проследила за его взглядом и увидела Джесс и Ронана, которые смеялись над чем-то, что сказал Беникс.

— Отпусти меня, — сказал Арин.

— Что? — переспросила Кестрел, хотя, собственно говоря, в помещении больше ни у кого не было свиты. Рабы, которые ходили между гостями, служили в качестве прислуги и принадлежали Айрексу.

— Иди к своим друзьям. Я не хочу здесь больше оставаться. Отправь меня на кухни.

Она глубоко вдохнула и кивнула. Арин развернулся на каблуках и вышел.

Кестрел тут же ощутила одиночество. Она не была к этому готова. Однако, когда она спросила себя, чего ожидала, перед ее мысленным взором встал образ того, как они с Арином вместе сидят на скамейке.

Кестрел подняла взгляд к стеклянной крыше — пирамиде фиолетового неба. Она увидела острый серп месяца и вспомнила, как Инэй советовала научиться принимать то, что изменить нельзя.

Она прошла через помещение к своим друзьям.

*

За ужином Кестрел ела мало, а пила еще меньше, хоть Ронан, который сидел справа от нее, старательно пополнял ее тарелку и бокал. Девушка была рада, когда унесли последнюю смену блюд и все перешли в соседнюю бальную залу: она начала чувствовать себя за столом, будто в заточении, а болтовню Ронана было слишком легко предсказать. Кестрел предпочитала слушать музыку. Даже в толпе она сможет получить удовольствие от танцевальной мелодии, которую играл флейтист. Она подумала, что Арин бы тоже ею наслаждался, если бы был здесь.

— Кестрел. — Ронан прикоснулся к ее длинной серьге, качнув ее. — Ты витаешь в облаках. Что так захватило твои мысли?

— Ничего, — ответила она и почувствовала облегчение, когда к ним подошел Беникс и потребовал, чтобы Ронан выручил его.

— Близняшки Рауль, — умоляюще произнес Беникс, бросая взгляд в сторону сестер, которые были точной копией друг друга. — Одна не станет танцевать без другой, Ронан, поэтому, если не возражаешь...

Ронан казался раздраженным.

— Что? — спросил Беникс. Переведя взгляд с Ронана на Кестрел, он пренебрежительно взмахнул рукой. — Мы втроем старые друзья. Кестрел может отпустить тебя на один танец.

Кестрел точно не стала бы возражать. Но она изобразила нерешительность, будто одновременно и согласна, и немного против, хотя на самом деле ей было все равно. Она сказала юношам, что найдет Джесс и укромный уголок, где они смогут обменяться сплетнями.

— Только один танец, — сказал Ронан Бениксу, и они прошли по зале к близнецам. Начался танец, но Кестрел не стала искать Джесс. Она выбрала себе стул в тени и села, прислушиваясь с закрытыми глазами к звукам флейты.

— Леди Кестрел? — произнес встревоженный голос.

Кестрел открыла глаза и увидела девушку, на которой было одеяние прислуги-геранки.

— Да?

— Пожалуйста, не пройдет ли Вы за мной? Возникла неприятность с Вашей свитой.

Кестрел встала.

— Что произошло?

— Он кое-что украл.

Кестрел поспешила покинуть залу, желая, чтобы прислужница передвигалась по вилле расторопнее. Должно быть, произошла ошибка. Арин был умен и слишком хитер, чтобы сделать что-то настолько опасное. Он не мог не знать, что происходило с геранцами-ворами.

Девушка провела Кестрел в библиотеку. Там собрались несколько мужчин: двое сенаторов, державших Арина за плечи, и Айрекс, лицо которого при виде Кестрел осветилось таким торжеством, будто он только что вытянул выигрышную карточку «Клыка и Жала».

— Леди Кестрел, — произнес он, — кого Вы привели в мой дом?

Кестрел взглянула на Арина, который упорно на нее не смотрел.

— Он не стал бы красть.

Она услышала в своем голосе отчаянные нотки.

Должно быть, Айрекс тоже их услышал. Он улыбнулся.

— Мы видели, — сообщил один из сенаторов. — Он пытался спрятать за пазухой вот это.

Он кивнул на книгу, которая лежала на полу.

Нет. Обвинение не могло быть истинным. Ни один раб не стал бы рисковать поркой, чтобы украсть книгу. Кестрел заставила себя собраться с мыслями.

— Вы позволите? — спросила она Айрекса, указывая на книгу подбородком.

Мужчина приглашающим жестом взмахнул рукой.

Кестрел наклонилась, чтобы поднять книгу, и Арин встретился с ней взглядом.

Ее сердце пропустило удар. Лицо Арина было искажено страданием.

Кестрел осмотрела закрытую книгу с кожаным переплетом. Она узнала заголовок: это был распространенный сборник геранской поэзии. В ее домашней библиотеке также было одно издание. Кестрел непонимающе держала книгу в руках, не видя в ней ничего, что стоило бы риска кражи, особенно отсюда, из библиотеки Айрекса, когда целям Арин могла бы послужить ее собственная.

В ее голове раздался шепот догадки. Она вспомнила вопрос, который Арин задал в экипаже. «Куда мы направляемся?» В его голосе прозвучало недоверие. Однако он знал, к кому они ехали. Сейчас Кестрел спросила себя: неужели в пролетавшем за окном пейзаже он узнал что-то, чего не узнала она? Мог ли его вопрос быть на самом деле не вопросом, а произвольными словами кого-то, на кого обрушилось внезапное понимание?

Она открыла книгу.

— Нет, — произнес Арин. — Пожалуйста.

Но она уже увидела подпись.

«Арину, — значилось на бумаге, — с любовью, от Аммы и Этты».

Это был дом Арина. Десять лет назад этот дом, эта библиотека, эта книга с посвящением от родителей принадлежали ему.

Кестрел медленно выдохнула. Ее пальцы лежали на странице прямо под черными рукописными строчками. Она подняла глаза и встретила ухмылку Айрекса.

Ее разум охладился. Она посмотрела на ситуацию так, как это сделал бы в сражении ее отец. Она видела свою цель. Видела цель противника. Осознавала, какие потери может себе позволить, а какие нет.

Кестрел закрыла книгу, положила ее на стол и повернулась к Арину спиной.

— Лорд Айрекс, — произнесла она приятным голосом. — Это всего лишь книга.

— Это моя книга, — ответил Айрекс.

Из-за ее спины раздался приглушенный звук. Не оборачиваясь, Кестрел сказала по-герански:

— Хочешь, чтобы тебя выгнали из комнаты?

Арин тихо ответил:

— Нет.

— Тогда помолчи. — Кестрел улыбнулась Айрексу и продолжила на родном языке: — Очевидно, что это не случай кражи. Кто посмеет обокрасть вас? Я уверена, он намеревался

всего лишь взглянуть на нее. Вы не можете винить его за любопытство к предметам роскоши вашего дома.

— Ему не полагалось даже быть в библиотеке, не то что прикасаться к ее содержимому. Кроме того, есть свидетели. Суд будет на моей стороне. Это моя собственность, поэтому я буду определять количество плетей.

— Да, это Ваша собственность. Но давайте не забывать, что мы обсуждаем также мою.

— Его вернут тебе.

— По закону — да, но в каком виде? Я не желаю видеть его покалеченным. В нем куда больше ценности, чем в книге на языке, которым никто не интересуется.

Глаза Айрекса метнулись за спину Кестрел, затем снова обратились на девушку. В них блеснуло коварство.

— Ты необыкновенно заинтересована в благополучии своего раба. Интересно, как далеко ты зайдешь, чтобы предотвратить наказание, которое я имею полное право назначить. — Он положил ладонь на ее руку. — Вероятно, мы могли бы решить этот вопрос между нами.

Кестрел услышала, как Арин, осознав предложение Айрекса, резко втянул в себя воздух. Она разозлилась на себя за то, как вцепился ее разум в этот звук. За то, что чувствовала себя уязвимой, потому что Арин был в беде. Она разозлилась на Айрекса за его знающую ухмылку.

— Да. — Кестрел решила придать словам Айрекса другой смысл. — Пусть это решится между нами и судьбой.

Произнеся формальные слова вызова на дуэль, Кестрел отстранилась от прикосновения Айрекса, достала из ножен кинжал и подняла его горизонтально на уровень груди, будто проводя линию между мужчиной и собой.

— Кестрел, — сказал Айрекс. — Я думал не об этом, когда говорил, что мы могли бы решить вопрос.

— По-моему, этот метод нам подойдет лучше.

— Вызов. — Айрекс прищелкнул языком. — Я позволю тебе забрать его. Один раз.

— Я не имею права забрать его.

На этих словах Айрекс обнажил свой кинжал и повторил позу Кестрел. Они простояли несколько мгновений неподвижно, а затем убрали клинки.

— Я даже позволю тебе выбрать оружие, — произнес Айрекс.

— Иглы. Теперь Вы должны выбрать время и место.

— Мое поместье. Завтра, за два часа до заката. Этого времени мне хватит, чтобы собрать посмертный штраф.

Это заставило Кестрел помедлить. Затем она кивнула и наконец повернулась к Арину.

Он выглядел так, словно его мутило. Казалось, он ослабел, и сенаторы, вместо того чтобы сдерживать его, помогли ему стоять.

— Можете выпустить его, — обратилась Кестрел к сенаторам и, когда те повиновались, приказала Арину следовать за собой. Когда они выходили из библиотеки, Арин произнес:

— Кестрел...

— Ни слова. Не говори ни слова, пока мы не сядем в экипаж.

Они быстро прошли через комнаты — комнаты Арина. Когда Кестрел бросала на него косые взгляды, он казался ошеломленным и испытывающим головокружение. Во время своих первых уроков на корабле Кестрел была подвержена морской болезни, и теперь она

подумала, что, вероятно, также чувствовал себя сейчас в своем доме Арин — как когда глаза видят горизонт, но живот его не ощущает.

Молчание прервалось лишь тогда, когда за ними закрылась дверца экипажа.

— Ты сошла с ума. — В голосе Арина звучали ярость и отчаяние. — Это была моя книга. Мой поступок. Ты не имела права вмешиваться. Ты думаешь, я не смог бы выдержать наказание за то, что меня поймали?

— Арин. — Когда Кестрел наконец осознала, что совершила, в ней встрепенулся ужас. Она изо всех сил постаралась, чтобы ее голос прозвучал спокойно. — Дуэль — это просто ритуал.

— Это не твоя битва.

— Ты знаешь, что она и не для тебя. Айрекс никогда не согласится, и, если ты наставишь на него клинок, все присутствующие валорианцы набросятся на тебя. Айрекс не убьет меня.

Арин бросил на нее скептический взгляд.

— Ты отрицаешь, что он лучший боец?

— Он первый заставит пролиться кровь. Это удовлетворит его, и мы оба с честью разойдемся.

— Он сказал что-то о посмертном штрафе.

Это было взыскание, которое назначал закон за дуэль со смертельным исходом. Победитель платил семье погибшего большую сумму. Кестрел отбросила эту мысль.

— От убийства дочери генерала Траяна Айрекс одним лишь золотом не отделается.

Арин уронил лицо в ладони. Он начал ругаться, упоминая каждое изобретенное геранцами бранное слово, проклиная валорианцев именем каждого геранского бога.

— Арин, в самом деле.

Его ладони упали.

— И ты. Что за глупость ты совершила. Почему ты это сделала? Почему поступила так глупо?

Она подумала о его заявлении, что Инэй никогда не могла бы полюбить ее, а если и любила, то это была вынужденная любовь.

— Ты можешь не считать меня своим другом, — сказала Кестрел Арину, — но я тебя своим считаю.

Ночью Кестрел спала спокойно. До того как назвать Арина другом, она не понимала, что именно к нему испытывает. Пока они ехали на виллу, он молчал и выглядел странно, как тот, кто выпил вина, а ожидал почувствовать вкус воды. Но он не стал возражать против ее слов, и Кестрел знала его достаточно хорошо, чтобы верить, что при желании он не стал бы сдерживаться.

Друг. Эта мысль успокоила Кестрел. Она многое объясняла.

Когда она закрыла глаза, то вспомнила кое-что, что в детстве ей часто говорил отец и даже сейчас повторял солдатам перед сражением:

— Грезы не принесут тебе вреда.

Сон обернул ее, подобно бархатной ткани.

Затем наступил рассвет, прозрачный и холодный. Спокойствие Кестрел испарилось. Она надела халат и стала искать в шкафу церемониальное боевое облачение. Каждый год ее отец заказывал новое, и последний костюм прятался позади платьев. Но он был там: черные лосины, туника и плотный жакет. Пока Кестрел смотрела на одежду, ее снедало дурное предчувствие. На данный момент она оставила костюм на месте.

Не то чтобы она боялась дуэли, подумала Кестрел, закрывая дверцу шкафа. Она не возражала против первой крови, что едва могло быть серьезнее повреждений, которые она получала во время занятий с Раксом. Она не страшилась проиграть Айрексу: поражение на дуэли не считалось позором в глазах общества.

А вот причины, заставившие Кестрел драться, могли.

«В обществе его обсуждают?» — спрашивала Инэй. Кестрел положила ладонь на дверцу шкафа и прижалась к пальцам лбом. Теперь в обществе точно станут обсуждать Арина, если не обсуждали до этого. Кестрел представила, как новость о дуэли распространилась среди гостей Айрекса, которые, должно быть, были ошеломлены и возбуждены подробностями. Чтобы госпожа дралась за своего раба? Случалось ли такое ранее?

Очевидно, нет.

Ей стоит ожидать, что на дуэли будут зрители. Что она им скажет? Что стремилась защитить друга?

Спокойный сон был ложью. Сейчас спокойствия не существовало.

Кестрел выпрямилась. В присутствии свидетелей вызов на дуэль был брошен и принят. В поражении не было ничего позорного, а вот в трусости — было.

Кестрел надела простое платье, намереваясь зайти в казармы и удостовериться, что ее отец не вернется с учений до завтрашнего дня. Она знала, что не сможет сохранить дуэль в тайне. Скоро начнут распространяться слухи, и до отца они обязательно дойдут. Тем не менее, Кестрел предпочла бы, чтобы генерал прибыл после того, как дело будет сделано.

Когда она открыла наружную дверь своих апартаментов, то увидела в холле рабыню, которая с трудом держала в руках небольшой сундук.

— Леди Кестрел, — произнесла она. — Это только что прибыло от лорда Айрекса.

Кестрел взяла сундук, но ее руки ослабли, когда она осознала, что в нем должно находиться. Ее пальцы не могли сжаться.

Сундук упал на мраморный пол холла, рассыпая свое содержимое. Кусочки золота, крутясь, разлетелись повсюду, звеня, подобно маленьким колокольчикам.

Айрекс прислал посмертный штраф. Кестрел не нужно было пересчитывать монеты — она знала, что их число равнялось пяти сотням. Ей не нужно было касаться золота — она и так помнила, сколько выиграла у Айрекса в «Клык и Жало». Она подумала, что однажды он мог бы стать лучшим игроком, раз понял психологию устрашения достаточно, чтобы заплатить посмертный штраф до начала самой дуэли.

Кестрел стояла неподвижно, охваченная кислым страхом. «Дыши», — сказала она себе. Но все, на что она была способна, — это невидящим взглядом смотреть, как рабыня гоняется по полу за разлетевшимися монетами и как подошла другая девушка, чтобы помочь вернуть деньги в сундук.

Кестрел сдала шаг. Потом еще один, и еще, и, наконец, она была готова бежать от вида рассыпавшегося золота, пока не ощутила, что паника спала и к ней вернулась способность мыслить. Она увидела улыбку Айрекса и ямочку на его щеке. Почувствовала, как его рука сжимает ее. Представила оружие на стенах его дома, представила, как он переворачивает карточку «Клыка и Жала», как его туфли мнут траву на лужайке леди Фарис, а каблук вгрызается в почву. Кестрел увидела его глаза, такие темные, что они казались почти черными.

Она знала, что должна сделать.

Кестрел спустилась в библиотеку и написала два письма. Одно она адресовала отцу, другое — Джесс и Ронану. Сложив письма, она запечатала их, приложив к воску свое кольцо, и убрала пишущие принадлежности. В тот момент, когда она услышала, как по мрамору коридора стучат приближающиеся шаги, письма были у нее в руках, а воск на них уже затвердел, но все еще оставался теплым.

В библиотеку вошел Арин и закрыл дверь.

— Ты не сделаешь этого, — произнес он. — Ты не будешь с ним драться.

Вид Арина потряс ее. Она не сможет ясно мыслить, если он продолжит говорить с ней и смотреть на нее подобным образом.

— Не тебе отдавать мне приказы, — сказала Кестрел. Она двинулась к выходу.

Арин преградил ей путь.

— Я знаю о том, что ты получила. Он прислал тебе посмертный штраф.

— Сначала платье, теперь это? Арин, я могла бы подумать, что ты следишь за всем, что я отправляю или получаю. Тебя это не касается.

Он сжал ее плечи.

— Ты такая маленькая.

Кестрел знала, что он делает, и ненавидела это, ненавидела его за то, что он напоминал ей о ее физической слабости, которую каждый раз замечал ее отец, когда наблюдал, как она борется с Раксом.

— Отпусти.

— Заставь меня.

Она посмотрела на Арина. Что бы он ни увидел в ее глазах, это заставило его разжать руки.

— Кестрел, — произнес он уже тише, — меня уже били плетью раньше. Порка и смерть — разные вещи.

— Я не умру.

— Позволь Айрексу назначить мое наказание.

— Ты меня не слушаешь.

Она хотела сказать больше, но осознала, что его руки все еще лежат у нее на плечах. К ее ключице нежно прижался большой палец.

Кестрел резко вдохнула. Арин вздрогнул, будто пробуждаясь ото сна, и отстранился.

Он не имеет права, думала Кестрел. Он не имеет права сбивать ее толку. Не сейчас, когда она нуждается в хладнокровии.

Вчера вечером в закрытой темноте экипажа все казалось таким простым.

— Тебе не позволено прикасаться ко мне, — произнесла Кестрел.

Улыбка Арина была горькой.

— Как я понимаю, это означает, что мы больше не друзья.

Кестрел ничего не ответила.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда у тебя больше нет причин драться с Айрексом.

— Ты не понимаешь.

— Я не понимаю вашу проклятую богами валорианскую честь? Я не понимаю, что твой отец скорее согласится, чтобы тебя распотрошили, чем захочет жить с дочерью, которая отказалась от дуэли?

— У тебя нет веры в меня, раз ты считаешь, что Айрекс победит.

Он запустил руку в свои короткие волосы.

— Где во всем этом затерялась моя честь, Кестрел?

Они встретились взглядами, и Кестрел узнала выражение его лица. Так он смотрел на нее с противоположной стороны стола за игрой в «Клык и Жало». Так он выглядел на арене, когда распорядитель торгов приказал ему спеть.

Непокорство. Холодная решимость, которая обжигала кожу, подобно металлу зимой.

Она поняла, что Арин остановит ее. Возможно, он сделает это хитро. Может быть, пойдет в тайне от нее к управляющему, расскажет ему о краже и вызове и настаит на том, чтобы предстать перед судом и Айрексом. Если этот план Арина не устроит, он придумает другой.

Он повлечет за собой неприятности.

— Ты прав, — сказала Кестрел.

Арин моргнул и прищурился.

— Между прочим, — продолжила Кестрел, — если бы ты дал мне возможность объяснить, я бы сообщила тебе, что уже решила отменить дуэль.

— Решила...

Она показала ему свои два письма. То, которое она написала отцу, находилось сверху. У другого был виден только край.

— Первое письмо, объясняющее, что произошло, — для моего отца. Второе — к Айрексу, в нем я приношу извинения и приглашаю его забрать свои пятьсот монет в любое время.

Арин недоверчиво на нее посмотрел.

— Также он, разумеется, получит тебя. Зная его, тебя будут сечь до тех пор, пока ты не потеряешь сознание, и даже после этого. Уверена, когда ты очнешься, то будешь невероятно рад, что я решила поступить именно так, как ты хотел.

Арин фыркнул.

— Если ты сомневаешься в моих словах, то можешь спуститься со мной в казармы и посмотреть, как я отдаю солдату письмо для отца и приказываю немедленно его доставить.

— Думаю, я так и поступлю.

Арин открыл дверь библиотеки.

Они вышли из дома и прошли по твердой земле. Кестрел содрогнулась. Она не стала терять времени, чтобы взять с собой плащ: не могла рисковать тем, что Арин передумает.

Когда они вошли в казармы, Кестрел оглядела шестерых стражников, свободных в данный момент от службы. Она почувствовала облегчение, так как рассчитывала найти здесь только четверых, и необязательно Ракса, которому она доверяла больше остальных. Она подошла к нему, а Арин следовал сразу за ней.

— Доставьте это генералу так быстро, как только сможете. — Она отдала Раксу первое послание. — Со вторым письмом отправьте гонца к Джесс и Ронану.

— Что? — произнес Арин. — Погоди...

— И посадите этого раба под замок.

Кестрел отвернулась, чтобы не видеть, что произойдет. Она услышала, как помещение погрузилось в хаос. Услышала звуки борьбы, вскрик и как в плоть врезаются кулаки.

Она вышла и позволила двери закрыться за ее спиной.

*

Ронан ждал ее возле охраняемых ворот поместья. Судя по всему, он прождал уже достаточно долго. Его лошадь жевала коричневую траву, а сам Ронан сидел на валуне поблизости, бросая в каменную стену имения генерала галькой. Увидев, как из ворот верхом на Джавелине выехала Кестрел, он высыпал свою пригоршню камушков на тропу, но остался сидеть на месте, опершись локтями о согнутые в коленях ноги, и не отрывал от девушки взгляда. Его лицо было бледным и напряженным. Он сказал:

— Я почти готов сбросить тебя с лошади.

— Значит, ты получил мое письмо.

— И немедленно отправился сюда, где стража сообщила мне, что хозяйка дома отдала строгий приказ никого — даже меня — не впускать. — Он обвел ее взглядом, замечая черный боевой наряд. — Я не мог в это поверить. Я до сих пор не верю. После того, как ты прошлым вечером исчезла, все на ужине говорили о вызове, но я был уверен, что это просто слух, начатый Айрексом из-за некоего произошедшего между вами недоразумения. Кестрел, как ты могла выставить себя в подобном свете?

Ее руки сжали поводья. Кестрел подумала о том, что, когда она отпустит их, ее ладони будут пахнуть кожей и потом. Она заставила себя представить этот запах. Это было легче, чем бороться с неприятным ощущением, которое омывало ее изнутри. Она знала, что собирался сказать Ронан.

Она решила постараться предотвратить это. Решила говорить о самой дуэли, которая казалась вполне близкой по теме к причинам, которые сподвигли ее на подобное. Кестрел сказала легким тоном:

— Похоже, никто не верит, что я могу победить.

Ронан соскочил с валуна и решительным шагом подошел к ее лошади. Он взялся за луку ее седла.

— Ты получишь то, что хочешь. Но чего ты хочешь? Кого?

— Ронан. — Кестрел сглотнула. — Подумай, о чем говоришь.

— Лишь о том, о чем говорят все. Что у леди Кестрел есть любовник.

— Это ложь.

— Он — ее тень, он повсюду следует за ней, слушая и наблюдая.

— Это не так, — попыталась опровергнуть его слова Кестрел, но с ужасом услышала, как ее голос дрогнул. Она почувствовала, как в глазах защипало. — У него есть девушка.

— Почему ты вообще об этом знаешь? И что, что у него есть девушка? Это не имеет значения. Не в глазах общества.

Эмоции Кестрел были подобны флагам в бурю, рвущимся прочь на ветру. Они путались вокруг нее и обвивали ее сознание. Кестрел сосредоточилась и, заговорив, позаботилась, чтобы в ее словах прозвучало презрение:

— Он — раб.

— Он — мужчина, так же как и я.

Кестрел спешила, встала лицом к лицу с Ронаном и солгала:

— Он для меня никто.

Ярость Ронана немного остыла. Он молча ждал продолжения.

— Мне вообще не следовало бросать Айрексу вызов. — Кестрел решила вплести в историю немного правды, чтобы укрепить полотно лжи. — Но между нами установилась враждебность. Прошлой весной он делал мне предложение. Я отвергла его. С того времени он ведет себя... агрессивно.

Теперь сочувствие Ронана было на ее стороне, и Кестрел почувствовала признательность, потому что не представляла себе, как поступить, если он и Джесс повернутся к ней спиной. Она нуждалась в них — не только сегодня, но всегда.

— Айрекс разозлил меня. Раб был всего лишь предлогом. — Насколько проще все стало бы, если бы так было на самом деле. Но Кестрел не позволила себе раздумывать над правдой. Она не хотела знать ее форму или смотреть ей в лицо. — Я повела себя бездумно и опрометчиво, но я уже набрала карты и должна разыграть их. Ты поможешь мне, Ронан? Сделаешь так, как я просила в письме?

— Да. — Он все еще выглядел подавленным. — Хоть все, что мне остается делать, — это просто стоять и смотреть, как ты дерешься.

— А Джесс? Она будет на дуэли?

— Да, как только закончит выплакивать глаза. Как же ты нас напугала, Кестрел.

Кестрел открыла седельную сумку и передала Ронану мешочек с посмертным штрафом. Тот принял его, по весу и по разъяснениям из письма Кестрел узнавая, что это. Ронан тихо сказал:

— Ты напугала меня.

Она раскинула руки, ступив в его объятия. Он нежно обхватил ее. Его подбородок коснулся ее макушки, и Кестрел почувствовала, что он прощает ее. Она попыталась изгнать из своего сознания образ Арина на помосте арены и выражение его глаз, когда он спрашивал, где его честь. Она попыталась забыть о том, как он ругался на своем языке на ее стражников. Она крепче прижалась к Ронану, положив щеку ему на грудь.

Ронан вздохнул.

— Я провожу тебя до поместья Айрекса, — сказал он, — а после твоей победы в целостности и сохранности доставлю домой.

*

Подъезд к дому Айрекса был заставлен экипажами. Почти все высшее общество

выразило желание присутствовать на дуэли: Кестрел видела сотни хорошо одетых мужчин и женщин, которые возбужденно переговаривались, а их дыхание замирало в осеннем воздухе облачками тумана. Ронан спешил, и Кестрел последовала его примеру. Они позволили своим лошадям отойти туда, где стояли лошади остальных.

Кестрел изучала толпу, собравшуюся кольцом вокруг полянки среди деревьев. Увидев девушку, люди улыбались, но их улыбки были недобрыми. На Кестрел бросали жеманные взгляды, а на лицах некоторых было написано нездоровое очарование, будто это была не дуэль, а повешение, и зрителей интересовал единственный вопрос: как скоро переломится шея преступника. Кестрел гадала, сколько человек из собравшихся знали, что Айрекс уже заплатил посмертный штраф.

Она чувствовала себя холодной и окоченевшей. Ходячим скелетом.

Ронан приобнял ее одной рукой. Кестрел знала, что он хотел показать обществу свою преданность так же, как и поддержать ее. Он прикрывал ее репутацию своей собственной. Она не просила его об этом, но тот факт, что он увидел пробел в ее плане, заставил Кестрел ощутить одновременно облегчение от его близости и страх, даже больший, чем раньше.

— Я не вижу отца.

Пальцы Кестрел дрожали. Ронан поймал ее ладонь в свою и, хоть его глаза были наполнены сомнением, одарил ее широкой улыбкой, предназначенной для толпы. Он громко сказал:

— Какие же у тебя холодные руки! Давай покончим с этой ерундой и отправимся куда-то, где тепло.

— Кестрел!

От толпы отделился Беникс, держа за руку Джесс и эмоционально махая друзьям другой рукой. Беникс двигался к ним непринужденной походкой, но у Джесс подобная наигранность не выходила. Она выглядела ужасно. Ее глаза были красными, а лицо покрыто пятнами.

Беникс заключил Кестрел в медвежьи объятия, а затем изобразил притворную дуэль с Ронаном — что изумило многих окружающих, но заставило свежие слезы выступить на глазах Джесс.

— Это не шутки, — произнесла она.

— Ах, сестренка, — поддразнил ее Ронан, — ты воспринимаешь все слишком серьезно.

Толпа зашевелилась, разочарованная тем, что прибытие Кестрел не вызвало эмоциональных взрывов среди ее ближайших друзей. По мере того, как люди отворачивались, Кестрел увидела, как перед ней расчитился путь к Айрексу, который стоял, высокий и облаченный в черное, в центре пустого пространства, предназначенного для дуэли. Он улыбнулся ей. Кестрел была будто громом поражена и не знала о присутствии отца до тех пор, пока не почувствовала на своем плече его ладонь.

Он был в пыли и пах лошадью.

— Отец, — произнесла Кестрел и была готова броситься в его объятия.

Он сдержал ее.

— Сейчас не время.

Кестрел вспыхнула.

— Генерал Траян, — жизнерадостно произнес Ронан. — Рад, что Вы приехали. Беникс, мне кажется, или я вижу вон там впереди, возле круга, близняшек Рауль? Не там, слепня. Смотри, прямо возле леди Фарис. Почему бы нам не наблюдать за соревнованием вместе с

ними? И ты, Джесс. Нам нужно твое женское присутствие, чтобы мы могли притвориться, будто это ты захотела поболтать с ними о шляпках с перьями.

Джесс пожала руку Кестрел, и троица собралась удалиться, однако генерал остановил их.

— Спасибо вам, — сказал он.

Друзья Кестрел оставили свое веселое притворство, которое Джесс в любом случае удавалось плохо. Генерал смотрел на Ронана, оценивая его, будто новобранца. Затем он сделал кое-что необычное — одобрительно кивнул. Уголок губ Ронана приподнялся в короткой тревожной улыбке, и он увел за собой остальных.

Генерал повернулся к Кестрел и прямо на нее поглядел. Когда она прикусила губу, он сказал:

— Сейчас не время показывать слабость.

— Я знаю.

Он проверил ремни на ее предплечьях, бедрах и голених, одернув кожаные полоски, которые прикрепляли к ее телу небольшие ножи.

— Держись от Айрекса на расстоянии, — тихо произнес он, хотя в непосредственной близости никого не было: люди отошли, позволяя им поговорить наедине — это был знак уважения к генералу. — Твоя лучшая возможность — превратить это в соревнование по метанию ножей. Уворачивайся от его, бросай свои. Возможно, тебе удастся первой заставить пролиться кровь. Заставь его опустошить ножны. Если вы оба потеряете все шесть Игл, дуэль заканчивается ничьей. — Он поправил ее жакет. — Не допусти, чтобы это превратилось в рукопашную.

На весеннем турнире генерал сидел рядом с ней. Он видел, как Айрекс сражается, и сразу после этого пытался убедить его вступить в армию.

— Я хочу, чтобы ты был в передней части толпы, — сказала Кестрел.

— Меня не может быть в другом месте. — Между бровями ее отца залегла небольшая морщинка. — Не дай ему приблизиться.

Кестрел кивнула, хоть у нее не было намерения придерживаться его совета.

Она прошла через толпу людей к Айрексу.

Кестрел не могла поговорить с Айрексом с глазу на глаз, что, вероятно, вполне устраивало молодого лорда. Ему нравилось, чтобы его слышали и видели, и, казалось, он не имел никакого намерения отделяться от толпы до тех пор, пока они вместе с Кестрел не вышли на предназначенное для дуэли круглое пространство, отмеченное черной краской по мертвой траве, и заняли места друг напротив друга.

— Леди Кестрел. — Айрекс говорил четко, чтобы собравшиеся слышали его слова. — Вы получили мой подарок?

— И привезла его сюда, чтобы вернуть Вам.

— Это значит, что ты сдаешься? Давай же, согласишься отправить своего раба ко мне и протяни мне руку. Я уколую тебе мизинец. Первая кровь будет засчитана за мной, и мы вместе поужинаем.

— Нет, положение вещей нравится мне таким, какое оно сейчас. Когда Вы на своем месте, а я — в пятидесяти шагах от Вас.

Темные глаза Айрекса превратились в щелки. Его губы, которые можно было бы назвать чарующими, перестали улыбаться. Айрекс повернулся к Кестрел спиной и отправился на свое место. Кестрел встала на свое.

Айрекс, как принявший вызов, назначил друга, который должен был объявить начало дуэли. Когда молодой человек крикнул: «По цели!», Айрекс выхватил прикрепленный к его руке кинжал и бросил его.

Кестрел, которая ожидала, что он сделает первый ход, изящно увернулась. Кинжал пропел в воздухе и воткнулся в дерево.

Зрители отпрянули от границ круга. Несчастные случаи происходили и раньше: для наблюдателей Иглы были весьма опасной игрой.

Айрекс казался совершенно не обеспокоенным, что его первая попытка провалилась. Он пригнулся, доставая Иглу из ножен на голени. Взвешивая оружие в руке, он смотрел на Кестрел. Затем Айрекс сделал ложный выпад, но, если Кестрел была искусна в чем-то, то в том, что легко различала блеф, особенно когда Айрекс не особенно старался скрывать свои эмоции. Он метнулся вперед и бросил.

Его скорость была ужасающей. Кестрел упала на землю, оцарапав щеку о песок, но тут же снова вскинулась, чтобы Айрекс не застал ее в такой уязвимой позе. Поднявшись, она увидела, как на земле что-то блеснуло — кончик ее косы, срезанный кинжалом противника.

Дыхание Кестрел участилось. Айрекс удерживал позицию приблизительно в тридцати шагах от нее.

Она ждала, балансируя на носках, и увидела, как ярость Айрекса на ее оскорбление спала или же до такой степени смешалась с удовольствием, что стало казаться, будто он пребывает в хорошем настроении. Его первый бросок был диким и неразумным, так как он взял Иглу из одного из двух наиболее легко доступных мест. Когда Иглы переходили в рукопашную, тот, у кого было мало ножей и кто потерял ножи с предплечий и даже бедер, оказывался в неблагоприятном положении. Кестрел знала, что Айрекс понимает это, иначе он не использовал бы для второго броска Иглу с голени. Он вел себя нагло, но и осторожно. Это делает задачу Кестрел сложнее.

Она почти чувствовала досаду отца. Люди выкрикивали ей советы, но голоса генерала

она не слышала. Кестрел гадала, насколько тяжело ему было не приказать, чтобы она сама метнула несколько Игл. Она знала, что он хотел этого. Именно так следовало поступить более слабому бойцу: надеяться удачным броском окончить дуэль раньше.

Но она хотела подобраться к Айрексу поближе — так близко, чтобы поговорить с ним и их разговора никто не услышал. Как только она окажется от него на расстоянии вытянутой руки, ей понадобится каждый нож.

Айрекс наклонил голову. Либо он был озадачен, что Кестрел не придерживается единственной разумной для нее стратегии, либо разочарован, что она вообще ничего не делает. Возможно, он ожидал более сложного соревнования. Кестрел всегда старалась не выставлять на показ свои весьма скромные боевые навыки, и общество полагало, что дочь генерала должна быть превосходным воином.

Айрекс медлил, не выказывая ни малейшего желания опустошать ножны. Он не стал приближаться, что представляло собой проблему: если Кестрел не удастся подманить его, ей придется подойти к нему самой.

Теперь крики стали неразборчивыми. Они разрослись в нечто, напоминающее ревущую тишину.

Отец сказал бы, что Кестрел должна оставаться на месте. Вместо этого она вытащила два кинжала с голеней и бросилась вперед. Клинок вырвался из одной ее руки и прошел мимо — ужасный бросок, но он отвлек Айрекса от второго, который мог бы ударить в цель, если бы лорд не пригнулся и не бросил собственную Иглу.

Чтобы увернуться, Кестрел прокатилась по сухой траве. Она упала на бок как раз в тот момент, когда Игла воткнулась в почву возле ее ноги. Ее разум покрылся льдом, замыкаясь в себе.

Айрекс был быстр, слишком быстр. Она даже не заметила, как шевельнулась его рука.

А затем ботинок Айрекса пнул ее под ребра. Кестрел охнула от боли. Она заставила себя подняться на ноги и выхватила Иглу из ножен на предплечье. Она разрешила воздух перед собой, но Айрекс отскочил, выбил нож из ее руки и перекатился, чтобы забрать его себе.

Грудь Кестрел вздымалась. Ей было больно дышать. Больно думать. На мгновение она представила, как ее отец разочарованно прикрывает глаза. «Никогда не вооружай своего противника», — часто повторял он.

Но она получила, что хотела. Теперь они с Айрексом находились в центре круга, слишком далеко от галдящих зрителей, чтобы те могли услышать их разговор.

— Айрекс. — Ее голос прозвучал тонко и слабо. — Нам нужно поговорить.

Он пнул ее в колено. Она почувствовала, как что-то хрустнуло и сместилось, а затем рухнула на землю. Сила удара вернула ее коленную чашечку на место. Кестрел вскрикнула.

Шок был слишком велик, чтобы ощущать боль. Однако затем мука пришла: спазм выстрелил из ноги Кестрел в мозг.

Не страх заставил Кестрел подняться на ноги. Она была ошеломлена болью и ничего больше ощущать не могла. Она не знала, как смогла встать, лишь осознала, что сделала это и Айрекс позволил ей.

— Ты мне никогда не нравилась, — прошипел он. — Такое высокомерие.

Перед глазами Кестрел побелело. Она пребывала под странным впечатлением, будто идет снег, но по мере того, как белизна разъедала пространство вокруг лица Айрекса, она поняла, что никакого снега не было. Она находилась на грани потери сознания.

Айрекс ударил ее по лицу.

Это до смерти уязвило ее. Она услышала вскрик, но не была уверена, исходил ли он от толпы или из ее собственного горла. Кестрел нужно было говорить сейчас и говорить быстро, иначе дуэль закончится тем, что Айрекс просто раздавит ее, вместо того, чтобы заколоть Иглой. Кестрел едва смогла набрать в грудь воздуха. Она вытащила кинжал, и ощущение в ладони его твердости немного помогло ей.

— Ты — отец ребенка Фарис.

Айрекс отпрянул.

— Что?

Кестрел молилась, чтобы ее догадка не оказалась ошибочной.

— Ты спал с женой Сенатора Тайрена. Ты зачал ее ребенка.

Айрекс взял себя в руки, его кинжал блеснул в свете заходящего солнца огнем. Но он прикусил внутреннюю сторону щеки, отчего его лицо перекосилось, и этот едва заметный признак беспокойства подарил Кестрел надежду, что она сможет пережить дуэль. Айрекс спросил:

— Что заставляет тебя так говорить?

— Нанеси удар, который я смогу легко парировать, и я скажу.

Он повиновался, и звук удара лезвия по лезвию придал Кестрел сил.

— У вас одинаковые глаза, — произнесла она. — У ребенка на щеке образовывается ямочка, и у тебя тоже. Когда мы заняли позиции для боя, Фарис побледнела, и, как я вижу, она находится в передней части толпы. Не думаю, что она так волнуется за меня.

Айрекс медленно ответил:

— То, что тебе известна подобная тайна, вовсе не побуждает меня желать твоей смерти меньше.

Кестрел прерывисто вдохнула, радуясь, что не ошиблась, что Айрекс колебался, хоть толпа и продолжала кричать.

— Ты не убьешь меня, — сказала она, — потому что я все рассказала Джесс и Ронану. Если я погибну, они сделают твою тайну известной всем.

— Им никто не поверит. Общество будет думать, что они горюют по тебе и пытаются мне навредить.

— И общество продолжит так думать, когда сравнит лицо мальчика с твоим? Той же позиции будет придерживаться Сенатор Тайрен? — Хромая, Кестрел обошла вокруг Айрекса, и он позволил ей, хоть и обнажил вторую Иглу и держал обе наготове. Он быстро переступал с одной ноги на другую, а Кестрел пыталась не споткнуться. — Если Ронан встретится с трудностями в распространении скандала, он вложит в это деньги. Я отдала ему пятьсот золотых монет, и он подкупит своих друзей, чтобы они поклялись в истинности слухов, в том, что видели тебя в постели с Фарис, что ты носишь у сердца локон волос мальчика. Они будут говорить что угодно, будь это правдой или нет. Немногие люди так богаты, как ты. У Ронана много друзей — вроде бедного Ханана, — которые с радостью примут золото, чтобы испортить репутацию кого-то, кого никто особенно не любит.

Руки Айрекса ослабли. Казалось, ему стало плохо.

Кестрел надавила на полученное преимущество:

— Ты спал с Фарис, чтобы она посоветовала своему мужу помочь тебе получить место в Сенате. Может быть, у тебя были и другие причины, но нам важна именно эта. Тебе следовало бы прислушаться к моим словам, ведь если Тайрен заподозрит тебя, он не просто

не станет оказывать помощи. Он обратит Сенат против тебя.

Кестрел увидела, как его пыл остудился.

— Хотя эта дуэль и не нарушила правил, но она не совсем чиста, — продолжила Кестрел. — Ты начал драку. Общество будет осуждающе бормотать задолго до того, как Ронан и Джесс уничтожат твою репутацию.

— Общество осудит меня? — оскалился Айрекс. — Твоя собственная репутация не так уж безупречна. Любовница раба.

Кестрел пошатнулась. Ей понадобилось мгновение, чтобы собраться с мыслями, и, даже заговорив, она не была уверена, являлись ли ее слова правдой или ложью:

— Что бы ни говорили обо мне люди, мой отец будет твоим врагом.

Лицо Айрекса все еще горело ненавистью, однако он произнес:

— Очень хорошо. — В его голосе послышалось колебание. — Ты рассказала генералу о Фарис?

Кестрел подумала о своем письме к отцу. Оно было весьма простым. «Я вызвала лорда Айрекса на дуэль, — говорилось в нем. — Она произойдет сегодня за два часа до заката на территории его поместья. Пожалуйста, приди».

— Нет. Это бы уничтожило мою цель.

Айрекс бросил на Кестрел взгляд, который она часто видела на лицах своих противников в «Клык и Жало».

— Цель? — осторожно спросил он.

Кестрел почувствовала, как по ее венам заструился триумф, превзошедший боль в колене.

— Я хочу, чтобы мой отец поверил, что я честно победила в этой дуэли. Ты потерпишь поражение. Поддашься мне, и победа будет полностью моей. — Кестрел улыбнулась. — Я хочу первой крови, Айрекс. Мой отец смотрит. Сделай так, чтобы это выглядело красиво.

После дуэли генералу пришлось помочь Кестрел подняться на лошадь, но не успел Джавелин сделать несколько шагов, как девушка покачнулась в седле. Ее правое колено пульсировало. Казалось, будто в нем сорвался и начал распускаться какой-то узелок, прижимая к коже изнутри свои горячие витки.

Генерал остановил Джавелина.

— Можем взять займы чей-нибудь экипаж.

— Нет.

Какой был смысл в победе над Айрексом, если она не могла удержаться на лошади? До сих пор Кестрел не осознавала, что обладает такой гордостью. Может быть, она не желала военной жизни, подобной жизни отца, но, судя по всему, его одобрение ей было нужно не меньше, чем в детстве.

Генерал, казалось, хотел поспорить, но сказал только:

— Это была решительная победа.

Он взобрался на своего коня и задал темп.

Они двигались медленно, но Кестрел морщилась при каждом ударе копыта. Она обрадовалась, когда небо перекрасила ночь. Кестрел знала, что ее лицо осунулось от боли, но напомнила себе о темноте, которая скрывала ее даже от отца. Он не увидит ее страх.

Она ожидала, когда он задаст свой вопрос: почему она вызвала Айрекса на дуэль?

Но генерал молчал, а некоторое время спустя Кестрел могла думать только о том, как бы не упасть с лошади. Она закусила губу. Когда они приехали домой, у нее во рту стоял привкус крови.

Кестрел не заметила, как они миновали ворота. Просто внезапно перед ней появился дом, яркий и будто трепещущий по краям. Кестрел неясно слышала, как ее отец кому-то что-то сказал, а затем почувствовала на талии его руки, которые сняли ее с Джавелина, будто она была ребенком.

Генерал поставил дочь на ноги. Ее колено подогнулось. Кестрел почувствовала, как в ее горле застрял вскрик, а затем все потемнело.

*

Когда Кестрел открыла глаза, то обнаружила себя лежащей в постели. Кто-то развел в очаге огонь, от которого к потолку тянулись всполохи оранжевого света. На прикроватном столике горела масляная лампа, и ее свет превратил лицо генерала в границы тени и кости. Отец Кестрел сидел в придвинутом к кровати кресле. Возможно, он здесь же спал, но сейчас его глаза были внимательны.

— Твое колено нужно вскрыть, — сказал он.

Кестрел взглянула на свою ногу. Кто-то — ее отец? — разрезал от бедра правую штанину лосин. Колено распухло и казалось вдвое больше своего обычного размера. Оно горело и стало каким-то тугим.

— Я не знаю, что это значит, — произнесла Кестрел, — но звучит не очень приятно.

— Айрекс вывихнул тебе коленную чашечку. Она встала на место, но ударом, вероятно, разорвало мышцу. Твое колено наполняется кровью. Поэтому тебе так больно — из-за

опухоли. — Генерал помедлил. — У меня есть некоторый полевой опыт лечения подобных повреждений. Я могу вскрыть опухоль. Тебе станет легче. Но мне придется использовать нож.

Кестрел вспомнила, как он когда-то разрезал руку ее матери, как по его пальцам бежала кровь, пока он пытался соединить края раны. Когда он посмотрел на дочь сейчас, Кестрел поняла, что он видит тот же образ или его отражение в ее глазах. Между ними стоял один и тот же кошмар.

Генерал уронил взгляд на свои покрытые шрамами ладони.

— Я послал за доктором. Если хочешь, можешь дожидаться его. — Голос отца звучал ровно, и, вероятно, только Кестрел смогла бы услышать в нем грустные нотки. — Я бы не предлагал свою помощь, если бы не был уверен в себе или если бы не считал, что будет лучше сделать это сейчас. Но выбор за тобой.

Он встретился с ней взглядом. Что-то в глазах отца заставило Кестрел подумать, что он бы никогда не позволил Айрексу убить ее, что, почувствуй он, что его дочь сейчас умрет, он бы сам выбежал на площадку и вонзил в спину Айрекса клинок, что он бы расстался ради нее со своей честью.

Конечно, Кестрел не могла быть уверена. Однако она кивнула. Генерал отправил раба за чистыми лоскутами, которые затем подложил под ее колено. После этого он подошел к очагу и поднес к огню небольшой нож, чтобы обеззаразить его.

С потемневшим ножом в руке он вернулся к ее постели.

— Обещаю, — произнес он, но Кестрел не знала, обещал ли он, что поможет ей, что знает свое дело или же что спас бы ее от Айрекса, если бы ему пришлось. Нож вошел в плоть, и Кестрел снова потеряла сознание.

*

Он был прав. Кестрел почувствовала облегчение, как только открыла глаза. Ее колено болело и было замотано бинтом, но горячая опухоль спала, а с ней — немалая часть боли.

Отец стоял к ней спиной, глядя в темное окно.

— Тебе стоило бы освободить меня от выполнения нашей сделки, — сказала Кестрел. — Теперь, с больным коленом, армия меня не примет.

Он обернулся и ответил на ее слабую улыбку своей.

— И не надейся, — ответил он. — Твоя рана не серьезна, пусть и болезненна. Скоро ты встанешь на ноги, а до конца месяца будешь нормально ходить. Это не необратимое повреждение. Если ты сомневаешься в моих словах и считаешь, что я ослеплен надеждой увидеть тебя офицером, спроси у лекарки, она скажет тебе то же самое. Она в гостиной.

Кестрел посмотрела на закрытую дверь своей спальни и задалась вопросом, почему лекарка осталась снаружи.

— Я хочу спросить у тебя кое-что, — произнес генерал. — И предпочту, чтобы она не слышала.

Внезапно Кестрел показалось, что у нее было ранено не колено, а сердце. Что его пронзили кинжалом и теперь оно истекало кровью.

— Что за сделку ты заключила с Айреksom? — спросил ее отец.

— Что?

Он окинул ее невозмутимым взглядом.

— Для тебя дуэль продвигалась плохо. Затем Айрекс замешкался, и между вами, судя по всему, произошла интересная беседа. Когда дуэль возобновилась, Айрекса будто подменили. Он бы не проиграл тебе — по крайней мере таким образом; вероятно, ты сказала ему что-то, что заставило его.

Кестрел не знала, как ответить. Когда генерал задал свой вопрос, она почувствовала огромную признательность, что он не выведывает побудившие ее к дуэли причины, и пропустила некоторую часть его слов.

— Кестрел, я просто хочу убедиться, что Айрекс не получил над тобой какой-либо власти.

— Нет. — Она вздохнула, разочарованная, что отец разоблачил ее победу. — Наоборот, я имею власть над ним.

— Ага. Хорошо. Ты расскажешь мне, как добилась этого?

— Мне известна тайна.

— Очень хорошо. Нет, не говори мне, что это за тайна. Я не хочу знать.

Кестрел посмотрела в огонь. Она позволила пламени заморозить ее взгляд.

— Ты думаешь, для меня имеет значение, как ты победила? — тихо спросил генерал. — Ты победила. Как — не важно.

Кестрел подумала о Геранской войне. О страдании, на которое обрек эту страну ее отец. О том, как его действия сделали ее госпожой, а Арина — рабом.

— Ты действительно в это веришь?

— Да, — ответил он. — Верю.

Арин услышал, как скрипнула дверь в барак. Этот звук мгновенно заставил его подняться на ноги, потому что только один человек мог прийти сюда так поздно ночью. Затем он разобрал первый тяжелый шаг, и его руки отпустили металлические прутья. Это были не ее шаги. Они принадлежали человеку крупному. Грузному, медлительному. Скорее всего, мужчине.

К камере Арина приближался пульсирующий свет факела. Увидев, кто нес его, Арин отпрянул от решетки. Перед ним стоял оживший кошмар детства.

Генерал вставил факел в держатель. Он вперился взглядом в Арина, замечая его свежие синяки, его рост, черты лица. Лоб генерала нахмурился еще сильнее.

Мужчина был совсем не похож на дочь: сплошная гора массы и мускулов. Но в том, как генерал поднял подбородок, как в его глазах опасно блеснул острый ум, Арин узнал Кестрел.

— С ней все в порядке? — спросил Арин. Не получив ответа, он повторил фразу на валорианском. И, уже унизив себя вопросом, не задать которого он был не в силах, Арин добавил кое-что, что клялся никогда не произносить: — Господин.

— Она в порядке.

Арина охватило необычное ощущение, похожее на сон или внезапное отсутствие боли.

— Если бы я мог выбирать, я бы убил тебя, — сказал генерал, — но от этого разговоры только усилятся. Тебя продадут. Не сразу, потому что я не хочу, чтобы подумали, будто я реагирую на скандал. Но скоро. Некоторое время я проведу дома и буду следить за тобой. Если только ты приблизишься к моей дочери, я забуду про трезвый расчет. Я прикажу разорвать тебя на части. Ты понял?

Приходили письма. В первые дни после дуэли Кестрел хваталась за них с пылом, отчаянно желая отвлечься от заточения в постели и узнать, что думает о ней теперь общество. Должно быть, она заслужила уважение, победив лучшего в городе бойца?

Но по большей части письма приходили от Джесс и Ронана и были наполнены ложным весельем. А затем Кестрел получила записку.

Маленькую, сложенную пухлым квадратиком. С черной печатью. Начертанную женской рукой. Не подписанную.

«Думаешь, ты первая? — спрашивалось в ней. — Единственная валорианка, которая легла в постель с рабом? Дурочка!

Позволь мне объяснить тебе правила.

Не веди себя так открыто. Почему, как ты думаешь, общество позволяет сенатору вызвать к себе вечером красивую служанку? Или дочери генерала совершать длительные прогулки в экипаже со столь изысканной «свитой»?

Не потому, что тайные связи недопустимы. Все дело в том, что, притворяясь, будто они недопустимы, мы можем закрыть глаза на тот факт, что позволяем себе поступать со своими рабами так, как того пожелаем».

Кестрел почувствовала, как ее лицо вспыхнуло. Затем оно смялось, подобно листу бумаги в ее кулаке.

Она выбросит записку в огонь. Забудет о ней, забудет обо всем.

Но, как только она приподняла под одеялом правую ногу, ее колено протестующе закричало. Кестрел села на постели и посмотрела в огонь, а затем на свои босые ступни на полу. Она дрожала и сказала себе, что это из-за боли в ее перевязанном колене. Из-за того, что ноги не могут удержать ее вес, и она не в состоянии сделать что-нибудь столь простое, как встать с кровати и пройти по комнате.

Она разорвала записку, превратив в снегопад из клочков бумаги.

В первую ночь после дуэли Кестрел проснулась и обнаружила, что отца рядом нет. В кресле у постели спала рабыня. Кестрел заметила морщины под глазами женщины, неудобный изгиб ее шеи и то, как ее голова болталась туда-сюда, подобно голове человека, нуждающегося в сне. Однако Кестрел растолкала невольницу.

— Ты должна кое-что сделать, — сказала Кестрел.

Женщина моргнула с сонным видом.

— Иди и скажи стражникам, чтобы они выпустили Кузнеца. Он заперт в бараке. Он...

— Я знаю, — ответила женщина. — Его уже выпустили.

— Выпустили? Кто?

Рабыня отвела взгляд.

— Это было решение Ракса. Он сказал, что Вы можете пожаловаться ему, если не согласны.

Последние слова прозвучали ложью. В них не было смысла. Но женщина похлопала Кестрел по ладони и сказала:

— Я сама видела Кузнеца в помещениях для рабов. Он не слишком плохо выглядит. Не

беспокойтесь, миледи.

Лицо женщины, имя которой Кестрел забыла, преисполнилось таким сочувствием, что Кестрел приказала ей уйти.

Сейчас Кестрел вспомнила эту сцену. Она посмотрела на разорванное письмо и снова увидела его строчки — такие фальшивые, такие понимающие.

Они не понимали. Никто не понимал. Они ошибались.

Кестрел скользнула обратно под одеяла.

Несколько часов спустя она призвала к себе раба и приказала открыть окно. В комнату хлынул холодный воздух, и Кестрел дрожала до тех пор, пока не услышала отдаленный звон молота по наковальне. Арин должен был знать, что она не может прийти к нему. Почему не приходил сам?

Она могла заставить его. Если она отправит приказ, он подчинится.

Но ей не нужно было подчинение. Она хотела, чтобы он пришел увидеть ее по собственному желанию.

Кестрел вздрогнула от этой мысли и боли, которую та с собой принесла.

Она знала, даже если все верили в ложь о ней, эта ложь была слишком близка к правде.

*

— Тебе следовало позволить мне навестить тебя раньше, — сказала Джесс, щеки которой покраснелись от холодного воздуха снаружи. — После дуэли прошла уже неделя.

Кестрел откинулась на подушки. Она знала, что присутствие Джесс ранит ее, напомнит о жизни за пределами спальни.

— Ронану приходиться нельзя.

— Разумеется, нет! Я не позволю ему увидеть тебя, пока тебе не станет лучше. Ты выглядишь ужасно. Никто не захочет целовать калеку.

— Спасибо, Джесс. Я так рада, что ты пришла.

Джесс закатила глаза. Она начала говорить, но затем ее взгляд упал на прикроватный столик.

— Кестрел. Ты не читаешь свои письма.

Их набралась целая стопка, подобная гнезду свившихся змей.

— Что эти письма скажут мне? — спросила Кестрел. — Что моя репутация загублена, как никогда?

— Все можно исправить.

Кестрел знала, что скажет Джесс: Кестрел должна пойти на Зимний бал с Ронаном. Ронан не откажется. Он будет рад. Это прекратит некоторые слухи и начнет новые.

Это было своего рода решение.

Кестрел слабо улыбнулась. Она покачала головой.

— Ты — настоящий друг.

— А еще я умна. У меня есть идея. До бала осталось недолго и...

— Мне скучно все эти часы сидеть в постели. Почему бы тебе не помочь мне отвлечься, Джесс? Или еще лучше, почему бы мне не сделать что-нибудь для тебя? Я должна тебе.

Джесс отвела со лба Кестрел волосы.

— Нет, не должна.

— Ты не бросила меня в беде. Я благодарна. Как только мне станет лучше, я буду

носить то, что ты выберешь.

Джесс шутливо приложила ладонь ко лбу Кестрел.

— У тебя, наверное, жар.

— Я научу тебя играть в «Клык и Жало» так, что никто не сможет тебя победить.

Джесс рассмеялась.

— И не пытайся. Мне не нравятся игры.

— Я знаю. — Кестрел почувствовала, как ее улыбка спала. — Это одна из тех твоих черт, которыми я восхищаюсь.

Лицо Джесс приняло вопросительное выражение.

— Ты никогда не скрываешь, кем являешься, — сказала Кестрел.

— А ты думаешь, что сама скрываешь? Думаешь, я не понимаю, что, пусть ты и попросила меня отвлечь тебя, на самом деле ты сама меня отвлекаешь?

Кестрел поморщилась.

— У тебя бы это получилось лучше, — сказала Джесс, — если бы ты не была привязана к постели. И не ощущала бы себя несчастной.

Кестрел взяла подругу за руку.

— Я говорила серьезно.

— Тогда хватит играть в игры. На твои неприятности есть очевидный ответ.

Кестрел поняла, что на уме у Джесс было нечто большее, чем бал. Рука Кестрел упала.

Джесс вздохнула.

— Ладно. Мы не будем говорить о Ронане. Не будем говорить о замужестве. Не будем говорить о том, что, несмотря на то как ты любишь побеждать, сейчас ты ведешь себя так, будто решила проиграть.

*

Арин помешал огонь в очаге кузни. Не ради тепла, а ради цвета. Он жаждал его в холодные месяцы. В детстве он был болезненным ребенком, и это время года больше всего напоминало ему о доме, об ощущении запертости в четырех стенах, о том, как он и не подозревал, что однажды ему будут сниться те разрисованные стены, шторы цвета индиго и синева платья матери.

Холод снаружи, цвета внутри. Когда-то было так.

Арин наблюдал, как пламя встрепенулось алым. Затем он вышел на улицу и оглядел территорию, замечая через голые деревья, что рядом никого не было. Он сможет украсть несколько минут.

Вернувшись в кузню, он прислонился к наковальне и одной рукой достал книгу из укромного места за ящиком с материалом для растопки, а в другую руку взял молот, чтобы, в случае чего, быстрее притвориться, будто он работает.

Он начал читать. Это была книга, которую он видел у Кестрел — книга об истории Валорианской империи. Он взял ее из библиотеки несколько недель назад, когда Кестрел вернула ее.

Что она скажет, если увидит его читающим книгу о его враге, на языке врага? Что она сделает?

Арин знал: она смерит его взглядом, и он почувствует изменение ее отношения. Ее мнение о нем изменится, подобно тому, как день сменялся ночью, как наступала и отступала

тьма. Плавно. Почти незаметно. Она увидит его в другом свете, хоть он и не знал, в каком. Он не сможет понять, что это значит. Это происходило снова и снова с того времени, как он появился здесь.

Иногда он жалел об этом.

И все же. Кестрел не увидит его в кузне, не узнает, что он читает, потому что не может покинуть своих покоев. Она не может даже ходить.

Арин захлопнул книгу и сжал ее негнувшимися пальцами.

«Я прикажу разорвать тебя на части», — сказал генерал.

Но не поэтому Арин держался в стороне от нее. На самом деле — не поэтому.

Он заставил себя отбросить эти мысли и вернул книгу на прежнее место. Арин занялся тихой работой, разогревая в тигеле железо и уголь, чтобы выплавить сталь.

Через некоторое время Арин осознал, что напевает мрачную мелодию. На этот раз он не стал себя останавливать. Тяга к музыке была слишком велика, желание отвлечься слишком сильно. Затем он понял, что песня, запертая за его сжатыми зубами, — это та мелодия, которую Кестрел играла для него несколько месяцев назад. Он почувствовал во рту ее низкое и живое звучание.

На мгновение он представил, что его губ касается не музыка, а Кестрел.

Эта мысль остановила и его дыхание, и песню.

Когда никто не видел, Кестрел тренировалась ходить по своим апартаментам. Часто ей приходилось опираться рукой о стену, но она могла дойти до самых окон.

Ни разу она не увидела того, что хотела, и не могла не задуматься, было ли это совпадением или Арин избегал ее так старательно, что намеренно выбирал те тропы через поместье, которые оставались невидимыми из ее покоев.

Она не могла справиться с лестницей, и это означало, что путешествие в музыкальную комнату на первом этаже оставалось невозможным, если, конечно, она не согласится, чтобы ее понесли. Этого Кестрел делать не собиралась. Однако часто она ловила себя на том, что выбивает пальцами на мебели или на собственных ногах воображаемые мелодии. Отсутствие музыки стало постоянной ноющей болью внутри нее. Она гадала, как Арин, если он действительно был певцом, мог не петь.

Она думала о длинных лестничных пролетах и заставляла свои мышцы работать.

Отец застал ее в гостиной, где она стояла, держась за резную спинку стула.

— А вот и моя девочка, — сказал генерал. — Уже на ногах. С таким рвением ты мгновенно станешь военным офицером.

Кестрел села и бросила отцу небольшую ироническую улыбку.

Он ответил тем же.

— Я хотел сказать, что рад твоим успехам и что, к сожалению, не смогу пойти на Зимний бал.

Хорошо, что Кестрел уже сидела.

— Почему тебе вдруг могло захотеться пойти на бал?

— Я подумал, что буду сопровождать тебя.

Кестрел уставилась на него во все глаза.

— Я осознал, что никогда не танцевал со своей дочерью, — объяснил генерал. — И это было бы мудрым ходом.

Мудрым ходом.

Демонстрацией силы. Напоминанием об уважении, причитавшемся генеральской семье. Кестрел тихо сказала:

— Ты слышал, о чем разговаривают в обществе.

Генерал поднял руку, повернув ее открытой ладонью к Кестрел.

— Отец...

— Не надо.

— Это неправда. Я...

— Мы не станем это обсуждать. — Он приподнял руку к глазам, а затем позволил ей упасть. — Кестрел, я здесь не для этого. Я здесь, чтобы сообщить тебе, что уезжаю. Император отсылает меня на восток воевать против варваров.

На памяти Кестрел это был не первый раз, когда ее отец отправлялся на войну, но страх, который она ощущала, оставался неизменно острым.

— Надолго?

— На столько, на сколько потребуется. Я уезжаю со своим полком утром в день бала.

— С целым полком?

Он уловил тон ее голоса и вздохнул.

— Да.

— Значит, в городе и окрестностях не останется солдат. Если возникнут неприятности...

— Городская стража остается на месте. Император полагает, что она может справиться с любыми неприятностями, по крайней мере до тех пор, пока из столицы не придут пополнения.

— Тогда император — глупец. Капитан городской стражи к подобному не готов. Ты сам говорил, что новый капитан нерадив и получил должность только потому, что выслужился перед губернатором...

— Кестрел, — решительно произнес генерал. — Я уже высказал свои сомнения императору. Однако он отдал мне приказ. Мой долг — подчиниться.

Кестрел уставилась на свои переплетенные пальцы. Она не стала желать отцу благополучного возвращения, и он не стал отвечать, что возвращался всегда. Она сказала то, что следовало сказать валорианке:

— Сражайся с честью.

— Обещаю.

Он был на полпути к двери, когда оглянулся и сказал:

— Я верю, что в мое отсутствие ты будешь поступать правильно.

Что означало, что он в это совершенно не верил.

*

Позже в тот же день Лира принесла Кестрел обед. Рабыня не глядела на свою госпожу. Она торопливо трясущимися руками опустила поднос на низкий столик возле дивана, где отдыхала Кестрел, и разлила немного чая.

— Нет необходимости спешить, — произнесла Кестрел.

Руки девушки начали двигаться увереннее, но ее дыхание стало неровным и хриплым. По ее щеке скатилась слеза.

Внезапно Кестрел поняла, почему Лира торопится: рабыне было невыносимо оставаться дольше необходимого в одной комнате со своей госпожой.

Госпожой, которая, как все говорили, взяла в любовники того, к кому испытывала чувства Лира.

Кестрел следовало бы ощутить жалость. Желание объяснить, что слухи, в которые верила Лира — в которые, должно быть, верил весь город, — не были правдой. Однако Кестрел не могла оторвать взгляда от красоты девушки, от того, как слезы сделали ее зеленые глаза еще зеленее. Она гадала, какой должна быть любимая Арина, раз Лира не могла заставить его изменить свой выбор.

Пока Кестрел пыталась представить себе девушку с рынка — девушку Арина, — в ее сознании медленно сформировалась догадка.

Поэтому Арин избегает ее? Потому что скандал достиг ушей его любимой?

К горлу Кестрел поднялась волна ярости.

Она ненавидела ее. Ненавидела эту безликую безымянную девушку.

— Принеси мне зонтик, — сказала Кестрел Лире, — и оставь меня!

*

Зонт был не самой лучшей тростью. Его конец застревал в твердой голой земле, а сложенные спицы скрипели, пока Кестрел хромала через территорию имения. Однако она смогла добраться туда, куда направлялась.

Она встретила Арина в пустой апельсиновой роще. Через его плечо была перекинута лошадиная сбруя, которая звякнула, когда Арин остановился и уставился на Кестрел. Его плечи были напряжены. Подойдя ближе, Кестрел увидела, что его челюсти сжаты и на нем не осталось ни следа побоев, оставленных стражниками. Ни одного синяка. Разумеется, их и не могло быть, потому что прошел уже почти месяц.

— Я повела себя бесчестно по отношению к тебе? — спросила Кестрел.

По его лицу пронеслось что-то странное.

— Бесчестно? — повторил Арин. Он поднял взгляд к голым ветвям, будто почти ожидал увидеть там плоды, как если бы стояло лето.

— Книга. Надпись, которую я прочитала. Дуэль. То, как я обманула тебя. Отданный мною приказ посадить тебя под замок. Я повела себя бесчестно?

Он скрестил руки на груди и покачал головой, ни на мгновение не отрывая глаз от деревьев.

— Нет. Бог долгов знает, что я обязан тебе.

— Тогда в чем дело? — Кестрел так сильно пыталась сдержаться и не спросить о слухах или девушке на рынке, что сказала что-то еще хуже: — Почему ты не смотришь на меня?

— Мне нельзя с тобой даже говорить, — пробормотал Арин.

Кестрел осознала, почему ей никогда не казалось правдоподобным, что это Ракс выпустил Арина.

— Мой отец, — произнесла она. — Арин, тебе не нужно о нем беспокоиться. Утром в день Зимнего бала он уезжает. Весь полк отправляют на восток воевать с варварами.

— Что?

Он резко поднял на нее внимательный взгляд.

— Все может быть как раньше.

— Я так не думаю.

— Но... ты мой друг. — Выражение его лица изменилось, однако Кестрел все равно не могла его прочесть. — Просто скажи мне, что не так, Арин. Скажи мне правду.

Когда он заговорил, его голос звучал хрипло:

— Я твоя собственность. Как ты можешь верить, что я скажу правду? Зачем мне ее говорить?

Зонтик дрожал в руках Кестрел. Она открыла рот, но осознала, что если заговорит, то не сможет контролировать свои слова.

— Я скажу тебе кое-что, что, будь уверена, является правдой. — Арин встретил ее взгляд. — Мы не друзья.

Кестрел сглотнула.

— Ты прав, — прошептала она. — Не друзья.

*

Арин едва не получил ножом по горлу.

— Тебя хранит бог жизни, — ахнул Плут. Он отпрянул, и в тених его небольшой

спальной комнаты блеснул клинок. — Что, черт побери, ты здесь делаешь? Вламываешься в мой дом ночью, как вор. Влезаешь через окно. Тебе повезло, что я вовремя увидел твое лицо.

— Я должен тебе кое-что сообщить.

— Начни с того, почему не мог прийти в дом торгов в приличное время. Я думал, у тебя свободный выход. Как насчет того, чтобы взять у девчонки кольцо с печаткой?

— Оно недоступно.

Плут прищурился, глядя на Арина и постукивая своим коротким клинком по бедру. Бледное сияние уличного фонаря осветило медленную улыбку, которая появилась на его лице.

— Поссорился со своей леди, а? Любовные споры?

Арин почувствовал, как его лицо помрачнело и напряглось.

— Спокойно, парень. Просто скажи мне: слухи — правда?

— Нет.

— Хорошо. — Плут примирительно поднял руки, держа нож свободно. — Раз ты говоришь, что это ложь, значит, так и есть.

— Плут. Я нарушил правило вечернего звона, перебрался через стену поместья генерала и пробрался через охраняемый город, чтобы поговорить с тобой. Не думаешь, что нам нужно обсудить более важные вещи, чем валорианские сплетни?

Плут приподнял бровь.

— Генерал уезжает сражаться на восток. Он забирает весь полк. Утром перед Зимним балом. Это возможность, которую мы ждали.

Плут уронил свой нож на стол. Он выдохнул и рассмеялся.

— Это прекрасно, — произнес он. — Отлично.

Перед мысленным взором Арина возникло утонченное лицо Кестрел. Он увидел ее перевязанное колено. Как побелели костяшки ее пальцев. Услышал, как надломился ее голос.

— Революция произойдет в ночь бала, — сказал Плут. — Бочки с черным порохом будут на месте. Я поведу атаку на поместье генерала. Он оставит дома свою личную стражу, поэтому нам стоит ожидать сопротивление. Но с помощью твоего оружия мы сможем с ними справиться, и захват имения станет важной победой. Тем временем, валорианское высшее общество отведает на балу вина с ядовитым гостинцем. Арин, — нахмурился Плут. — не смотри на меня так. Даже ты не сможешь найти в этом плане недочет. Все пройдет отлично. Город станет нашим. — Плут положил руку на плечо Арина и сжал пальцы. — Свобода будет нашей.

Эти слова разрезали узлы, затянувшиеся внутри Арина. Он медленно кивнул и повернулся к окну.

— Что ты делаешь? — спросил Плут. — Ты подверг себя достаточному риску, чтобы прийти сюда, и точно также будешь рисковать, чтобы вернуться в имение. Я могу спрятать тебя до атаки.

«Почему ты не смотришь на меня?» — спрашивала Кестрел. Боль в ее голосе ранила его. Заставила вспомнить, как отец подарил ему на восьмые именины лошадку из дутого стекла. Арин помнил ее сужавшиеся книзу ноги, изогнутую шею — это был предмет чистоты, подобной звездам. Арин замешкался, и лошадка разбилась о плиточный пол.

— Нет, — сказал Арин Плуту. — Я возвращаюсь. Когда это произойдет, я должен быть там.

По крайней мере, прогулка по апельсиновой роще помогла колену Кестрел. Оно стало легче сгибаться, и каждый день Кестрел заставляла себя ходить все больше. Скоро она почти избавилась от хромоты, а затем и вовсе перестала хромать. Она снова обратилась к музыке и позволила своим пальцам порхать, позволила неистовым нотам заполнять ее сознание настолько, что утрачивала способность мыслить. Было блаженством не думать ни о чем, не вспоминать холодную апельсиновую рощу и то, что она сказала и сделала, о чем просила и чего хотела.

Кестрел играла. Она забывала обо всем, кроме обволакивающей окружающей мир музыки.

*

За день до Зимнего бала экономка-валорианка доставила Кестрел посылку, завернутую в муслин.

— От портнихи, — сказала женщина.

Кестрел взяла сверток и почти увидела сквозь тонкую материю блеск ткани платья.

Она отложила его в сторону.

Вечером раб принес ей записку от отца: «К нам прибыл кое-кто, и он желает тебя видеть».

Возможно, Ронан. Эта мысль не обрадовала Кестрел, а лишь пришла и ушла и не затронула девушку до тех пор, пока она не осознала, что это неправильно.

С Кестрел было что-то не так. Ей следовало бы радоваться возможности увидеть друга. Следовало бы надеяться, что Ронан для нее больше, чем просто друг.

«Мы не друзья», — сказал Арин.

Но она не будет думать об Арине.

К ужину она одевалась старательно.

*

Мужской голос, раздававшийся из обеденной залы, показался Кестрел знакомым, но она не смогла сразу определить, кому он принадлежал.

— Спасибо, что не реквизировали мой корабль, — говорил мужчина. — Я бы потерял немалую сумму дохода — а возможно, и сам корабль, — если бы империя позаимствовала его для военных целей.

— Не благодарите меня, — ответил отец Кестрел. — Если бы он был мне нужен, я бы забрал его.

— Недостаточно велик для Вас, Траян? — задорно спросил голос. Кестрел, стоявшая у дверей, внезапно поняла, кто это был. Она вспомнила, как была маленькой девочкой, вспомнила седовласого мужчину, который улыбался так непринужденно и привозил ей из далеких земель нотные тетради.

— Напротив, капитан Венсан, — сказала она, войдя в комнату. Оба мужчины поднялись со своих мест. — Я полагаю, что мой отец не забрал Ваше судно для военных целей, потому

что оно вооружено пушками и является одним из лучших судов. Отец отбывает завтра и не хочет оставлять гавань безоружной на время своего отсутствия.

— Кестрел. — Капитан не поздоровался с ней за руку, а на мгновение положил ладонь на ее голову, как мог бы сделать с любимым дитя. Кестрел не почувствовала ни малейшего разочарования по поводу того, что именно он, а не Ронан, был сегодня их гостем. — Ты переоцениваешь меня, — сказал Венсан. — Я — простой торговец.

— Может быть, — ответила Кестрел, и все трое опустились на свои места за столом: генерал во главе, Кестрел справа от него, а капитан слева. — Но я сомневаюсь, что два ряда десятифунтовых орудий присутствуют на Вашем корабле для украшения.

— Я перевожу дорогие товары. Благодаря пушкам пираты обходят мой корабль стороной.

— Ваша команда тоже играет в этом не последнюю роль. Она у многих на слуху.

— Отличные бойцы, — согласился генерал, — хотя и не обладают особенно хорошей памятью.

Капитан бросил на него острый взгляд.

— Быть не может, чтобы Вы слышали об этом.

— О том, что Ваша команда не может запомнить кодовое слово для спасения своих жизней?

Упомянутый код был паролем, который требовали моряки с борта от сослуживцев в шлюпках внизу, когда было слишком темно, чтобы увидеть, кто приплыл с берега.

— Перед тем как решить, который корабль взять в битву, я инспектирую каждое судно и каждую команду, — объяснил генерал. — Я предпочитаю делать это тщательно.

Он рассматривал свою тарелку, которая была пуста в ожидании первой смены блюд. Генерал прикоснулся к белой кайме и передвинул тарелку, изучая изображение птицы в центре. В этом жесте было что-то намеренное.

Венсан взглянул на тарелку генерала, затем на свою и на тарелку перед Кестрел, а также на три другие, которые стояли на столе в честь погибших членов семьи.

— Определенно, — произнес он и добавил без нужды: — Не могу с Вами поспорить.

Мужчины передали друг другу некое сообщение. Кестрел взглядела в фарфор, который ее отец, должно быть, выбрал для сегодняшней встречи не просто так. На вилле имелось бесчисленное количество сервизов с различными орнаментами. Стоявшие на столе блюда были созданы по валорианскому дизайну и демонстрировали изображения хищных птиц: сокола, коршуна, ястреба, совы, скопы и пустельги. Они являлись отсылкой к походной песне, которую учили валорианские дети.

— Вы используете в качестве пароля на своем корабле птиц из... «Песни о перьях смерти»? — спросила Кестрел капитана.

Венсан выказал лишь мимолетное изумление, а генерал и вовсе остался бесстрастен. Кестрел всегда удавалось быстро разгадывать секреты.

Венсан с печальным видом произнес:

— Это единственное, что моя команда, судя по всему, в состоянии не перепутать. Ты же понимаешь, пароль меняется каждую ночь. Порядок имен птиц в песне легко запомнить.

Генерал позвонил, чтобы рабы принесли блюда. Венсан начал рассказывать о своих путешествиях, и Кестрел подумала, что, возможно, ради этого ее отец и пригласил капитана: чтобы приободрить ее. Затем она внимательнее посмотрела на тарелку гостя и поняла, что ошиблась со своей догадкой.

На его тарелке была изображена пустельга.

Очевидно, генерал не реквизирует корабль вовсе не потому, что капитан был его старым другом, и не потому, что орудия могли защитить гавань в случае необходимости. Это была сделка. Услуга, которая требовала отплаты.

— Я согласен, — сказал капитан Венсан, глядя в свою тарелку.

Он согласился присматривать за Кестрел, пока ее отец будет воевать.

Кестрел осознала, что сидит неподвижно. Ее глаза поднялись на отца, который сказал:

— Капитан будет присутствовать на Зимнем балу.

Рабы принесли еду и стали прислуживать за столом. Кестрел поглядела на три пустые тарелки: две стояли для брата и сестры ее отца, которые погибли в сражении, а третья, с соевой, для матери Кестрел. Девушка задалась вопросом, насколько все изменилось бы, если бы ее мать была жива. Может быть, Кестрел и генерал не общались бы шифрами и не вырабатывали бы стратегию друг против друга или друг для друга. Может быть, Кестрел могла бы говорить откровенно.

Что бы она сказала? Что понимает: капитан должен будет не просто присматривать за ней, но и позаботиться, чтобы она не совершила ошибку, не согрешила против общества и своей семьи?

Она могла бы сказать, что не может винить отца за нехватку доверия, когда сама больше себе не верит.

Она могла бы сказать, что видит любовь отца и его беспокойство.

— Я рада за капитана Венсана, — с улыбкой сказала она, взяв в руки нож и вилку. — Уверена, он насладится празднеством. Сама же я на бал не пойду.

*

На рассвете Кестрел взяла экипаж и отправилась в нем через город в гавань. Ее отец сказал, что не хочет, чтобы она его провожала, поэтому в серые часы, когда корабли готовились отплывать, ее у моря не было. Сейчас же Кестрел стояла под светом холодного солнца на почти пустом пирсе. Поднялся ветер, и соленый воздух ножами пронзил ее плащ.

Она смотрела, как двести кораблей вдалеке выходят в открытые воды. Лишь шесть торговых судов, включая судно капитана Венсана, остались в порту покачиваться на якоре. К берегу жались несколько рыбацких лодок, слишком маленьких, чтобы принести армии пользу. Кестрел лениво сосчитала их.

Она гадала, стоял ли генерал на палубе одного из военных кораблей и мог ли видеть ее.

Флот отдалялся, своим движением напоминая танец, в котором танцоры не прикасались друг к другу.

«Счастье зависит от свободы, — часто говорил генерал, — а свобода зависит от мужества».

Кестрел подумала о завернутом в муслин бальном платье.

Почему она не желает пойти на бал? Чего ей бояться?

Взглядов?

Пусть смотрят. Она не была беззащитной и не нуждалась в попечении отца или капитана.

Кестрел была ранена, но к настоящему времени уже оправилась.

Материя была почти невесомой. Платье прохладой лежало на ее коже, ниспадая золотыми складками, бледными, как зимнее солнце. Оно оставляло руки Кестрел обнаженными, а вырез открывал ключицы.

Платье было легко надеть — рабыне пришлось только застегнуть несколько крошечных жемчужных пуговиц на спине, — и Кестрел привыкла сама закреплять на талии ремень с инкрустированным драгоценностями кинжалом. Однако, оставшись наедине с собой, она поняла, что с волосами будет не так просто, хоть она и не собиралась звать Лиру, человека, который мог бы помочь лучше других.

Она сидела перед туалетным столиком, с опаской глядя на свое отражение. Ее волосы, цветом на несколько тонов темнее платья, были распущены и рассыпались по плечам. Кестрел взяла прядь и начала плести.

— Я слышал, ты идешь сегодня на бал.

Кестрел взглянула в зеркало и увидела, что за ее спиной стоит Арин. Затем она сосредоточилась на своих собственных затененных глазах.

— Тебе не позволено здесь находиться, — сказала Кестрел. Она больше не смотрела на Арину, но чувствовала его ожидание. Она осознала, что и сама ждет — ждет мужества, чтобы заставить его уйти.

Она вздохнула и продолжила плести.

Арин сказал:

— Посетить бал — не самая лучшая идея.

— Ты едва ли находишься в том положении, чтобы давать мне советы насчет того, что мне следует и что не следует делать. — Кестрел снова посмотрела на его отражение. Вид лица Арин натянул ее и так напряженные нервы. Коса выскользнула из ее пальцев и расплелась. — Что? — огрызнулась она. — Тебя это смешит?

Уголок его губ приподнялся, и Арин снова стал собой — человеком, которого она знала с конца лета.

— «Смешит» — неподходящее слово.

Тяжелые локоны упали на ее лицо.

— Обычно Лира делает мне прически, — пробормотала Кестрел. Она услышала, как Арин набрал воздуха, будто собирался заговорить, но промолчал.

Затем он тихо произнес:

— Я могу помочь.

— Что?

— Я могу заплести тебе волосы.

— Ты?

— Да.

Сердце Кестрел стучало где-то в горле. Она открыла рот, но не успела ничего сказать, как Арин пересек комнату и взял в руки ее волосы. Его пальцы начали двигаться.

Ей казалось странным, что в комнате так тихо. Казалось, что, когда кончик его пальца скользнул по ее шее, должен был раздаться какой-то звук. Или когда он натянул локон и заколол его. Когда позволил тонкой, как лента, косе упасть вперед и повиснуть у ее щеки. Каждое его движение звучало, подобно музыке, и Кестрел не могла поверить, что не слышит низких и высоких нот. Она медленно выдохнула.

Его руки замерли.

— Я сделал тебе больно?

— Нет.

Шпильки быстро исчезали с туалетного столика. Кестрел наблюдала, как небольшие косы терялись среди больших, как прятались под ними и снова появлялись, следуя все более затейливому узору. Она почувствовала легкое натяжение. Виток. Дуновение воздуха.

Хоть Арин касался не ее самой, а неживой ее части, ей казалось, будто на нее накинули тонкую сеть, которая заволакивала ее зрение и блестела на коже.

— Готово, — сказал Арин.

Кестрел смотрела, как ее отражение подняло к волосам руку. Она не знала, что сказать. Арин отступил назад, засунув руки в карманы. Но он встретился с ней взглядом в зеркале, и его лицо смягчилось, как в тот момент, когда она играла для него на рояле. Кестрел произнесла:

— Как..?

Он улыбнулся:

— Как кузнец приобрел такой неожиданный навык?

— Ох, да.

— Когда я был маленьким, моя старшая сестра заставляла меня это делать.

Кестрел чуть не спросила, где его сестра была сейчас, но представила себе худшее. Она увидела, что Арин наблюдает за ее отражением, и поняла по выражению его лица, что ее догадка верна. Однако его улыбка не исчезла.

— Разумеется, мне это было ненавистно, — сказал он. — То, как она помыкала мной. То, как я позволял ей. Но сейчас... это приятное воспоминание.

Кестрел поднялась и повернулась к Арину. Между ними стоял стул, и она не была уверена, рада ли этой преграде или нет.

— Кестрел, если тебе нужно отправиться на бал, возьми меня с собой.

— Я не понимаю тебя, — с досадой ответила Кестрел. — Я не понимаю, что ты говоришь, как меняешься, как сначала ведешь себя одним образом, а потом приходишь сюда и ведешь себя по-другому.

— Я и сам не всегда понимаю себя. Но я знаю, что сегодня хочу пойти с тобой.

Кестрел позволила его словам эхом отдаться в ее сознании. В его голосе прозвучала мягкая сила. Неосознанная мелодия. Кестрел гадала: знал ли Арин, что каждым простым и обычным словом выказывал себя певцом? Он хотел пленить ее?

— Если ты считаешь, что с моей стороны глупо идти на Зимний бал, — сказала она, — то можешь быть уверенным, что намного хуже будет, если я возьму тебя с собой.

Он дернул плечом.

— Или это может смело дать всем знать то, что известно нам обоим: тебе нечего скрывать.

*

Нерил, жена губернатора, замялась лишь на краткое мгновение, когда увидела Кестрел среди выстроившихся в очередь гостей бала. Но губернатор высоко ставил генерала Траяна и, более того, полагался на него. Это делало мужчин союзниками, что означало следующее: Нерил придется вести себя с дочерью генерала учтиво. Кестрел это понимала.

— Моя дорогая! — воскликнула Нерил. — Выглядите великолепно.

Однако ее глаза на Кестрел не остановились. Они метнулись за плечо девушки туда, где стоял Арин.

— Благодарю Вас, — ответила Кестрел.

Улыбка Нерил была натянутой. Женщина не отрывала взгляда от лица Арина.

— Леди Кестрел, я могу попросить Вас об услуге? Видите ли, половина моих рабов сегодня заболела.

— Так много?

— Разумеется, они притворяются. Но, если выбить из них ложь, от этого у меня сейчас не станет больше рабочих рук. Высеченный раб едва ли сможет прислуживать моим гостям, по крайней мере, не с необходимой ловкостью и умением.

Кестрел не понравилось, к чему это шло.

— Леди Нерил...

— Могу я на сегодняшний вечер позаимствовать Вашего раба?

Кестрел почувствовала напряжение Арина также ясно, как если бы он стоял не позади нее, вне поля ее зрения, а рядом, и касался плечом ее плеча.

— Он может мне понадобиться.

— Понадобиться? — Нерил стала говорить тише: — Кестрел, я оказываю Вам услугу. Отправьте его на кухни сейчас, перед тем как бал начнется по-настоящему и его заметят больше человек. Не думаю, что он будет возражать.

Кестрел наблюдала за Арином, пока разыгрывала спектакль перевода слов Нерил с валорианского. Она подумала, что он, несомненно, станет возражать. Однако, когда он заговорил, в его голосе прозвучало почтение. Он говорил по-валориански, будто больше не беспокоился, кому было известно, насколько хорошо он знает язык империи.

— Миледи, — сказал он Нерил. — Я не знаю, как пройти на Ваши кухни, и легко потеряюсь в столь большом доме. Один из Ваших рабов мог бы провести меня, но, как я вижу, они все заняты...

— Да, отлично. — Нерил нетерпеливо махнула рукой. — Я отправлю за тобой раба. Скоро, — добавила она, адресуя последнее слово Кестрел. Затем она обратила свое внимание на следующего гостя.

Дом губернатора был построен после завоевания, поэтому приемная зала вела в зал щитов, где на стенах висели щиты с рельефными изображениями. Гости вели беседы и пили.

Домашний раб подал Кестрел бокал с вином. Она подняла напиток к губам.

Бокал вылетел из ее руки. Он разбился у ее ног, и вино едва не залило ее туфли. Люди прервали свои разговоры и обернулись к Кестрел.

— Прошу прощения, — пробормотал Арин. — Я споткнулся.

Кестрел почувствовала пламя, с которым все посмотрели на нее. На него. На нее, стоявшую рядом с ним. Она увидела на пороге между приемной залой и залом щитов Нерил, которая обернулась, чтобы оглядеть разыгравшуюся сцену. Женщина закатила глаза. Она схватила за локоть одного из своих рабов и толкнула его в сторону Кестрел и Арина.

— Кестрел, не пей сегодня вина, — сказал Арин.

— Что? Почему?

Раб Нерил был уже близко.

— Тебе следует сохранить ясность сознания, — произнес Арин.

— Я мыслю совершенно ясно, — прошипела она ему, стараясь, чтобы не услышала

бормотавшая толпа. — Что с тобой происходит, Арин? Ты выказываешь желание сопровождать меня на праздник, на который, по твоему мнению, мне вообще не стоило идти. В экипаже ты всю дорогу молчишь, а сейчас...

— Просто пообещай мне, что не будешь пить.

— Хорошо, не буду, раз для тебя это так важно. — Неужели в этом моменте, как на званом ужине у Айрекса, скрывалась какая-то трагедия прошлого Арина, которую Кестрел не видела? — Но что..?

— Арин. — Это был раб Нерил. Мужчина казался удивленным тем, что увидел Арина, но также и обрадованным. — Ты должен следовать за мной.

Когда Арин вошел на кухни, геранцы замолчали. Он увидел, как изменились их лица, и оттого, как на него смотрели, ему показалось, будто по его коже размазали что-то липкое.

На него смотрели так, будто он был героем.

Он проигнорировал всех и протолкался мимо лакеев и служанок к повару, который поджаривал на вертеле над огнем поросенка. Арин развернул мужчину к себе.

— Которое вино? — требовательно спросил он. Как только яд подадут, ни один валорианец в этом доме не сможет избежать кары.

— Арин, — улыбнулся повар. — Я думал, предполагалось, что ты сегодня останешься в имении генерала.

— Которое вино?

Повар моргнул, уловив наконец серьезность в голосе Арина.

— Охлажденное яблочное, очень сладкое; настолько сладкое, что яд будет незаметен.

— Когда?

— Когда его вынесут? Сразу после третьего танца.

Бальная зала звенела смехом и громкими голосами. Через порог в холл, где стояла Кестрел, выкатывались волны жара.

Она крепко сплела пальцы от волнения.

Ее волнение было очевидным.

Никто не должен знать, что она чувствует.

Кестрел разняла руки и сделала шаг в бальную залу.

Внезапно все обратилось в молчание. Если бы окна были открыты и через них врвался ветер, Кестрел бы слышала, как звенят подвески канделябров.

Лица охладели. По одному они стали отворачиваться.

Кестрел оглядывала залу в поисках друзей и сумела перевести дух только тогда, когда увидела Беникса. Она улыбнулась и направилась к нему.

Он увидел ее. Она заметила это. Но его глаза не смотрели на нее. Будто она была прозрачной. Как лед, или стекло, или что-то настолько же хрупкое.

Она остановилась.

Беникс отвернулся и отошел к другому концу помещения.

Начали раздаваться шепотки. Айрекс, который стоял в отдалении, но недостаточно далеко, рассмеялся и сказал что-то на ухо леди Фарис. Щеки Кестрел зарделись от стыда, но она не могла отступить.

Сначала она увидела улыбку, а затем лицо: взмахнув рукой вверх голов, ей на помощь пришел капитан Венсан. Он пригласит ее на первый танец, и ее выход будет спасен, хотя бы пока, пусть репутация ее и уничтожена. И она скажет «да», потому что у нее нет другого выхода, кроме как принять жалость капитана.

Жалость. Эта мысль согнала краску с ее лица.

Она осмотрела толпу. Перед тем, как капитан смог приблизиться к ней, она подошла к стоявшему в одиночестве сенатору. Сенатор Каран был вдвое старше Кестрел. Он обладал редкими волосами и худым лицом. Его репутация была безупречной, однако, как правило, он вел себя слишком несмело, чтобы выделиться в обществе.

— Пригласите меня на танец, — тихо сказала Кестрел.

— Прошу прощения?

По крайней мере, он с ней говорил.

— Пригласите меня на танец, — повторила Кестрел, — иначе я всем расскажу то, что знаю о Вас.

Его широко раскрытый рот захлопнулся.

Кестрел не знала ни одного секрета Карана. Возможно, у него их и не было. Однако она рассчитывала на то, что он не станет рисковать.

Он пригласил ее на танец.

Очевидно, он не был лучшим выбором. Но Ронан еще не прибыл, а Беникс по-прежнему не встречался с ней взглядом. Либо после дуэли он изменил свое мнение о ней, либо в отсутствие Ронана и Джесс мужество покинуло его. Или же, возможно, он просто не хотел больше расставаться со своей репутацией ради Кестрел.

Начался танец. За все его время Каран не проронил ни слова.

Когда инструменты замедлили свое звучание и замолчали последней нотой лютни,

Кестрел отстранилась. Каран неуклюже поклонился ей и отошел.

— Что же, это не показалось мне особенно веселым, — сказал голос за спиной Кестрел. Девушка обернулась, и ее окатило радостью.

Это был Ронан.

— Мне стыдно, — произнес он. — Ужасно стыдно, что я так опоздал и тебе пришлось танцевать с настолько скучным партнером, как Каран. Как это произошло?

— Шантаж.

— Ох. — В глазах Ронана появилось беспокойство. — Значит, все идет не самым лучшим образом.

— Кестрел! — Пробравшись через толпу людей, к ним подошла Джесс. — Мы не думали, что ты придешь. Почему ты не сказала? Если бы мы знали, то прибыли бы сюда без опоздания. — Джесс взяла Кестрел за руку и оттянула подругу к краю танцевальной площадки. Ронан последовал за ними, а за их спинами начался второй танец. — А так, — продолжила Джесс, — мы едва выехали. Ронан был таким медлительным и говорил, что не видит смысла идти сюда, раз тебя не будет.

— Дорогая сестра, — произнес Ронан, — надеюсь, теперь моя очередь рассказывать твои секреты?

— Глупый. У меня нет секретов. Как и у тебя, когда дело касается Кестрел. Ну? — Джесс перевела триумфальный взгляд с одной на другого. — Разве у тебя есть секреты, Ронан?

Молодой человек сжал пальцами переносицу, и его брови соединились, придав лицу болезненный вид.

— Больше нет.

— Ты отлично выглядишь, Кестрел, — сказала Джесс. — Ведь я была права насчет платья? И цвет будет отлично сочетаться с охлажденным яблочным вином.

Кестрел чувствовала легкое головокружение, но не была уверена, из-за чего: либо от облегчения при виде друзей, либо от вынужденного признания Ронана. Она улыбнулась:

— Ты выбрала материю для платья так, чтобы она сочеталась с вином?

— Не просто с вином. Леди Нерил им очень гордится. Несколько месяцев назад она рассказала мне, что планирует заказать из столицы несколько бочек для бала, и я подумала: слишком просто подбирать платье к драгоценностям, кинжалу или туфлям. Ведь бокал вина в руке тоже напоминает драгоценный камень, только жидкий, верно?

— Тогда мне стоит взять этот бокал. Чтобы завершить ансамбль.

Кестрел вовсе не забыла о своем обещании Арину, а скорее отбросила его, как и остальные мысли об Арине.

— О да, — ответила Джесс. — Бери, конечно. Ты согласен, Ронан?

— Не знаю. Меня беспокоит только то, о чем сейчас может думать Кестрел и будет ли она танцевать со мной. Если я не ошибаюсь, перед тем как вынесут это легендарное вино, нас ждет еще один танец.

Радость Кестрел спала.

— Я бы с удовольствием, но... ваши родители не будут возражать?

Ронан и Джесс переглянулись.

— Их здесь нет, — сказал Ронан. — Они отправились на зиму в столицу.

Это означало, что, будь они здесь, то возразили бы непременно — как и любые другие родители, если вспомнить о скандале.

Ронан понял мысли Кестрел по ее лицу.

— Неважно, что они думают. Потанцуй со мной.

Он взял ее за руку, и в первый раз за долгое время она почувствовала себя в безопасности. Ронан вывел ее в центр площадки, и они влились в танец.

Несколько минут Ронан ничего не говорил, а затем прикоснулся к тонкой косичке, которая свисала завитком у щеки Кестрел.

— Очень красиво.

Воспоминание о том, как Арин заплетал ее волосы, заставило Кестрел напрячься.

— Великолепно? — сделал еще одну попытку Ронан. — Божественно? Кестрел, еще не было изобретено прилагательное, с помощью которого можно было бы описать тебя.

Кестрел постаралась говорить легким тоном:

— Что останется делать дамам, когда этот театральный флирт выйдет из моды? Вы нас разбаловали.

— Ты знаешь, что это не просто флирт, — ответил Ронан. — Всегда знала.

Он был прав, пусть Кестрел и не желала встретиться с этим знанием лицом к лицу и по-настоящему его осмыслить. Она испытала тусклую искру страха.

— Выходи за меня замуж, Кестрел.

Она задержала дыхание.

— Я знаю, что в последнее время ты столкнулась с трудностями, — продолжил Ронан, — и что ты их не заслуживаешь. Тебе пришлось быть такой сильной, такой гордой, такой хитрой. Но как только мы объявим о нашей помолвке, все неприятности останутся в прошлом. Ты сможешь снова быть собой.

Но такой она и была. Сильной. Гордой. Хитрой. Кем он ее считал, если не девушкой, которая безжалостно обыгрывала его в каждой игре в «Клык и Жало», которая отдала ему посмертный штраф Айрекса, сопроводив деньги точными указаниями, что с ними делать? Однако Кестрел промолчала. Она вжалась в изгиб его руки. Танцевать с Ронаном было так легко. Будет так легко согласиться.

— Твой отец будет счастлив. Твоим свадебным подарком будет лучший рояль столицы.

Кестрел встретила с ним взглядом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Или можешь оставить свой, — торопливо добавил Ронан. — Я знаю, что ты привязана к нему.

— Просто... ты очень добр.

Ронан коротко и нервно рассмеялся.

— Доброта едва ли имеет к этому какое-то отношение.

Музыка замедлилась. Скоро танец окончится.

— Итак? — Ронан остановился, хоть музыка и продолжала играть, а вокруг них кружили пары. — Итак... что ты скажешь?

Кестрел не знала, что и думать. Ронан предлагал все, чего она только могла пожелать. Но тогда почему его слова расстроили ее? Почему ей казалось, будто что-то было навсегда утрачено? Она осторожно сказала:

— Причины, которые ты назвал, не являются причинами для свадьбы.

— Я люблю тебя. Этой причины достаточно?

Возможно. Возможно, ее было бы достаточно. Но, как только музыка замерла в воздухе, Кестрел увидела с краю толпы Арина. Он смотрел на нее со странным отчаянным

выражением. Как будто он тоже боялся что-то потерять или уже потерял.

Кестрел посмотрела на него и не могла понять, как раньше не обращала внимания на его красоту. Почему эта красота никогда не поражала, подобно удару, как сейчас.

— Нет, — прошептала Кестрел.

— Что? — разрезал тишину голос Ронана.

— Прости.

Ронан обернулся туда, куда смотрела Кестрел, и выругался.

Кестрел пошла прочь, протискиваясь мимо рабов, которые несли подносы с вином. Ее глаза щипало, свет и люди расплывались перед ее взглядом. Она покинула зал, миновала холл и вышла из дворца в холодную ночь. Ей не нужно было видеть и слышать Арина или ощущать его прикосновение, чтобы знать: он рядом.

*

Кестрел не понимала, почему сиденья в карете были расположены друг напротив друга. Почему они не были предназначены для моментов, подобных этому, когда все, чего ей хотелось, — это спрятаться? Она кратко взглянула на Арина. Она не дала указаний, чтобы зажгли фонари кареты, но луна светила достаточно ярко, окутывая Арина в серебро. Карета тронулась к дому. Арин смотрел в окно на удаляющийся дворец губернатора. Затем он резко отвернул голову от окна и сгорбился на сидении. Его лицо наполнилось чем-то напоминающим изумленное облегчение.

Кестрел ощутила слабую вспышку подсознательного любопытства. Затем она напомнила себе, что именно любопытство привело ее к настоящей ситуации: пятьдесят кейстонов за певца, который отказывался петь, за друга, который не был ей другом, за кого-то, кто был ее собственностью, но никогда не будет принадлежать ей. Кестрел отвела от Арина взгляд. Она поклялась себе, что никогда больше на него не посмотрит.

Он тихо спросил:

— Почему ты плачешь?

От его слов слезы потекли еще сильнее.

— Кестрел.

Она прерывисто втянула в себя воздух.

— Потому что, когда мой отец вернется, я скажу ему, что он победил. Я вступлю в армию.

Последовало молчание.

— Я не понимаю.

Кестрел пожала плечами. Ее не беспокоило, понимал он или нет.

— Ты пожертвуешь своей музыкой?

Да. Пожертвует.

— Но твоя сделка с генералом должна быть исполнена только весной. — В голосе Арина все еще звучало замешательство. — Ты должна выйти замуж или вступить в армию лишь к весне. Ронан... Ронан умолял бы о тебе самого бога душ. Он сделает тебе предложение.

— Уже сделал.

Арин ничего не ответил.

— Но я не могу, — продолжила Кестрел.

— Кестрел.

— Я не могу.

— Кестрел, пожалуйста, не плачь.

К ее лицу прикоснулась нежная ладонь. Арин провел большим пальцем по влажной коже ее скулы. Это ранило ее, потому что она знала: что бы ни заставило его так сделать, это было не более чем простое сочувствие. Она значила для него ровно столько. Но этого было недостаточно.

— Почему ты не можешь выйти за него замуж? — прошептал он.

Она нарушила данное себе обещание и, подняв на него взгляд, сказала:

— Из-за тебя.

Рука Арина дернулась у ее щеки. Его темноволосая голова склонилась и спряталась в собственной тени. Затем он встал со своего сидения и опустился перед Кестрел на колени. Его руки упали к ее сжатым кулакам, которые она держала на коленях, и открыли их. Он взял ее ладони так, будто набирал в пригоршню воду. Он набрал воздуха, чтобы заговорить.

Она бы остановила его. Она бы заставила себя быть глухой, слепой и сотканной из неосязаемого дыма. Повинуясь страху и желанию, она бы не позволила ему говорить. Повинуясь осознанию того, что страх и желание стали неразличимыми.

Однако он держал ее руки в своих, и она была бессильна.

Он сказал:

— Я хочу того же, чего хочешь ты.

Кестрел отпрянула. Казалось невозможным, чтобы его слова значили именно то, что она поняла из них.

— Для меня захотеть этого было непросто.

Арин поднял лицо, чтобы она увидела его. В его чертах плескалось яркое чувство, которое умоляло, чтобы его назвали по имени.

Надежда.

— Но ты уже отдал свое сердце, — сказала Кестрел.

Его лоб нахмурился, а затем расправился.

— Ах. Нет, все не так, как ты думаешь. — Он коротко рассмеялся. Его смех прозвучал одновременно мягко и как-то дико. — Спроси, зачем я ходил на рынок.

Это было жестоко.

— Мы оба знаем зачем.

Он покачал головой.

— Притворись, что выиграла в «Клык и Жало». Почему я ходил туда? Спроси меня. Я ходил не для того, чтобы встретиться с девушкой, которой не существует.

— Ее... не существует?

— Я солгал.

Кестрел моргнула.

— Тогда зачем ты ходил на рынок?

— Потому что хотел почувствовать себя свободным.

Арин поднял руку, взмахнув ею у виска, а затем неловко уронил ее.

Внезапно Кестрел поняла, что означает этот жест, который она видела столько раз. Это была старая привычка. Он отводил назад воспоминание, прядь волос, которые больше не свисали к лицу, потому что она приказала остричь их.

Она наклонилась вперед и поцеловала его в висок.

Арин легонько прислонил ее к себе. Он прижал к ее щеке свою. Затем его губы коснулись ее лба, ее закрытых глаз, линии, где подбородок переходил в шею.

Их уста соединились. Она почувствовала соленый привкус своих слез на его губах, и этот привкус, и ощущение его, и ощущение их долгого поцелуя наполнило ее тем же тихим смехом, которым рассмеялся Арин несколько мгновений назад. Это была неистовая нежность, нежное неистовство. Она чувствовала это в его ладонях, прижимавшихся к ее тонкому платью. В пламени, которым горела ее кожа... и в том, как она сливалась с ним.

Он чуть-чуть отстранился.

— Я рассказал тебе не все, — произнес он. Карета подскочила, и его всем телом прижало к ней, а затем опять отбросило.

Кестрел улыбнулась.

— У тебя есть еще воображаемые друзья?

— Я...

Далеко в ночи раздался взрыв. Одна лошадь закричала. Карета дернулась, и Кестрел ударилась головой об оконную раму. Она услышала вскрик кучера и удар кнута. Карета резко остановилась. В бок Кестрел уперлась рукоятка кинжала.

— Кестрел? Ты в порядке?

Чувствуя головокружение, она ощупала голову. Ее пальцы ощутили что-то мокрое.

Раздался еще один взрыв. Лошади дернулись, и экипаж снова встряхнуло, но рука Арина удержала Кестрел. Девушка выглянула в окно в сторону города и увидела в небе слабое сияние.

— Что это было?

Помедлив, Арин ответил:

— Черный порох. Первый взрыв — в казармах городской стражи. Второй — в оружейной.

Это могло быть догадкой, но Кестрел так не считала. Одна часть ее сознания понимала совершенно точно, что означала осведомленность Арина, но другая часть захлопнула это понимание за прочной дверью, позволяя девушке думать лишь о том, чем это может обернуться, если он окажется прав.

Город подвергся нападению.

Городская стража была убита в своих постелях.

Враги разбирают из арсенала оружие.

Кестрел выбралась из кареты.

Арин был сразу за ее спиной.

— Кестрел, ты должна вернуться в экипаж.

Она проигнорировала его.

— У тебя кровь, — настаивал Арин.

Кестрел посмотрела на геранского кучера, который натягивал поводья и ругался на беспокойных лошадей. Она увидела все усиливающийся свет со стороны центра города — верный признак пожара. Затем она перевела взгляд на дорогу впереди. Они находились лишь в нескольких минутах пути от ее поместья.

Кестрел сделала шаг в сторону дома.

— Нет. — Арин сжал ее руку. — Мы должны вернуться вместе.

Лошади затихли. В ночи раздавалось лишь их разрозненное фырканье и удары копыт по земле. Кестрел слышала лишь одно слово Арина — должны.

Дверь, которой она отгородила часть своего сознания, распахнулась.

Почему Арин просил ее не пить вино?

Что не так с вином?

Она подумала о Джесс и Ронане и всех танцорах на балу.

— Кестрел.

Голос Арин прозвучал тихо, но настойчиво. Это было начало объяснения, выслушивать которое она не собиралась.

— Отпусти меня.

Его рука упала, и Кестрел не сомневалась: он понял, что она догадалась. Что бы сейчас ни происходило, для него это не было неожиданностью. Что бы ни ожидало ее дома, это было настолько же опасно, как черный порох или отравленное вино.

Они оба знали, что у Кестрел, находившейся посреди ночи в одиночестве на этой дороге, едва ли был выбор.

— Что происходит? — Кучер-геранец покинул свое место, подошел к Кестрел и Арину и устоял на сияние города за холмом. Затем он встретился взглядом с Арином. — Прибыл бог возмездия, — выдохнул он.

Кестрел обнажила свой кинжал и прижала его к горлу кучера.

— К черту твоих богов, — произнесла она. — Распряги мне лошадь.

— Нет, — сказал Арин кучеру, который нервно сглотнул под клинком Кестрел. — Она тебя не убьет.

— Я — валорианка. Убью.

— Кестрел, после сегодняшней ночи... многое изменится. Но позволь мне объяснить.

— И не надейся.

— Тогда подумай. — Она увидела в лунном свете, как челюсть Арина напряглась. — Каким будет твой следующий ход после убийства кучера? Ты бросишься на меня? Сможешь меня одолеть?

— Я убью себя.

Арин сделал шаг назад.

— Ты этого не сделаешь.

Однако в его глазах стоял страх.

— Самоубийство — ради спасения чести. Всех валорианских детей учат, как это делается, когда мы достигаем определенного возраста. Отец показал мне, куда бить.

— Нет. Ты этого не сделаешь. Ты играешь до конца.

— Геранцы стали рабами потому, что не умели убивать и боялись умереть. Я говорила тебе, что не хочу убивать, но не обещала, что никогда этого не сделаю. И я никогда не говорила, что боюсь смерти.

Арин посмотрел на кучера.

— Распряги обеих лошадей.

Кестрел не отнимала нож, пока кучер снимал упряжь с первой лошади.

Когда она взобралась на спину животного, Арин бросился на нее. Кестрел предвидела это. На ее стороне была высота и обувь с деревянными каблуками. Она пнула его в лоб и увидела, как он покачнулся. Затем она вцепилась одной рукой в гриву лошади и направила животное галопом вперед.

Луна светила достаточно ярко, чтобы Кестрел вовремя замечала ухабины. Она сосредоточилась на дороге, чтобы не думать о предательстве, жгущем ее кожу. Впечатанном

в ее губы. Туфли упали с ее ног, а косы хлестали по спине.

Вскоре она услышала позади себя топот копыт.

*

Ворота поместья были открыты, а тропа усеяна телами генеральской стражи. Кестрел заметила Ракса, чьи мертвые глаза казались остекленевшими. Из его живота торчала рукоять короткого меча.

Она направила лошадь к дому, но тут в воздухе просвистела арбалетная стрела и воткнулась в бок животного.

Лошадь закричала. Кестрел упала на землю, где неподвижно лежала какое-то мгновение, ошеломленная. Затем она осознала, что в ее правой руке больше ничего нет и начала шарить пальцами по земле в поисках ножа.

Как только рука Кестрел схватила рукоятку, в поле ее зрения появилась чья-то нога. Каблук воткнулся в мерзлую почву, а подошва зависла над ее пальцами.

— Это хозяйка дома, — объявил распорядитель торгов. Кестрел уставилась на него снизу вверх. Ее поразило то, насколько естественно он держал арбалет и как осмотрел ее, начиная с босых ног и заканчивая порванным платьем и кровоточащей раной на лбу. — Пианистка. — Его ступня опустилась и слегка надавила на ее кисть. — Бросай нож, или я раздавлю твою руку.

Кестрел разжала пальцы.

Мужчина схватил ее за загривок и поднял на ноги. Дыхание Кестрел участилось от ужаса. Распорядитель торгов улыбнулся, и она снова увидела его таким, каким он был на арене, когда расхваливал Арина. «Этого раба обучали как кузнеца, — говорил торговец. — Он пригодится любому солдату, не говоря уже об офицере с собственной стражей и оружием, которое нужно поддерживать в надлежащем состоянии».

Ни у одного валорианца в городе, кроме генерала Траяна, не было собственной стражи.

Кестрел вспомнила, как распорядитель торгов встретился с ней тогда взглядом. Вспомнила его восторг, когда она повысила сумму, и выражение его лица, когда торг подхватили остальные. Это была не радость от того, что цена поднялась, осознала Кестрел. Это была тревога.

Как если бы торги за Арина были устроены для нее одной.

Земля содрогнулась от приближающегося топота копыт.

Когда Арин остановил лошадь, улыбка распорядителя торгов стала еще шире. Мужчина махнул рукой в сторону теней под деревьями. Оттуда появились вооруженные геранцы и направили свое оружие на Кестрел.

Распорядитель торгов подошел к Арину, который спешил, и положил ладонь на щеку юноши. Арин сделал то же. Они застыли в позе, которую Кестрел видела лишь на покрытых пылью геранских картинах. Это был жест, обозначающий дружбу столь крепкую, что она могла сравниться с семейными узами.

Арин встретился с ней взглядом.

— Ты — бог лжи, — прошипела Кестрел.

Они отвели ее в дом. Кестрел шла молча, а в ее босые ступни втыкались камни и прутьи. Когда распорядитель торгов толкнул ее через порог, на плитках за ней остались кровавые следы.

Но от этого ее отвлекла другая сцена. В фонтане лицом вниз плавал Гарман, ее управляющий. Его светлые волосы колыхались на воде, подобно водорослям.

В холле позади фонтана собрались толпой рабы генерала. Они выкрикивали множество вопросов, а вооруженные мужчины отвечали только: «Мы захватили город», «Губернатор мертв» и раз за разом повторяли: «Вы свободны».

— Где экономка? — спросил распорядитель торгов.

Среди рабов началось шевеление. Скорее не саму экономку-валорианку вывели вперед, а рабы расступились, чтобы женщину стало видно.

Распорядитель торгов схватил экономку за плечи, прижал ее спиной к стене и, держа широкую руку на ее груди, достал нож.

Женщина начала рыдать.

— Остановитесь, — сказала Кестрел. Она обернулась к рабам. — Остановите это. Она была к вам добра.

Никто не двинулся с места.

— Добра к вам? — переспросил распорядитель торгов. — Она была добра, когда заставляла вас чистить уборные? Когда наказывала вас плетьюми за разбитую тарелку?

— Она бы никому не причинила вреда. — Голос Кестрел надломился от страха, который она не могла больше сдерживать. Он заставил ее сказать неправильную вещь: — Я бы этого не позволила.

— Ты больше не будешь никому приказывать, — сказал торговец и перерезал экономке горло.

Захлебываясь в собственной крови, женщина сползла по расписанной цветами стене, прижимая руки к горлу, будто могла закрыть рану. Распорядитель торгов по-прежнему стоял над ней. Он позволил ее крови заливать свою одежду, пока несчастная не затихла на полу.

— Но она ничего не сделала. — Кестрел не могла остановить себя, хоть и знала, что говорить что-либо было глупо, ужасно глупо. — Она делала только то, за что я ей платила.

— Кестрел, — резко бросил Арин.

Распорядитель торгов обернулся к ней и снова поднял нож. Кестрел успела лишь вспомнить звук ударов молота по наковальне и подумать обо всем том оружии, которое выковал Арин. Она осознала, что, если бы он захотел сделать некоторое количество оружия на сторону, это было бы вовсе не сложно.

Распорядитель торгов приближался к ней.

Совсем не сложно.

— Нет, — сказал Арин. — Она — моя.

Торговец замер.

— Что?

Арин подошел ближе и ступил в кровь экономки. Возле торговца он остановился и принял свободную и беспечную позу.

— Она — моя. Мой приз. Плата за службу. Военная добыча. — Арин пожал плечами. —

Называй ее как угодно. Можешь называть моей рабыней.

Кестрел окатило стыдом, столь же ядовитым, как та отравка, которую ее друзья, должно быть, отведали на балу.

Распорядитель торгов медленно произнес:

— Я немного беспокоюсь за тебя, Арин. Мне кажется, ты сейчас не до конца осознаешь ситуацию.

— Есть что-то плохое в том, чтобы я обращался с ней так, как она до этого со мной?

— Нет, но...

— Валорианская армия вернется. Она — дочь генерала. Она слишком ценна, чтобы потратить ее жизнь впустую.

Распорядитель торгов убрал нож, но Кестрел не могла успокоить свои мысли. Внезапно появившаяся альтернатива смерти показалась еще худшим вариантом.

— Просто не забывай, что произошло с твоими родителями, — сказал торговец Арину.

— Не забывай, что валорианские солдаты сделали с твоей сестрой.

Взгляд Арина метнулся к Кестрел.

— Я помню.

— Правда? Где ты был во время нападения на поместье? Я ожидал, что найду здесь своего помощника, свою правую руку. Но вместо этого ты был на вечеринке.

— Потому что мне стало известно, что там будет раб капитана порта. Он предоставил мне ценную информацию. Нам все еще предстоит разобраться с торговыми судами, Плут. Отправь меня туда. Позволь мне сделать это для тебя.

Лицо Арина выражало очевидное желание угодить торговцу.

Плут тоже это увидел и вздохнул.

— Возьми нескольких бойцов. В порту ты найдешь еще. Захватите все корабли или сожгите их. Если хоть один из них выйдет в море, чтобы предупредить империю о том, что мы захватили город, наша революция будет очень недолгой.

— Я позабочусь об этом. Никто не покинет порт.

— Возможно, некоторые уже это сделали. Солдаты на борту не могли не услышать взрывов.

— Для них это еще одна причина дожидаться, пока с берега вернутся их сослуживцы.

Плут ответил на это гримасой сдержанной надежды:

— Иди. Я тем временем закончу чистку во дворце губернатора.

Кестрел подумала о своих друзьях. Она посмотрела на кровь на полу. Она не обратила внимания на то, как Арин подошел к ней. А затем распорядитель торгов сказал:

— Ее руки.

Она подняла глаза. Взгляд Арина метнулся к ее сжатым кулакам.

— Разумеется, — сказал он торговцу, и Кестрел поняла: только что они выбрали лучший способ угрожать ей.

Она никак не отреагировала, когда Арин взял ее за руку. Она снова увидела распорядителя торгов на арене и ощутила летнюю жару. «Этот парень поет», — сказал он. Кестрел вспомнила, как мужчина надавил сапогом на кисть ее руки. Она осознала, что всему городу, должно быть, была известна ее слабость к музыке. Возможно, именно это ранило ее больше всего, подумала она, когда Арин потянул ее прочь из комнаты.

Они использовали против нее то, что она любила.

Она поклялась себе не говорить с Арином, но затем он сказал:

— Ты пойдешь со мной в порт.

От неожиданности она произнесла:

— Зачем? Почему бы не запереть меня в бараке? Это будет отличная тюрьма для твоей добычи.

Он продолжил вести ее через коридоры дома.

— На случай, если Плут изменит свое решение насчет тебя.

Кестрел представила, как распорядитель торгов открывает дверь камеры.

— Похоже, мертвой я не принесу тебе пользы.

— Я никогда не позволю этому произойти.

— Какая трогательная забота о жизни валорианки. Как если бы не ты позволил своему предводителю убить ту женщину. Как будто не на тебе лежит вина за смерть моих друзей.

Они остановились у дверей в покои Кестрел. Арин повернулся к ней.

— Я позволю умереть всем до последнего валорианцам в городе, если это будет значить, что не умрешь ты.

— Например, Джесс? — Ее глаза застлала внезапная пелена непролитых слез. — И Ронану?

Арин отвел взгляд. Кожа над его глазом в месте, куда она его пнула, начала темнеть.

— Я десять лет был рабом. Больше я им быть не намерен. Что ты думала сегодня в карете? Что все нормально, если я всегда буду бояться прикоснуться к тебе?

— Это не имеет никакого значения. Я не дура. Тебя продали мне, чтобы ты предал меня.

— Но я тебя не знал. Я не знал, насколько ты...

— Ты прав. Ты меня не знаешь. Ты чужой.

Он оперся рукой о дверь.

— А что с валорианскими детьми? — требовательно спросила Кестрел. — Как вы поступили с ними? Их тоже отравили?

— Нет, Кестрел, разумеется, нет. О них будут заботиться. Они будут жить в достатке. С нянями. Таков был план. Ты думаешь, мы — чудовища?

— Думаю, да.

Пальцы Арина сжались на двери, и он распахнул ее.

Он провел Кестрел в гардеробную, открыл шкаф и стал перебирать одежду. Затем он достал черную тунику, лосины и жакет и протянул их Кестрел.

Девушка холодно произнесла:

— Это церемониальное одеяние для боя. Ты ожидаешь, что в порту мне придется сражаться на дуэли?

— Ты слишком заметная. — В его голосе прозвучало что-то странное. — В темноте. Ты... выглядишь как открытое пламя. — Он нашел еще одну черную тунику и разорвал ее. — Вот. Завяжи свои волосы.

Кестрел стояла неподвижно, сжимая в руках ткань. Она вспомнила, когда в последний раз надевала этот костюм.

— Одевайся, — сказал Арин.

— Выйди.

Он покачал головой:

— Я не буду смотреть.

— Правильно. Не будешь, потому что сейчас ты выйдешь.

— Я не могу оставить тебя одну.

— Не глупи. Что я могу сделать, в одиночку отвоевать город обратно, не выходя из своей гардеробной?

Арин провел рукой по волосам.

— Ты можешь убить себя.

Кестрел горько ответила:

— Я думала, по тому, как я позволила тебе и твоему другу распоряжаться мной, было понятно, что я хочу остаться в живых.

— Ты могла передумать.

— И как именно я смогу это повернуть?

— Например, повеситься на своем ремне для кинжала.

— Так заberi его.

— Ты используешь одежду. Лосины.

— Повешение — недостойная смерть.

— Ты разобьешь зеркало над туалетным столиком и зарежешь себя. — И снова голос Арина показался незнакомым. — Кестрел, я не буду смотреть.

Она поняла, почему его слова прозвучали так грубо. В какой-то момент разговора она перешла на валорианский, и он последовал ее примеру. Грубость его словам придавал акцент.

— Я обещаю, — произнес он.

— Твои обещания ничего не стоят.

Кестрел отвернулась и начала раздеваться.

Он забрал ее лошадь.

Кестрел не могла не согласиться с разумностью этого. Ее карета была брошена на дороге, а конюшни — почти пусты, так как отец забрал большинство лошадей с собой. Джавелин был лучшим из тех, что остались. На войне имущество принадлежит тому, кто захватывает его, поэтому жеребец перешел к Арину. Но это ранило Кестрел.

Арин седлал Джавелина и настороженно следил за ней. Конюшни звенели шумом: остальные геранцы также готовили лошадей, а животные, уловив людское напряжение, фыркали и били копытами. Однако Арин молчал и смотрел на Кестрел. Первое, что он сделал, войдя в конюшни, — это схватил свободные поводья, разрезал кожу ножом, связал запястья Кестрел и поместил девушку под стражу. Не имело значения, что она бессильна. Он следил за ней так, будто она была способна к сопротивлению.

Или же он просто обдумывал то, насколько сложно будет провезти пленницу верхом на лошади через город в порт. Это могло бы подарить Кестрел некоторое удовлетворение, если бы она не знала, что ему следует сделать.

Оглушить ее, если он хотел сохранить свою добычу в живых. Убить ее, если он передумал. Посадить ее под замок, если два первых варианта представляли для него слишком много хлопот.

Она видела его возможности так же ясно, как и, должно быть, он.

Кто-то позвал Арина по имени. И он, и Кестрел обернулись и увидели, что у дверей в конюшни, прислонившись к косяку, стояла женщина. Ее грудь вздымалась, а лицо было влажным от пота. Она казалась знакомой, и Кестрел узнала ее в тот же момент, когда поняла, почему она здесь.

Это была одна из рабынь губернатора. Она пришла как гонец с новостями о том, что произошло на балу после того, как Кестрел и Арин его покинули.

Арин подошел к женщине. Кестрел попыталась последовать за ним, но была оттянута назад охранявшим ее мужчиной. Арин бросил на нее быстрый взгляд, который Кестрел не понравился. Это был взгляд человека, который только что получил над кем-то власть.

Как будто до этого ему власти было недостаточно.

— Отойдем, — сказал Арин женщине. — А потом сообщи Плуту, если еще этого не сделала.

Арин и рабыня губернатора вышли из конюшни и закрыли за собой ворота.

Когда Арин вернулся, он был один.

— Мои друзья мертвы? — спросила Кестрел. — Скажи мне.

— Я скажу тебе тогда, когда ты, не сопротивляясь, позволишь мне посадить себя на эту лошадь и когда я усядусь позади тебя, а ты не придумаешь хитрых способов сбросить меня на землю или сбросить нас обоих. Я скажу тебе тогда, когда мы попадем в гавань.

Он приблизился. Кестрел ничего не сказала, и он, должно быть, принял это за согласие. Или же он просто хотел услышать ее голос не больше, чем ей хотелось говорить, потому что он не стал ждать ответа. Он поднял Кестрел на Джавелина, а затем ловким и плавным движением уселся позади нее. Кестрел почувствовала, как его тело соприкоснулось с ее.

Его близость повергла ее в оцепенение. Однако Кестрел решила согласиться на его сделку. Она не стала давать Джавелину сигнал встать на дыбы. Она не стала пытаться

ударить Арина затылком в челюсть. Она решила хорошо себя вести и сосредоточилась на важном.

Тот поцелуй ничего не значил. Ничего. Осталась только раздача карт и то, как она разыграет их.

Лошади галопом выехали из конюшен.

*

Как только показалась гавань, Кестрел почувствовала, как Арин вздохнул, и поняла, что это был вздох облегчения: все корабли, которые она видела утром, по-прежнему стояли на якоре. Кестрел была разочарована, хоть и не удивлена, так как помнила со времени своего обучения на судах, что команды представляли свои корабли островами. Моряки на борту не считали, что угроза с берега представляла опасность и для них, а верность своим сошедшим на берег сослуживцам держала их на месте до тех пор, пока они не могли отплыть без опасений. Что же касается рыбаков, владевших маленькими лодками, то у большинства из них на берегу были дома, и они сейчас находились там, среди дыма от черного пороха, огня и тел людей, мимо которых скакал Джавелин, пока геранцы под предводительством Арина двигались через город. Те же рыбаки, кто спал в собственных лодках, вряд ли стали бы рисковать и пытаться достигнуть столицы в разгар сезона зеленых бурь; кроме того, по пути в гавань Кестрел заметила, что на небе собираются тучи. Маленькие суда были особенно уязвимы.

Пока Кестрел думала об этом, у нее появилась слабая идея.

Нельзя, чтобы корабли были сожжены. Особенно рыбацкие лодки. Возможно, позже ей пригодится одна из них.

Арин спешил и снял Кестрел с Джавелина. Девушка вздрогнула. Она притворилась, будто это было не от прикосновения его рук, а от боли, когда ее израненные ноги в дуэльных сапогах стали на землю.

— Скажи мне, — приказала она Арину. — Скажи мне, что произошло на балу.

Его лицо сияло в свете огня. Казармы городской стражи, пусть они и находились вдали от гавани, превратились в ад. В небе над ними висел пепельно-оранжевый ореол.

— Ронан в порядке, — сказал Арин.

У Кестрел зашлось дыхание: то, как он сформулировал свой ответ, могло означать только одно.

— Джесс.

— Она жива.

Арин потянулся к связанным рукам Кестрел.

Она отпрянула.

Арин помедлил, затем бросил взгляд на окружавших их геранцев, которые могли все слышать. Они смотрели на Кестрел с открытой ненавистью, а на Арина — с подозрением. Арин дернул ее за руки и туже затянул узлы.

— Ей плохо, — отрывисто сказал он. — Она выпила немного отравленного вина.

Эти слова пошатнули Кестрел, и как бы она ни обещала себе никому, особенно Арину, ничего не показывать, она не могла сдержать боль в своем голосе:

— Она будет жить?

— Я не знаю.

«Джесс жива, — сказала себе Кестрел. — Она не умрет».

— А Беникс?

Арин покачал головой.

Кестрел вспомнила, как Беникс отвернулся от нее на балу. Как опустил глаза. Но она не могла забыть и его звонкий смех и то, как она могла поддразнивать его и заставить признать свою неправоту. Она могла бы сказать ему, что понимает, насколько уязвимо себя чувствуешь, когда переступаешь черту и оказываешься под градом взглядов общества. Она могла бы сказать ему это, если бы смерть не отобрала у нее шанс помириться с ним.

Она не будет плакать. Больше нет.

— А капитан Венсан?

Арин нахмурился.

— Хватит вопросов. Ты начала строить планы. Ты больше не спрашиваешь о друзьях, а пытаешься задержать меня или ищешь для себя возможность, которой я не вижу. Для тебя он был никем.

Кестрел хотела было заговорить, но тут же закрыла рот. Она получила свой ответ; у нее не было ни малейшего желания возражать Арину или открываться ему еще больше.

— У меня нет времени зачитывать тебе список живых и мертвых, даже если бы он у меня был, — сказал Арин. Он мельком взглянул на вооруженных геранцев и жестом приказал им следовать за собой. Те, кто до сих пор сидел на лошадях, сейчас спешили и направились к небольшому строению возле центральной части побережья, где жил капитан порта. Подойдя ближе, Кестрел увидела еще одну группу геранцев в одеждах портовых рабов. Они окружили здание. На земле валялись тела мертвых валорианцев.

— Капитан порта? — спросил Арин мужчину, который, судя по всему, был предводителем группы.

— Внутри, — ответил геранец. — Под стражей. — Его взгляд упал на Кестрел. — Скажи мне, что это не та, о ком я думаю.

— Она не имеет значения. Она находится под моей властью, как и ты.

Арин толчком открыл дверь, но Кестрел успела увидеть упрямый изгиб его губ и выражение недовольства на лице геранца. И хоть Кестрел знала, что слухи о ней и Арине должны были показаться его народу такими же ошеломляющими, как и ее, лишь сейчас эта информация приняла форму оружия.

Пусть геранцы думают, что она — любовница Арина. Это лишь заставит их поставить под сомнение намерения и верность человека, которого Плут назвал своей правой рукой.

Кестрел последовала за Арином на пирс и вошла в дом капитана порта.

Там пахло смолой и пенькой. Капитан порта не только служил кем-то вроде приказчика, записывая в своей учетной книге, какие корабли приходили в гавань и уходили из нее и у какого пирса останавливались. Кроме этого, он продавал различные товары. Его дом был забит бочками дегтя и мотками веревки, а запах судоверфи здесь был даже более силен, чем запах мочи, запятнавшей штаны капитана порта.

Валорианец боялся. Хоть последние несколько часов уже заставили Кестрел переосмыслить многое из того, во что она верила, ужас в глазах мужчины снова потряс ее, так как это был тренированный солдат в расцвете сил, чьи обязанности в порту соответствовали обязанностям стражи в городе. Если он боялся, то как это соотносится с правилом, что истинный валорианец не боится никогда?

Почему валорианцев было так легко застать врасплох, так легко превозмочь?

Как и ее.

Это был Арин. Арин, которого шпионом заслали в имение генерала. Арин, чей острый ум работал над хитроумным планом, вырезая его с помощью оружия, которое он украдкой ковал для друзей, и информации, которую она могла обронить. Арин, который отмахнулся от ее тревоги по поводу самоубийства капитана стражи, а ведь оно могло быть вовсе не самоубийством, а злодейским шагом на пути к революции. Арин также отмахнулся от странности того, что Сенатор Андракс продавал черный порох восточным варварам, и в этом не было ничего удивительного, ведь Арину было известно, что порох не продан, а украден геранскими рабами.

Это был Арин, который вонзил в ее сердце крюки и притянул к себе, чтобы она не замечала ничего, кроме его глаз.

Арин был ее врагом.

За любым врагом следует наблюдать. «Всегда оценивай сильные и слабые стороны своего противника», — говорил ее отец. Кестрел решила быть благодарной настоящему моменту. Она находилась в доме капитана порта с более чем двадцатью геранцами, в то время как снаружи ждали еще пятьдесят. Это был шанс узнать, был ли Арин настолько же хорошим лидером, насколько он был хорошим шпионом и игроком в «Клык и Жало».

И, как знать: вдруг Кестрел подвернется возможность обернуть ситуацию в свою пользу?

— Мне нужны имена, — сказал Арин капитану порта, — всех моряков, находящихся в данный момент на берегу, и их кораблей.

Дрожащим голосом капитан порта назвал их. Кестрел увидела, как Арин, изучая мужчину, потер щеку. Определенно, как и Кестрел, он думал о том, что для выполнения любого плана по захвату или сожжению кораблей понадобится как можно больше человек. Не стоит оставлять кого-то на берегу охранять капитана порта, который теперь был бесполезен.

Убить его было очевидным и наиболее быстрым ходом.

Арин ударил мужчину по голове краем кулака. Это было точное движение, нацеленное в висок. Капитан порта повалился на свой стол. Его вздох всколыхнул страницы учетной книги.

— У нас есть два варианта, — сказал Арин своим людям. — До сих пор мы сработали хорошо. Мы захватили город. Его главы были повержены или находятся под нашей властью. Теперь нам нужно время, как можно больше времени до того, как империя узнает, что произошло. Наши люди охраняют горный проход, и единственным путем доставить новости в империю остается море. Мы должны захватить корабли или сжечь их. Решить надо сейчас.

В любом случае, наш подход к этой задаче будет одинаков при обоих раскладах. С юга наступают штормовые облака. Как только они скроют луну, в сгустившейся темноте мы проплывем в небольших шлюпках вдоль изгиба побережья, обогнем корабли и подойдем к их кормам. Все суда повернуты носом к городу и его огням. Моряки соберутся на палубе, глядя на пламя, а мы приблизимся по морю с темной стороны. Если мы хотим захватить все корабли, то разделимся на две команды. Первая начнет с самого большого и опасного — корабля капитана Венсана. Вторая будет ждать у ближайшего крупного судна. Мы захватим корабль Венсана и повернем его оружие к соседнему, который возьмет под свой контроль вторая группа. С этими двумя кораблями мы сможем заставить сдаться ближайšie к ним, чем еще больше уменьшим вероятность сопротивления со стороны торговцев. У рыбаков

орудий нет, поэтому после битвы они тоже будут нашими. Мы потопим любой корабль, который попытается покинуть гавань. Таким образом мы не только получим необходимое нам время, но и сможем использовать корабли в качестве оружия против империи и распоряжаться товарами в их трюмах.

Очевидно, Арин был и в половину не так умен, как думала Кестрел, раз озвучивал подобный план при ней. Или же он полагал, что эта информация ей ни в чем не поможет. Может быть, Арина вообще не волновало, что Кестрел узнает его замыслы. В любом случае его план был хорош... если не учитывать кое-какой пробел.

— Как мы захватим корабль Венсана? — спросил один геранец.

— Взберемся по лестнице с одного из бортов.

Кестрел рассмеялась.

— Как только команда Венсана поймет, что происходит, вас по одному скинут с лестницы в воду.

Все замолчали. Присутствовавшие в комнате будто окоченели. Арин, который до этого стоял лицом к геранцам, обернулся к Кестрел. От взгляда, которым он ее одарил, воздух между ними почти затрещал от напряжения.

— Тогда мы притворимся их сослуживцами-валорианцами, которые были на берегу, — сказал Арин, — и попросим, чтобы наши шлюпки подняли с воды на борт.

— Притворитесь валорианцами? Вам сразу же поверят.

— Будет темно. Они не увидят наших лиц, и у нас есть список имен моряков, которые сейчас на берегу.

— А ваш акцент?

Арин не ответил.

— Полагаю, ты надеешься, что ветер сдует ваш говор, — заключила Кестрел. — Но может так случиться, что моряки еще потребуют от вас кодовое слово. Может так случиться, что ваш план уйдет под воду, а вы вместе с ним.

Ее слова встретило молчание.

— Кодовое слово, — повторила Кестрел. — Пароль, который использует любая здравомыслящая команда и который не знает никто, кроме моряков, служащих на корабле. Он нужен, чтобы предупреждать атаки, подобные тем, что вы так наивно планируете.

— Кестрел, ты что делаешь?

— Даю вам совет.

Арин издал нетерпеливый звук.

— Ты хочешь, чтобы я сжег корабли.

— Я? По-твоему, я хочу этого?

— Без кораблей мы не сможем на должном уровне противостоять империи.

Кестрел пожала плечами.

— С ними у вас шансов не больше.

Арин, должно быть почувствовал, как упал общий настрой, когда Кестрел подняла вопрос о том, что все должны были знать и так: геранская революция была безнадежной затеей, и как только на замену отбывшему на восток полку из столицы через горный проход придут другие войска, мятеж немедленно подавят. Город окажется в кольце осады, и гонцы помчатся за подкреплением. Но на этот раз проигравших геранцев поработать не будут. Их подвергнут смерти.

— Начинайте загружать в шлюпки эти бочки со смолой, — приказал Арин геранцам. —

Мы воспользуемся ими, чтобы сжечь корабли.

— В этом нет необходимости, — сказала Кестрел. — Потому что мне известно кодовое слово Венсана.

— Тебе... — повторил Арин. — Тебе известно?

— Да.

Она не знала пароля, однако могла предполагать с достаточной уверенностью. Варианты были ограничены птицами из «Песни о перьях смерти». Кроме того, Кестрел помнила, как смотрел капитан Венсан на блюдо с изображением пустельги. Она могла бы поспорить на золото, что знает, какой пароль он выбрал для вечера бала. Кестрел могла читать лица людей также, как если бы смотрела сквозь текущие воды на песчаное дно, наблюдая, как колышется ил и мелькают рыбы. Она видела, как Венсан принимал свое решение точно также, как сейчас видела подозрение в глазах Арина.

Ее уверенность дрогнула.

Арин. Разве не опроверг Арин ее способность понимать и угадывать людские чувства и намерения? Ведь в карете она считала, что он был с ней честен. Ей казалось, что его губы соприкасаются с ее, будто в молитве. Но она ошиблась.

Арин потянул Кестрел за руку на улицу. Дверь за ними захлопнулась, и он вывел ее на конец пустого пирса.

— Я тебе не верю, — сказал он.

— Я полагаю, что ты весьма неплохо изучил мой дом. Что доставляют, какие письма отсылаются. Кто приходит, кто уходит. Уверена, ты знаешь, что вчера вечером капитан Венсан ужинал у нас.

— Он был другом твоего отца, — медленно ответил Арин.

— Корабль которого привез из столицы рояль моей матери, когда я была ребенком. Он всегда был ко мне добр. А теперь он мертв. Так?

Арин не стал этого отрицать.

Лунный свет становился все бледнее, но Кестрел знала: Арин увидел, как черты ее лица исказило горе.

Пусть видит. Это послужит ее цели.

— Я знаю пароль, — сказала она.

— Ты никогда не сообщишь его нам. — Облака закрыли луну, превратив лицо Арина в сосредоточие теней. — Ты дразнишь меня. Ты хочешь, чтобы я ненавидел себя за то, что сделал. Ты никогда меня не простишь, и уж точно не станешь мне помогать.

— У тебя есть кое-что, что нужно мне.

Казалось, вокруг них разлилась холодная тьма.

— Сомневаюсь, — произнес Арин.

— Я хочу Джесс. Я помогу вам захватить корабли, а ты отдашь ее мне.

Истина может обманывать не хуже лжи. Кестрел действительно хотела получить взамен на свою услугу возможность помочь подруге или хотя бы быть рядом с ней, когда придет смерть. Однако девушка также рассчитывала, что эта истина будет достаточно правдоподобной, чтобы Арин не заметил скрытого за ней: Кестрел было необходимо, чтобы в гавани осталось хотя бы одно рыбацкое судно.

— Я не могу просто отдать ее тебе, — сказал Арин. — Судьбу выживших будет решать Плут.

— О, но ведь ты как будто обладаешь особыми привилегиями. Если ты можешь

потребовать в свое распоряжение одну девушку, то почему не двух?

Губы Арина изогнулись в чем-то напоминающем презрение.

— Как только у меня будет возможность, я сделаю так, чтобы ты смогла увидеться с ней. Ты доверишься моему слову?

— Едва ли у меня есть выбор. А теперь к делу. Ты сказал Плуту, что отправился на бал, чтобы узнать от раба капитана порта некую информацию. Ты поделишься ею со мной.

— Я отправился на бал не за этим.

— Что?

— Нет никакой информации. Я солгал.

Кестрел приподняла одну бровь.

— Как неожиданно. Разве ты мгновение назад не дал мне обещание и не просил меня довериться твоему слову? Действительно, Арин. Тебе следует разобраться в своих правдах и выдумках, иначе скоро ты сам не сможешь понять, что из них есть что.

Молчание. Ее слова ранили его? Она надеялась, что так и было.

— Твой план по захвату кораблей достаточно умен, — сказала Кестрел, — но тебе нужно лучше продумать несколько важных деталей.

Она рассказала ему свой замысел. Кестрел гадала, понимал ли Арин, что, если он воспользуется ее помощью, это лишь усилит подозрения его людей насчет их любовной связи. Понимал ли он, что сотрудничает с валорианкой, которая вовсе не обязательно заботится о его интересах. Она гадала, знал ли он, что, достигни он сегодня своей цели, его победа будет подмочена тем, как он ее добился.

Скорее всего, он все это понимал. Арин должен был знать, что чистых побед не существовало.

Но Кестрел сомневалась, что он мог угадать: капитан Венсан научил ее управлять кораблем. И даже если каким-то образом Арина было это известно, Кестрел полагала, что в данный момент его мысли занимало слишком много других вещей, чтобы он осознал: рыбацкие лодки были ее единственной возможностью бежать в столицу.

Как только она увидит подходящий для бегства момент, она воспользуется им. Она спустит на этот город воющих гончих псов империи.

Арину уже приходилось работать в гавани. После карьера его продали в другую кузню, а когда его второй мастер-кузнец умер, Арин стал частью наследства, которое делили наследники. Его имя по-прежнему значилось в списках как Кузнец, но он скрыл свои умения от новых хозяев, и те продали его в убыток себе на судоверфь. Арин никогда не плавал на корабле, но по виду мог отличить геранское судно. Вместе с другими рабами он бесчисленное множество раз вводил корабли в сухой док и тягал канаты, чтобы повалить громадины на бок, когда вода отливала. Затем он, пробираясь через грязь, соскребал с бортов корабля застывших морских обитателей, и осколки рачков разлетались вокруг него, впиваясь в кожу и процарапывая тонкие красные полосы. Он помнил вкус пота во рту, воду, плещущую у его лодыжек, и спешку, ужасную спешку: перед тем как приливная волна вернется, рабы должны были при помощи блоков перевернуть корабль на другой борт и очистить его корпус со второй стороны.

А затем валорианцы забирали украденное судно и отправлялись в плавание.

Пока он вел шлюпку к кораблю Венсана, который был построен геранцами и оборудован валорианской пушкой, Арин вспоминал, насколько утомительной была та работа, но также и то, как от нее его мускулы натягивались до тех пор, пока боль не превратила их в камень. Он был благодарен валорианцам за то, что они сделали его сильным. Если ему хватит сил, то он, возможно, переживет эту ночь. Если он выживет, то по частичкам соберет себя прежнего и объяснится перед Кестрел так, чтобы она поняла.

Она молча сидела в шлюпке рядом с ним. Остальные геранцы на веслах смотрели, как она подняла свои связанные руки и дернула за черную ткань, которая скрывала ее волосы. Ей было сложно снимать повязку, но это являлось необходимостью, так как новый план предусматривал то, чтобы Кестрел увидели и узнали.

Геранцы наблюдали, как она пытается развязать ткань. Они смотрели, как Арин отпустил одно весло и хотел было помочь ей, но Кестрел отпрянула от него так резко, что лодка вздрогнула. Это движение лишь слегка отдалось через дерево, но все его почувствовали.

Желудок Арина сжался от стыда.

Кестрел стянула с головы повязку. Хотя небо было покрыто облаками, которые поглотили луну и добавляли темноте вокруг еще больше глубины, волосы и бледная кожа Кестрел будто сияли. Казалось, что она светится изнутри.

Арин не мог вынести вид ее. Он снова взялся за весла и продолжил грести.

Лучше, чем любой другой из десяти геранцев в лодке, Арин знал, что Кестрел может быть коварной. Что ему следует доверять ее плану не больше, чем ее уловкам при игре в «Клык и Жало» или обману, при помощи которого она загнала его в ловушку утром перед дуэлью.

Ее план по захвату корабля был хорош. Лучшего шанса у них не было. Однако Арин продолжал обдумывать его, изучать так, как мог бы осматривать копыто лошади, осторожно ощупывая его в поисках слабого места, опасной трещины.

Он не мог найти ее. Он не сомневался, что изъян был, а затем понял, что трещина, которую он ощущал, лежала внутри него самого. Сегодняшняя ночь расколола Арина. Превратила его внутреннее сражение с кипящую войну.

Неудивительно, что он был уверен в неправильности происходящего. Невозможно. Невозможно любить валорианку и оставаться верным своему народу. Сам Арин был слабым местом.

*

Кестрел смотрела, как по черной воде скользили другие четыре шлюпки. Две приблизились к кораблю Венсана и остановились возле бортовой лестницы, скрытые тьмой и изгибом корпуса судна, которое сужалось к ватерлинии. Чтобы увидеть эти шлюпки, морякам придется перегнуться через борт.

Тревогу на корабле не подняли.

Еще две шлюпки подплыли ко второму по размеру кораблю в гавани, двухмачтовому судну с одним рядом орудий, которое заметно проигрывало трехмачтовому судну Венсана с двумя батарейными палубами.

Геранцы посмотрели на Арина. Он кивнул, и гребцы начали усиленно работать веслами, не заботясь о скрытности, а лишь о скорости. Весла стучали в уключинах, хлопая по воде, разбрызгивая и расплескивая ее. Когда шлюпка приблизилась к кораблю Венсана, моряки уже выстроились вдоль борта и глядели вниз на воду. В темноте их лица были неразличимы.

Кестрел встала.

— В городе мятеж! — крикнула она морякам, сообщая о том, что и так было понятно, если взглянуть через гавань в сторону городских стен. — Поднимите нас на борт!

— Вы не наши, — раздался голос с главной палубы.

— Я — друг капитана Венсана — Кестрел, дочь генерала Траяна. Капитан отправил меня сюда вместе с вашей командой для защиты.

— Где капитан?

— Я не знаю. Мы потеряли друг друга в городе.

— Кто с вами?

— Терекс, — крикнул имя Арин, раскатывая звук “р”. Следом за ним остальные геранцы в лодке также назвали выданные капитаном порта имена сошедших на берег моряков. Геранцы говорили быстро, некоторые проглатывали слоги, но каждый вполне удовлетворительно справился с произношением, которому научила их Кестрел после того, как лодки отчалили от берега.

Моряк с борта сказал:

— Назовите кодовое слово.

— Это я, — произнесла Кестрел с уверенностью, которой на самом деле не ощущала. — Мое имя — Кестрел. Пустельга.

Пауза. Несколько коротких секунд, в течение которых Кестрел надеялась, что не ошиблась, и надеялась, что ошиблась, и ненавидела себя за то, что делает.

Лязг. Металлический скрежет.

С главной палубы спустили крюки, присоединенные к блокам. С нетерпеливым стуком геранцы закрепили их за края шлюпки.

Однако Арин не шевельнулся. Он смотрел на Кестрел. Возможно, он до конца не верил, что она знает пароль. Или не мог даже предположить, что она предаст свой народ.

Кестрел смотрела на него, будто сквозь окно. Что бы он ни думал, это не имело

значения. Теперь — нет.

Блоки закрипели. Шлюпку подняли с воды, с ее бортов падали капли. Лодка дергалась и раскачивалась, повинувшись тому, как моряки на борту натягивали веревки. А затем она начала ползти вверх.

Кестрел не было видно кормовой лестницы или других лодок с геранцами. Они казались расплывчатыми тенями цвета ночи. Однако девушка заметила движение на корпусе корабля. Геранцы взбирались по корме на борт.

Еще было время крикнуть и предупредить моряков на палубе.

Она могла отказаться предавать их. Она не понимала, как ее отец мог делать это снова и снова — принимать решения, в результате которых человеческие жизни отдавались в пасть высшей цели.

Однако будет ли это стоить того, если Кестрел обеспечит себе возможность предупредить столицу?

Это, решила она, будет зависеть от количества валорианцев, которые погибнут на корабле Венсана.

Такой холодный расчет ужаснул Кестрел. Это была, отчасти, причина, почему она не хотела военной жизни: то, что она могла принимать подобные решения, что обладала разумом стратега, что людские жизни слишком легко становились карточками в игре, в которой она намеревалась победить.

Шлюпка поднялась еще выше.

Кестрел сжала губы.

Арин взглянул на черную ткань, которая ранее скрывала волосы Кестрел, а затем на саму девушку. Возможно, он думал о том, чтобы заткнуть ей этой тканью рот, ведь она уже сыграла свою роль в плане. На его месте она бы поступила именно так. Но Арин не шевельнулся, и Кестрел почувствовала себя еще хуже, чем если бы он все-таки сделал это. Какое лицемерие с его стороны не выказывать той безжалостности, на которую, Кестрел знала, он был способен.

Как и она.

Шлюпка поднялась на уровень главной палубы. Кестрел успела лишь заметить изумление на лицах моряков, и тут геранцы выпрыгнули из шлюпки с поднятым оружием. Маленькая лодка, в которой осталась одна Кестрел, дико качнулась.

Арин увернулся от удара ножа одного из моряков и отбил клинок своим собственным, а затем его кулак врезался мужчине в горло. Моряк отпрянул. Арин сбил его с ног и одновременно провел еще один удар. Моряк был повержен.

Это происходило по всей палубе. Геранцы обрушивались на валорианцев, многие из которых даже не успели обнажить свое оружие. Пока моряки пытались справиться с неожиданной угрозой, которую они сами подняли на борт, они не заметили еще одной: по кормовой лестнице на палубу взобралась вторая группа нападавших. Как и планировала Кестрел, эта вторая волна ударила моряков с тыла. Окруженные, валорианцы быстро сдались. Хотя с нижних палуб поднимались другие моряки, им приходилось пробираться через узкие люки, подобно мышам, протискивавшимся через туннели. Они по одному оказывались под атакой геранцев.

По доскам палубы разлилась кровь. Многие из павших моряков больше не шевелились. Сидя в раскачивающейся шлюпке, Кестрел слышала мужчину, которого поверг Арин. Он хватался за горло. Звуки, которые он издавал, были ужасны — что-то среднее между стонами

и удушающим кашлем. А Арин по-прежнему находился в гуще сражения, раздавая удары, которые, пусть и не убивали, но причиняли боль и оставляли синяки и кровоподтеки.

Кестрел увидела это в нем в тот день, когда купила. Жестокость. Она позволила себе забыть об этом, потому что у его разума было такое прекрасное звучание. Потому что его прикосновения были нежны. Однако сейчас она видела его таким, каким он стал.

Каким он был.

Но что сказать о ней самой, когда она организовала падение валорианского корабля в руки врагов? Кестрел не могла в это поверить. Не могла поверить, что это, в некотором роде, было так легко. Валорианцы никогда не оказывались в западне. Они никогда не сдавались. Они были храбрыми, неистовыми, они скорее умрут, чем сдадутся в плен.

Ее лодка прекратила раскачиваться. Кестрел встала и уставилась на воду внизу. Когда она раньше этой ночью грозила, что убьет себя, она не думала о том, сможет ли сделать это на самом деле. Угроза была правильным ходом. Поэтому она высказала ее.

А затем Плут наступил на ее пальцы.

После смерти музыки не будет.

Она выбрала жизнь.

Теперь она стояла в лодке и знала, что если врежется в воду с этой высоты, то что-нибудь обязательно сломается, и, не имея возможности использовать свои связанные руки, она быстро пойдет ко дну.

Что бы выбрал для нее отец? Достойную смерть или жизнь в качестве добычи Арина? Кестрел закрыла глаза и представила себе, какое выражение приняло бы лицо генерала, увидев он, как она сдалась Плуту, увидев он ее сейчас.

Сможет ли она найти способ бежать в столицу? Стоит ли оставаться в живых, чтобы увидеть Джесс, если ее подруга все равно умрет?

Кестрел слушала плеск волн о борта корабля и крики борьбы и смерти. Она вспомнила, как ее сердце, столь скрытное, развернулось, подобно свитку, когда Арин поцеловал ее. Оно раскрылось.

Если ее сердце и в самом деле было свитком, она сможет сжечь его. Оно станет вспышкой пламени и горстью пепла. Тайны, которые она заключила в себе, исчезнут. Никто ничего не узнает.

Если бы отец знал, он бы выбрал для Кестрел воды.

Но она не могла. В конечном итоге не хитрость не позволила ей прыгнуть, и не решимость. Это был прозрачный страх.

Она не хотела умирать. Арин был прав. Она всегда играла до конца.

Внезапно Кестрел услышала его голос. Она открыла глаза. Он кричал. Кричал ее имя. Он пробирался через людей, прокладывая себе путь между грот-мачтой и ограждением возле шлюпки. Кестрел увидела в его глазах зеркальное отражение того страха, который испытала перед водой.

Кестрел собралась с силами и прыгнула на палубу.

Ее ступни ударили по доскам, и по инерции она завалилась вперед. Однако занятия с Раксом научили ее, как защищать кисти рук. Она прижала их к себе, придавливая к груди узлы, которые связывали запястья, и упала на плечо, а затем перекатилась.

Арин поднял ее на ноги. И хотя он видел, как она приняла решение, не мог не видеть его пламени на ее лице, он встряхнул ее. Он продолжал повторять слова, которые кричал, когда бежал к шлюпке:

— Нет, Кестрел. Нет.

Он взял ее лицо в свои руки.

— Не прикасайся ко мне, — сказала она.

Руки Арина упали.

— О, боги, — хрипло произнес он.

— Да, как неудачно было бы для тебя, если бы ты утратил свой козырь для торга с генералом. Но не бойся. — Кестрел горько усмехнулась. — Судя по всему, я — трусиха.

Арин покачал головой.

— Решиться жить дальше гораздо сложнее.

Да. Так и было. Кестрел знала, что ни сегодня, ни в ближайшее время выхода не найдет.

Ее план сработал великолепно. Сейчас захваченный корабль разворачивал свои орудия к двухпалубнику, у которого ждали геранцы, готовые броситься на моряков, как только те будут отвлечены неожиданным пушечным огнем. Когда это судно падет в руки Арина, за ним последуют все остальные в гавани.

Начался дождь. Острые, ледяные струи. Кестрел не дрожала, хотя и знала, что должна, если не от холода, то от предчувствия. Она выбрала жизнь, и ей следовало бы опасаться, что будет значить жизнь в этом новом мире.

Кестрел отвели в приемный зал дома Айрекса — нет, дома Арина. Со стен ей подмигивало валорианское оружие, спрашивая, почему она не сбила с ног ближайшего охранника и не схватилась за рукоять одного из клинков. Даже со связанными руками она могла причинить вред.

Арин первым вошел в дом. Он вышагивал впереди спиной к Кестрел. Его нетерпеливые движения показывали, что он находится во власти эмоций. Его будет легко застать врасплох. Кинжал между лопаток.

Однако Кестрел не шевельнулась.

Она сказала себе, что у нее есть план и этот план не включает ее смерть, которая станет логичным исходом, если она убьет Арина.

Геранцы толкнули ее вперед по коридору.

В атриуме у фонтана ждала темноволосая девушка. Как только она увидела Арина, ее лицо наполнилось светом и слезами. Арин почти бегом преодолел короткое расстояние между ними и заключил ее в объятиях.

— Сестра или любовница? — спросила Кестрел.

Девушка подняла глаза. Ее лицо ожесточилось. Она отстранилась от Арина.

— Что?

— Ты — его сестра или любовница?

Девушка подошла к Кестрел и дала ей пощечину.

— Сарсин!

Арин оттянул ее назад.

— Его сестра мертва, — сказала Сарсин. — И надеюсь, что ты будешь страдать столько же, сколько страдала она.

Кестрел подняла пальцы к щеке, чтобы успокоить боль — и прикрыть связанными в запястьях руками улыбку. Она вспомнила синяки, которыми был покрыт Арин, когда она покупала его. Вспомнила его мрачную непокорность. Кестрел никогда не могла понять, почему рабы нарывались на наказания. Но как же сладко было испытать струю силы, пусть слабую, когда ладонь хлестнула ее по лицу. Осознать, несмотря на боль, что в течение мгновения ситуацию контролировала она.

— Сарсин — моя кузина, — сказал Арин. — Я не видел ее много лет. После войны ее продали как домашнюю рабыню. Я был рабочим, поэтому...

— Мне все равно, — прервала его Кестрел.

Он встретился с ней взглядом. Его затененные глаза были цвета морской воды зимой — того цвета, который увидела Кестрел, когда смотрела из лодки вниз и гадала, каково это — утонуть.

Арин разорвал взгляд и сказал своей кузине:

— Я хочу, чтобы ты была ее смотрительницей. Отведи ее в восточное крыло, отдай в ее распоряжение апартаменты...

— Арин! Ты сошел с ума?

— Забери все, что можно использовать как оружие. Дверь наружу должна быть постоянно закрыта. Позаботься, чтобы она ни в чем не нуждалась, но помни, что она — пленница.

— В восточном крыле.

В голосе Сарсин сочилось презрение.

— Она — дочь генерала.

— О, я знаю.

— Политическая арестантка, — сказал Арин. — Мы должны быть лучше валорианцев.

Мы стоим выше, чем дикари.

— Ты в самом деле думаешь, что, если будешь держать свою птичку с подрезанными крылышками в роскошной клетке, это изменит мнение валорианцев о нас?

— Это изменит наше собственное мнение о себе.

— Нет, Арин. Это изменит всеобщее мнение о тебе.

Он покачал головой.

— Она — моя, и я могу поступать с ней так, как считаю нужным.

Среди геранцев прошло неловкое шевеление. Сердце Кестрел екнуло. Она все время пыталась забыть, что это значило — принадлежать Арину. Он с твердостью притянул ее к себе, и ее сапоги со скрипом подошв протащились по плиткам. Взмахом ножа Арин разрезал путы на ее запястьях, и звук падения кожаных ремней на пол разнесся по атриуму неожиданно громко — почти так же громко, как приглушенные возражения Сарсин.

Арин выпустил Кестрел.

— Пожалуйста, Сарсин. Отведи ее.

Его кузина с изумлением на него уставилась. В конце концов она кивнула, однако выражение ее лица ясно дало понять: она считала, что Арин увлекся чем-то, что приведет к разрушительным последствиям.

— Иди за мной, — сказала она Кестрел и пошла прочь из атриума.

Они не успели уйти далеко, когда Кестрел поняла, что Арин, должно быть, вернулся в приемную залу. Она услышала звуки того, как сдираемое со стен оружие падало на пол.

Резкий грохот отдавался эхом по всему дому.

Различные покои располагались вокруг центральной части апартаментов — спальней комнаты, затишного места, окрашенного серым светом приближавшегося утра, льющим через окна. Покои обладали изяществом жемчуга: гладкостью и чистотой. Цвета были приглушены, однако из того, что когда-то давно говорил ей Арин, Кестрел знала: у каждого цвета есть свое значение. Несмотря на вычурную валорианскую мебель, это были апартаменты геранской аристократки.

Сарсин ничего не сказала, а лишь приподняла край фартука своего одеяния служанки. Она начала собирать в подол зеркала, колпачок для тушения свеч, тяжелую мраморную чернильницу... Предметы переполнили подол и грозили прорвать ткань.

— Принеси ведро, — сказала Кестрел, — или сундук.

Сарсин бросила на нее яростный взгляд, потому что обе знали: ей пришлось бы сделать именно это. В покоях было слишком много вещей, которые в умелых руках могли превратиться в оружие. Кестрел с отчаянием наблюдала, как они исчезают, но была рада, что выглядело все по крайней мере так, будто она отдала приказ и Сарсин подчинилась.

Сарсин подошла к наружной двери и позвала на помощь. Скоро геранцы начали выносить из комнат кочерги. Медный кувшин. Часы с заостренными часовой и минутной стрелками.

Кестрел смотрела, как это все покидает апартаменты. Очевидно, Сарсин видела в

предметах быта столько же угроз, сколько Кестрел. Неважно. Кестрел всегда сможет отвинтить от одного из столов ножку.

Но для того, чтобы бежать, ей понадобится нечто большее, чем оружие. Покои располагались слишком высоко над землей, чтобы выпрыгнуть из окна. В остальную часть дома вела только одна комната и одна дверь — которая имела весьма внушительного вида замок.

Когда геранцы вышли и оставили Кестрел наедине с Сарсин, Кестрел сказала:
— Погоди.

Сарсин не опустила толстый ключ, который держала в руке.

— Я должна увидеть подругу, — сказала Кестрел.

— Дни твоих визитов в свет окончены.

— Арин пообещал. — В горле Кестрел встал комок. — Моя подруга больна. Арин сказал, что я смогу ее навестить.

— Мне он ничего об этом не говорил.

Сарсин закрыла за собой дверь, и Кестрел не стала умолять. Она не хотела доставлять геранке удовольствие и показывать, насколько ее ранил звук повернувшегося в замке ключа и вставшего на место засова.

— Что, по-твоему, ты делаешь, Арин?

Сонно потирая глаза, он поднял взгляд на Сарсин. Он заснул в кресле. Стояло утро.

— Я не мог заснуть в своих прежних комнатах. По крайней мере здесь, в покоях Этты...

— Я говорю не о твоём выборе спальни комнаты, хотя не могу не заметить, что она очень кстати располагается вблизи восточного крыла.

Арин вздрогнул. Полагалось, что есть только одна причина, по которой мужчина оставляет побежденную женщину своей пленницей.

— Это не то, чем кажется.

— Ах, да? Слишком много людей слышали, как ты назвал ее военной добычей.

— Это неправда.

Сарсин вскинула руки в воздух.

— Тогда почему ты это сказал?

— Потому что не мог придумать другого способа спасти ее!

Сарсин замерла. Затем она наклонилась над Арином и потрясла его за плечо, будто пробуждая от кошмара.

— Ты? Спасти валорианку?

Арин поймал ее руку.

— Пожалуйста, послушай.

— Я буду слушать, как только ты скажешь что-то, что я смогу понять.

— Я делал за тебя уроки, когда мы были детьми.

— И?

— Я сказал Анирэ заткнуться, когда она пошутила над твоим носом. Помнишь? Она толкнула меня на пол.

— Твоя сестра была слишком красива для своего же блага. Но все это было давным-давно. К чему ты клонишь?

Теперь Арин держал обе ее руки.

— У нас есть кое-что общее, но, возможно, это ненадолго. Валорианцы придут. Город

будет осажден. — Он не мог подобрать слов. — Ради богов, просто послушай.

— О, Арин. Ты ничему не научился? Боги тебя не услышат. — Она вздохнула. — Но я — услышу.

Он рассказал ей о том дне, когда был продан Кестрел, и о каждом последовавшем. Он ничего не утаил.

К тому времени как Арин закончил, лицо Сарсин изменилось.

— Ты по-прежнему глуп, — сказала она, однако нежно.

— Да, — прошептал он.

— Что ты собираешься с ней делать?

Арин беспомощно откинул голову на резную спинку кресла отца.

— Я не знаю.

— Она требовала встречи с больной подругой. Сказала, ты дал ей обещание.

— Да, но я не могу его исполнить.

— Почему?

— Кестрел ненавидит меня, но по-прежнему разговаривает. Как только она увидит Джесс... она больше никогда со мной не заговорит.

Кестрел сидела в солнечной комнате. Терраса была полна тепла, комнатных растений в горшках и их минерального, почти молочного запаха. Над горизонтом уже высоко поднялось солнце. Оно сожгло капли, оставшиеся на траве после ночного дождя, который потушил городские пожары. Из самого южного окна апартаментов Кестрел наблюдала, как пламя гасло.

Это была долгая ночь, долгое утро. Но Кестрел не хотела спать.

Ее взгляд упал на одно из растений. Геранцы называли его девичьим шипом. Оно было большим и с толстым стеблем и, должно быть, пережило войну. Его листья казались цветами, потому что их зелень в солнечном свете стала сверкающей краснотой.

Вопреки себе самой, Кестрел подумала о поцелуе Арина. О том, как его губы зажгли в ней огонь и превратили ее из простого листочка в пламя.

Кестрел открыла дверь террасы и вышла в расположенный на крыше сад, огражденный высокими стенами. Она вдохнула прохладный воздух. Все здесь было мертво. Веера коричневых листьев. Стебли, которые ломаются от первого прикосновения. На земле узорами в виде птичьих яиц были выложены серые, голубые и белые камни.

Кестрел провела руками по холодным стенам. На них не было никаких выступов или неровностей, ничего, что могло бы стать опорой для ее ступней или того, за что могли бы зацепиться пальцы рук. В дальней стене была дверь, но куда она ведет, Кестрел, вероятно, никогда не узнает. Дверь не открывалась.

Кестрел стояла в размышлениях. Она с силой закусывала губы. Затем вернулась в солнечную комнату и вынесла в сад девичий шип.

Она разбила горшок о камни.

Перевалило за полдень. Кестрел смотрела, как свет снаружи стал желтым. Пришла Сарсин и увидела осколки горшков в саду. Она собрала керамические черепки и прислала группу геранцев, которые обшарили апартаменты в поисках других.

Кестрел позаботилась о том, чтобы припрятать несколько неприятного вида осколков в тех местах, где они будут найдены. Но лучший — тот, который мог перерезать горло с

легкостью ножа, — она вывесила за окно. Она привязала к нему полоску ткани и спустила его в густой плющ, который полз по стене купальни, а затем закрыла окно, зажав между рамой и подоконником другой конец веревки.

Осколок не был обнаружен, и Кестрел снова оставили в одиночестве.

В глазах у нее зудело, а кости превратились в свинец, но она отказывалась поддаться сну.

В конце концов она сделала то, чего боялась. Попыталась расплести волосы. Она дергала за косы и извергала проклятия, когда они запутывались в узлы. Боль не позволяла ей заснуть.

Как и стыд. Она вспомнила, как руки Арина погружались в ее волосы, как скользил его палец позади ее уха.

Вернулась Сарсин.

— Принеси мне ножницы, — сказала Кестрел.

— Ты знаешь, что я не стану этого делать.

— Потому что боишься, что я убью тебя ими?

Девушка не ответила. Кестрел подняла на нее взгляд. Молчание и то, как на лице Сарсин появилось задумчивое, любопытное выражение, удивило ее.

— Тогда обрежь их, — сказала Кестрел. Она бы обрезала волосы сама с помощью спрятанного среди плюща осколка, но это привело бы к вопросам.

— Ты — светская леди и еще можешь пожалеть, если острижешь волосы.

Кестрел ощутила волну усталости.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я не в силах их терпеть.

Сон Арина был прерывистым, и, пробудившись, он не сразу понял, что спал в комнатах отца. Однако, несмотря ни на что, он был рад, что находится здесь. Возможно, это не место, а радость сбивала его с толку. Она была малознакомым чувством. Старым и как будто окостеневшим, словно суставы, которые было больно сгибать.

Он провел рукой по лицу и поднялся на ноги. Пора идти. Плут не станет выражать недовольство по поводу того, что Арин вернулся в свой дом, однако необходимо было составить планы.

Он спускался по лестнице западного крыла, когда увидел на нижнем этаже Сарсин. Она выходила из восточного крыла с корзинкой в руках. Арин остановился.

Казалось, будто ее корзинка полна пряденого золота.

Арин прыжками преодолел оставшиеся ступени. Он решительно подошел к своей кухне и сжал ее руку.

— Арин!

— Что ты сделала?

Сарсин вырвалась.

— То, что она хотела. Держи себя в руках!

Но Арин видел Кестрел такой, какой она была вечером перед балом. Как ее волосы лежали в его ладонях копной приглушенного света. Он вплетал в ее косы страсть, хотел, чтобы она почувствовала это, хоть и боялся. Он встретился с ней взглядом в зеркале и не мог понять, не мог прочесть ее чувств. Он ощущал лишь собственное пламя.

— Это просто волосы, — сказала Сарсин. — Они отрастут.

— Да, — ответил Арин. — Но не все можно вернуть.

День перешел в вечер. После Зимнего бала прошли уже почти сутки, а с того времени, как Кестрел спала, — еще дольше. Девушка не отрывала глаз от наружной двери своих покоев.

Арин открыл ее. Затем он отступил назад и втянул в себя воздух, будто Кестрел застала его врасплох. Его рука сжалась на дверной раме, и он уставился на девушку широко распахнутыми глазами. Однако он ничего не сказал насчет того, что на Кестрел все еще был ее черный дуэльный костюм. Он не упомянул о неровных волосах, которые теперь доставали лишь до плеч.

— Ты должна идти со мной, — сказал он.

— Чтобы увидеться с Джесс?

Его губы сжались.

— Нет.

— Ты говорил, что отведешь меня к ней. Очевидно, такой вещи, как геранская честь, не существует.

— Я отведу тебя к ней, как только смогу. Сейчас не получится.

— Когда?

— Кестрел, Плут здесь. Он хочет увидеть тебя.

Ее ладони сжались в кулаки.

Арин произнес:

— Я не могу ему отказать.

— Потому что ты — трус.

— Потому что, если я это сделаю, тебе же будет хуже.

Кестрел подняла подбородок.

— Я пойду с тобой, — сказала она, — если ты никогда не будешь притворяться, будто действуешь в моих интересах.

Арин не стал говорить об очевидном: выбора у Кестрел не было. Он просто кивнул.

— Будь осторожна, — сказал он.

Плут был одет в валорианский камзол, который, без сомнений, Кестрел видела вчера на губернаторе. Мужчина сидел справа от места во главе обеденного стола, но встал, когда вошли Кестрел и Арин. Он приблизился.

Его глаза задержались на Кестрел.

— Арин, твоя рабыня выглядит совершенно дико.

Из-за недостатка сна ее мысли были разрозненными и сверкающими, подобно осколкам зеркала, подвешенным на веревочках. Слова Плута крутились в ее сознании. Арин рядом напрягся.

— Без обид, — сказал ему Плут. — Это был комплимент твоему вкусу.

— Чего ты хочешь, Плут? — спросил Арин.

Мужчина погладил пальцем нижнюю губу.

— Вина. — Он поглядел прямо на Кестрел. — Принеси вина.

Сам приказ был не важен. Имело значение лишь то, что за ним стояло: это был первый приказ из многих и в конечном итоге они все означали только одно требование — подчинения.

Единственным, что не позволило мыслям Кестрел отразиться на ее лице, было

осознание: Плуту доставит удовольствие любое сопротивление. Однако она не могла заставить себя сдвинуться с места.

— Я принесу вино, — сказал Арин.

— Нет, — возразила Кестрел. Она не хотела оставаться с Плутом наедине. — Я схожу.

На одно неуверенное мгновение Арин неловко замер. Затем он подошел к двери и жестом пригласил в комнату девочку-геранку.

— Пожалуйста, проводи Кестрел в винный погреб и затем вернись с ней обратно сюда.

— Выбирай хороший урожай, — сказал Плут Кестрел. — Ты сможешь отличить лучший сорт.

Пока она покидала комнату, его блестящие глаза следили за ней.

Она вернулась с бутылкой отчетливо промаркированного валорианского вина урожая того года, когда произошла Геранская война. Кестрел поставила бутылку на стол перед двумя мужчинами. Сжав челюсти, Арин слегка покачал головой. Улыбка Плута пропала.

— Это было лучшее, — сказала Кестрел.

— Лей.

Плут толкнул к ней свой бокал. Кестрел сняла пробку и наклонила бутылку — и продолжала лить, даже когда красное вино перелилось через кромку бокала и растеклось по столу и на колени Плута.

Мужчина вскочил на ноги, стряхивая вино со своей великолепной краденой одежды.

— Черт тебя побери!

— Ты сказал лить. Не говорил, когда я должна остановиться.

Кестрел не знала, что произошло бы дальше, если бы Арин не вмешался.

— Плут, — сказал он, — я хочу попросить тебя прекратить играть в игры с тем, что принадлежит мне.

С почти тревожащей быстротой ярость Плута исчезла. Оставшись в простой тунике, он снял свой запятнанный камзол и воспользовался им, чтобы промокнуть вино.

— Там, откуда я взял это, еще полно одежды. — Он отбросил камзол в сторону. — Особенно учитывая, сколько людей погибло. Почему бы нам не заняться делом?

— С превеликим удовольствием, — ответил Арин.

— Только послушай его, — дружеским голосом сказал Плут Кестрел. — Так быстро вернулся к своим светским манерам. Арин никогда не был из простых людей. Не то, что я. — Кестрел промолчала, и Плут продолжил: — У меня для тебя есть небольшое поручение, моя девочка. Я хочу, чтобы ты написала письмо отцу.

— Как я понимаю, я должна сказать ему, что все хорошо, чтобы вы могли сохранить свою революцию в тайне как можно дольше.

— Ты должна радоваться. Подобные письма с ложными сведениями сохраняют жизнь таким валорианцам, как ты. Если хочешь жить, от тебя должна быть какая-то польза. Хотя мне кажется, что у тебя нет желания быть полезной нам. Помни: чтобы написать письмо, все пальцы тебе не нужны. Хватит и трех на одной руке.

Дыхание Арина превратилось в свист.

— Чтобы на страницах остались пятна моей крови? — холодно спросила Кестрел. — Едва ли это убедит генерала, что я в полном здравии. — Когда Плут начал отвечать, Кестрел перебила его. — Да, я не сомневаюсь, что у тебя есть длинный список изобретательных угроз, который ты с удовольствием озвучишь. Не стоит утруждать себя. Я напишу письмо.

— Нет, — сказал Арин. — Ты перенесешь на бумагу мои слова. Я буду диктовать. Иначе

ты придумаешь какой-то зашифрованный способ предупредить отца.

Сердце Кестрел дрогнуло. Именно таким был ее замысел.

Перед ней появились бумага и чернила.

Арин начал:

— Дорогой отец.

Ее перо дернулось. Внезапная боль в горле заставила Кестрел задержать дыхание. Но она решила, что так даже лучше, если буквы будут неровными и вихляющими. Отец поймет по ее почерку, что что-то не так.

— Бал прошел лучше, чем можно было ожидать, — продолжил Арин. — Ронан попросил моей руки, и я согласилась. — Он помедлил. — Эта новость, должно быть, разочарует тебя, но тебе придется приносить славу армии империи за нас обоих. Я знаю, что так и будет. Я также знаю, что ты не удивлен. Я ясно дала тебе понять мои чувства по поводу военной жизни. И симпатия Ронана была заметна уже в течение некоторого времени.

Кестрел подняла кончик пера, гадая, когда Арин понял что-то, что она так долго отказывалась увидеть. Где сейчас Ронан? Он презирает ее с той же силой, с какой она сама презирает себя?

— Порадуйся за меня, — сказал Арин. Кестрел не сразу поняла, что эти слова тоже должна была записать. — Теперь подпись.

Именно такое письмо Кестрел написала бы при нормальных обстоятельствах. Она ощутила, насколько глубоко подвела отца. Арин знал ее мысли, ее чувства, ее манеру говорить с кем-то, кого она любила. А она не знала его совершенно.

Арин взял письмо и проглядел его.

— Еще раз. Теперь — аккуратно.

Он был удовлетворен только тогда, когда она написала несколько копий. Почерк конечного письма был твердым.

— Хорошо, — сказал Плут. — И последнее.

Кестрел устало пыталась стереть с пальцев чернила. Она могла бы заснуть. Она очень хотела. Сон был слеп, он был глух, он унесет ее прочь из этой комнаты и от этих людей.

Плут произнес:

— Скажи нам, как скоро прибудет пополнение войск.

— Нет.

— Сейчас я могу начать озвучивать свои изобретательный угрозы.

— Кестрел скажет нам, — произнес Арин. — Она увидит мудрость этого.

Плут приподнял брови.

— Она скажет нам, как только увидит, что мы можем сделать с ее народом. — Лицо Арина пыталось донести до Кестрел что-то, чего он не мог произнести вслух. Кестрел сосредоточилась и поняла, что уже видела в его глазах такое выражение. Это был осторожный блеск, с которым Арин заключал сделку. — Я отвезу ее во дворец губернатора, где она увидит мертвых и умирающих. Она увидит своих друзей.

Джесс.

— Не провоцируй Плу́та, — сказал Арин, когда они вышли из экипажа и ступили на пыльную тропу, которая вела ко дворцу губернатора. Дворец показался Кестрел зловещим: его впечатляющий фасад был таким же, как вчера, однако свет горел лишь в некоторых окнах.

— Кестрел, ты меня слышишь? Не пытайся с ним играть.

— Он сам начал.

— Вопрос не в этом. — Гравий шуршал под подошвами Арина, который решительно шел по тропе. — Неужели ты не понимаешь, что он хочет твоей смерти? Он ухватится за любую возможность, — сказал Арин почти самому себе. Он держал руки в карманах. Опустив голову, он вышагивал своими длинными ногами быстрее, чем успевала Кестрел. — Я не могу... Кестрел, ты должна понять, что я никогда не посмею притронуться к тебе. То, что я назвал тебя добычей — своей добычей, — было всего лишь словами. Однако это сработало. Плут не причинит тебе вреда, я клянусь, но ты должна... немного замаскироваться. Где-то помочь. Просто скажи нам, сколько времени осталось до битвы. Предоставь ему причину поверить, что от тебя живой пользы больше. Проглоти свою гордость.

— Может, для меня это не так просто, как для тебя.

Он обернулся к ней.

— Для меня это не просто, — сказал он сквозь зубы. — Ты знаешь, что не просто. Представь, сколько мне пришлось проглотить за последние десять лет! Что мне приходилось делать, чтобы выжить!

Они остановились перед входом во дворец.

— На самом деле, — произнесла Кестрел, — мне совершенно неинтересно. Можешь рассказать свою печальную историю кому-нибудь другому.

Он вздрогнул, будто она дала ему пощечину. Его голос прозвучал тихо:

— Ты умеешь заставлять людей чувствовать себя такими незначительными.

Кестрел ощутила жар стыда, а затем постыдилась этого. Кто он такой, что она должна просить прощения? Он использовал ее. Лгал. Ничего из сказанного им не имело значения. Если она и должна стыдиться, то только того, что ее было так легко обмануть.

Арин медленно запустил пальцы в свои короткие волосы. Его ярость спала, сменилась чем-то более тяжким. Он не смотрел на Кестрел. От его дыхания в холодном воздухе образовывались облачка пара.

— Делай со мной, что пожелаешь. Говори что угодно. Но меня пугает то, как ты отказываешься замечать опасность своих игр с остальными. Может быть, сейчас ты поймешь.

Он открыл двери губернаторского дворца.

Сначала по ней ударил запах. Крови и гниющей плоти. Он прорвался в ее желудок. Кестрел с трудом удавалось сдерживать рвотные позывы.

Приемная зала была завалена телами. Леди Нерил лежала лицом вниз почти в том же самом месте, где стояла в ночь бала, приветствуя гостей. Кестрел узнала ее по зажатому в ее руке шарфу из яркой, блестящей в свете факелов ткани. Мертвых насчитывались сотни. Кестрел увидела капитана Венсана, леди Фарис, Сенатора Никона с семьей, Беникса...

Кестрел опустилась на колени рядом с ним. Его большая ладонь на ощупь была как холодная глина. Кестрел чувствовала, как на его одежду капали ее слезы. Они росой легли на его кожу.

Арин тихо сказал:

— Его похоронят сегодня вместе с остальными.

— Его нужно сжечь. Мы сжигаем своих погибших.

Кестрел не могла больше смотреть на Беникса, но подняться на ноги ей тоже не удавалось.

Арин нежно прикоснулся к ней и помог встать.

— Я позабочусь, чтобы все было сделано правильно.

Кестрел заставила свои ноги шевелиться, идти мимо тел, сваленных, подобно отходам. Она подумала, что, должно быть заснула и видит кошмар.

Она помедлила при виде Айрекса. Его рот был в фиолетовых пятнах, проявившихся от яда, но на боку зияли влажные порезы и последний — на горле. Даже отравленный, он сражался.

Ее глаза снова наполнились слезами.

Рука, которой Арин поддерживал ее, сжалась. Он потянул Кестрел прочь от Айрекса.

— Не смей оплакивать его. Если бы он не был мертв, я бы убил его сам.

*

Больные лежали на полу танцевальной залы. Здесь запах был еще хуже: рвотных масс и человеческих испражнений. Между импровизированных матрасов расхаживали геранцы. Они вытирали лица влажной тканью, выносили подкладные судна. Было странно видеть, как они по-прежнему, будто невольники, выполняют свою работу, видеть жалость в их глазах и знать, что лишь эта жалость заставляет их ухаживать за людьми, которых они сами пытались уничтожить.

Один из геранцев поднял взгляд, заметил Кестрел и начал задавать Арину вопросы, но Кестрел ничего не слышала. Она отошла в сторону. В спешке спотыкаясь, она пробиралась мимо матрасов, высматривая большие карие глаза, вздернутый нос, небольшой рот.

Кестрел едва узнала ее. Губы Джесс стали фиолетовыми, а веки распухли и не поднимались. Она по-прежнему была в бальном платье, воздушном зеленом туалете, который теперь казался на ней ужасно неуместным.

— Джесс, — позвала Кестрел. — Джесс.

Дыхание девушки прервалось, а затем превратилось в свист. Это был единственный признак того, что она в сознании.

Кестрел нашла глазами Арину. Он стоял у противоположной стены и не встречался с ней взглядом.

Кестрел решительно подошла к нему. Схватила за руку. Потянула к своей подруге.

— Что это? — требовательно спросила она. — Какой яд вы использовали?

— Я не...

— Это было что-то, что вы легко могли достать, возможно, в сельской местности. Какое-то растение?

— Кестрел...

— Вы могли собрать его много месяцев назад, высушить и сделать порошок. Он должен

был быть бесцветным, чтобы подмешать его в охлажденное вино. — Кестрел быстро перебирала в памяти все, что говорила ей когда-либо о местных растениях Инэй. — Симберри? Нет, она бы не подействовала так быстро...

— Это был ночной локон.

— Я не знаю, что это.

— Собираемый весной корень, высушенный на солнце и истолченный в порошок.

— Значит, есть противоядие, — убежденно сказала Кестрел, хоть Арин ни о чем подобном не говорил.

Арин помолчал несколько мгновений, перед тем как ответить:

— Нет.

— Да, оно есть! Геранцы были лучшими врачевателями в мире. Вы бы никогда не позволили существовать яду, не найдя к нему противоядие.

— Противоядия нет... только кое-что, что может помочь.

— Тогда вы должны давать это им!

Арин взял Кестрел за плечи и развернул ее, чтобы она не смотрела на ряды матрасов.

— У нас его нет. Никем не планировалось, что будут выжившие. Растение, которое нам требуется, нужно собирать осенью. Сейчас зима. Ничего не осталось.

— Нет, оно должно было остаться. Снега еще нет. Мороза — тоже. Большинство растений до первых заморозков не погибают. Так говорила Инэй.

— Верно, но...

— Ты найдешь его.

Арин промолчал.

— Помоги ей. — Голос Кестрел надломился. — Пожалуйста.

— Это нежные растения. Они могли все погибнуть от холода, и я не уверен, что смогу...

— Пообещай мне, что постарайся, — сказала Кестрел, будто не клялась себе, что его обещания ничего не стоят.

— Я постараюсь, — ответил Арин. — Обещаю.

*

Он настоял на том, чтобы сначала отвезти ее к себе домой.

— Я могу отправиться в горы с тобой, — сказала Кестрел. — Я тоже могу искать.

Он одарил ее сухой улыбкой.

— Не ты проводила ребенком часы за книгами по ботанике, гадая, почему у одного вида деревьев листья четырехпальчатые, а у другого — шести.

Равномерное покачивание экипажа убаюкивало Кестрел. Часы потерянного сна заставили ее веки отяжелеть. Она с трудом держала глаза открытыми. За окном сумерки передали права ночи.

— У вас меньше трех дней, — пробормотала Кестрел.

— Что?

— Перед тем, как прибудет пополнение войск.

Когда Арин промолчал, Кестрел озвучила то, что он, должно быть, думал.

— Наверное, сейчас для тебя не самое подходящее время рыскать в горах в поисках какого-то растения.

— Я обещал, что поищу. Я сделаю это.

Глаза Кестрел закрылись. Она то погружалась в сон, то просыпалась. Когда Арин снова заговорил, она не знала, понимает ли он, что она слышит его, или нет.

— Я помню, как ехал однажды с мамой в карете. — Последовала долгая пауза. Затем снова послышался тот медленный и плавный голос, который выказывал в Арине певца. — В этом воспоминании я — маленький и хочу спать, а мама делает что-то странное. Каждый раз, когда карета поворачивает к солнцу, она поднимает руку, будто тянется к чему-то. В солнечном свете на ее пальцах будто пляшут языки пламени. Затем карета въезжает в тень, и ее рука падает. Снова в окно светит солнце — снова поднимается ее рука. Она становится затмением.

Кестрел слушала, и ей казалось, что сама эта история — затмение, укрывающее ее темнотой.

— Как раз перед тем, как заснуть, — продолжил Арин, — я понял, что она затеняет мои глаза от солнца.

Кестрел услышала, как Арин шевельнулся, ощутила на себе его взгляд.

— Кестрел. — Она представила себе, как он сидит, наклонившись вперед. Как выглядит в свете фонаря экипажа. — В выживании нет ничего плохого. В чем-то небольшом можно опускать свою честь, до тех пор пока ты настороже. Ты можешь налить бокал вина, как надо, и смотреть, как мужчина пьет, а сама строить планы своей мести. — Возможно, сейчас его голова слегка наклонилась на бок. — Наверное, ты строишь планы даже во сне.

Последовало молчание длиной в улыбку.

— Строй замыслы, Кестрел. Выживай. Если бы я не выжил, некому было бы помнить мою маму так, как помню я.

Кестрел больше не могла сопротивляться сну. Он затащил ее в свои объятия.

— И я бы никогда не встретил тебя.

*

Кестрел смутно осознала, как ее поднимают. Она оплела руками чью-то шею и прислонила голову к его плечу. Она услышала вздох, но не была уверена, кому он принадлежал: ей или ему.

По плавному раскачиванию Кестрел поняла, что ее несут вверх по лестнице. Затем ее опустили на что-то мягкое. С ее ног сняли обувь. Потом Кестрел до подбородка накрыли толстым одеялом. Кто-то пробормотал геранское благословение на сон. Инэй? Кестрел нахмурилась. Нет, по голосу это была не Инэй, но кто мог сказать такие слова, кроме ее няни?

А затем ладонь, лежавшая на ее лбу, поднялась. Кестрел решила, что разберется с этой загадкой позже.

Она спала.

*

Копыто лошади сорвалось на груде небольших обломков. Животное споткнулось, а затем расставило копыта и восстановило равновесие, и Арин сумел удержаться в седле.

Он мрачно подумал, что спускаться по этой тропе будет еще сложнее. Арин провел в поисках почти целый день. Та слабая надежда найти растение, которая в нем до сих пор

теплилась, померкла.

Наконец, он спешился. Серо-коричневый склон горы был гол, на нем не росло деревьев, и впереди Арин увидел предательский проход, через который десять лет назад страну заплонили валорианцы. Арин заметил блеск металла — оружие охраняющих перевал геранца или геранки, которые были одеты в сливающийся с местностью наряд.

Арин скользнул за выступ скалы, потянув за собой свою лошадь. Он закрепил поводья в щели между двумя валунами. Не стоит, чтобы его или его лошадь увидели.

Ему следовало быть наверху и охранять проход или, по крайней мере, делать что-то еще, чтобы сохранить свою страну.

Свою. Эта мысль никогда не переставала будоражить его. Это стоило смерти. Снова стать человеком, которым он был до Геранской войны, стоило чего угодно. Однако сейчас он находился здесь и играл с судьбой, сделав ставку на столь малую вероятность успеха.

Он искал растение.

Арин представил себе реакцию Плути, если бы тот сейчас увидел, как он обшаривает землю в поисках бледного зеленого побега. От насмешек Арин сможет отмахнуться, а ярость — пережить, даже понять. Однако он не мог вынести того, что стояло перед его мысленным взором.

Как глаза Плути обращаются на Кестрел. Как нацеливаются на нее и находят еще одну причину для ненависти.

И чем больше Арин пытался защитить ее, тем сильнее становилась неприязнь Плути.

Замерзшие руки Арина сжались в кулаки. Он подышал на них, зажал пальцы под мышками и пошел вперед.

Ему следует отпустить ее. Позволить ей бежать в сельскую местность, на уединенные фермы, где ничего не знали о революции.

Но что потом? Кестрел предупредит отца. Она найдет способ. И тогда на полуостров обрушится вся военная мощь империи, в то время как Арин сомневался, что геранцы сумеют справиться даже с тем батальоном, который пройдет по перевалу не позднее, чем через два дня.

Отпустить Кестрел — то же самое, что и убить свой народ.

Арин наткнулся сапогом на камень и хотел пнуть его.

Но не стал, а продолжил идти.

Мысли изнурили его сознание, предлагая решения, за которыми скрывались лишь новые трудности, дразня его уверенностью, что он потеряет все те вещи, которые пытался сохранить.

А затем он нашел.

Арин увидел на островке земли ростки нужного растения. Их было так мало, и они были сморщенными, но Арин с бушующей надеждой сорвал их.

Он поднял глаза от своих грязных рук и увидел, что снова оказался в поле зрения горного перевала. От появившейся идеи у него перехватило дыхание.

Эта идея была так же мала, как листочки в руке Арина. Однако замысел стал расти, пустил корни, и Арин начал понимать, как разбить валорианское войско.

Он понял, как может победить.

Проснувшись в постели, Кестрел не хотела думать, как попала сюда.

А затем вчерашние события навалились на нее. В дом прокрался холод, а сумерки будто давили ей на плечи. Ее разум наполнили мысли об Арине, о Джесс.

Услышав, как в замке повернулся ключ, Кестрел вскочила на ноги и лишь тогда поняла, что до сих пор сидела, уставившись в никуда. Она прошла через покои и, наконец, оказалась перед последней дверью, которая отворилась.

Сарсин.

— Где Арин? — спросила она.

Лучше ничего не выдавать.

— Я не знаю.

— В том-то и проблема.

Молчание.

— Для тебя это проблема, — пояснила Сарсин, — потому что Плут здесь и требует увидеться с Арином, а так как местоположение моего нерадивого кузена неизвестно, Плут хочет поговорить вместо него с тобой.

Пульс Кестрел замедлился, как когда Ракс в прошлом готовил на нее какую-то стремительную атаку или когда отец задавал ей вопрос, на который она не знала ответа.

— Откажи ему.

Сарсин рассмеялась.

— Это твой фамильный дом, — произнесла Кестрел. — Плут — твой гость. Кто он такой, чтобы командовать тобой?

Сарсин покачала головой, однако полный сожаления изгиб ее губ показал, что она не винит Кестрел за попытку. Когда она заговорила, ее слова не звучали угрожающе, хотя Кестрел услышала в них отзвук чужой угрозы — того, что сказал Плут:

— Если ты не спустишься к нему вместе со мной, он придет сюда сам.

Кестрел окинула взглядом стены, подумав о том, как были расположены комнаты покоев, как они сводились внутрь, подобно раковине улитки, отчего создавалось впечатление, будто человек скрыт от мира в прекрасном уединенном месте.

Либо загнан в ловушку.

— Я спущусь, — сказала Кестрел.

*

Сарсин привела ее в атриум, где Плут сидел на мраморной скамейке у фонтана. Помещение освещалось факелами, и вода в фонтане переливалась красными и оранжевыми полосами.

— Я хочу поговорить с ней наедине, — сказал Плут Сарсин.

Та ответила:

— Арин...

— ...не является предводителем геранцев, каковым являюсь я.

— Мы еще посмотрим, надолго ли это, — сказала Кестрел и прикусила губу, что не укрылось от внимания Плути. Они оба знали, что это такое.

Ошибка.

— Все в порядке, — обратилась Кестрел к Сарсин. — Можешь идти. Иди.

Сарсин одарила ее полным сомнения взглядом и вышла.

Плут оперся локтями о колени и уставился на Кестрел. Он тщательно изучал девушку: ее длинные, свободно переплетенные пальцы, складки платья. В гардеробной ее покоев, вероятно, пока она спала, загадочным образом появились платья, и Кестрел радовалась этому. Дуэльный костюм сослужил ей хорошую службу, но в платье, подходящем для общества, Кестрел чувствовала себя готовой к сражениям другого рода.

— Где Арин? — спросил Плут.

— В горах.

— Что он там делает?

— Не знаю. Полагаю, что, поскольку валорианское пополнение прибудет через горный перевал, он оценивает достоинства и недостатки поля сражения.

Плут бросил ей ликующую ухмылку.

— Это не беспокоит тебя — быть предателем?

— Не вижу, в чем и кого я предала.

— Только что ты подтвердила, что войска придут через перевал. Спасибо.

— Едва ли стоит благодарностей, — ответила Кестрел. — Почти все подходящие корабли империи были отправлены на восток, а значит, другого пути в город нет. Это мог понять любой человек, у которого есть мозги, и именно поэтому Арин сейчас в горах, а ты — здесь.

На коже Плута начала выступать краснота. Он сказал:

— Мои ноги грязные.

Кестрел не имела ни малейшего понятия, как на это ответить.

— Помой их, — приказал Плут.

— Что?

Плут снял сапоги, вытянул ноги и отклонился на спинку скамейки.

Кестрел, которая и до этого стояла неподвижно, теперь окаменела.

— По геранской традиции хозяйка дома моет ноги особым гостям, — сказал Плут.

— Даже если подобная традиция существовала, она погибла десять лет назад. И я не хозяйка этого дома.

— Да, ты — рабыня. Ты сделаешь так, как я тебе велю.

Кестрел вспомнила, как Арин говорил, что можно поступаться собой в небольших вещах. Но имел ли он в виду это?

— Воспользуйся фонтаном, — сказал Плут.

Кестрел окатило яростью, но она не собиралась выказывать этого. Она присела на бортик фонтана, опустила туда ноги Плута и стала энергично тереть их, подобно тому, как стирали рабы. Если бы она была рабом, то, возможно, сумела бы притвориться, что моет что-то другое, но она никогда не занималась мытьем ничего, кроме собственного тела, поэтому не могла заставить себя поверить, будто ощущает под пальцами не кожу, плоть и кость.

Она испытывала отвращение.

Кестрел достала ноги Плута из фонтана и опустила их на плиточный пол.

Глаза Плута были полузакрыты, зрачки ярко блестели.

— Высуши их.

Кестрел поднялась.

— Ты никуда не уходишь, — сказал Плут.

— Мне нужно принести полотенце.

Кестрел радовалась предложению уйти отсюда, уйти куда угодно и не возвращаться.

— Твоя юбка подойдет.

Не выдать лицом свои чувства теперь было сложнее. Кестрел наклонилась и вытерла подолом платья ноги Плуто.

— А теперь смажь их маслом.

— У меня нет масла.

— Ты найдешь его под плиткой с изображением бога гостеприимства. — Плут указал на пол. — Нажми на край, и она поднимется.

В тайнике оказались склянки, покрытые десятилетней пылью.

— Они есть в каждом геранском доме, — сообщил Плут. — На твоей вилле — тоже. Вернее, на моей. Как видишь, тебе нет нужды оставаться здесь против воли. Ты можешь вернуться домой.

Кестрел нанесла масло на ступни Плуто и размазала его по шершавой коже.

— Нет. Мне там ничего не нужно.

Она почувствовала тяжесть взгляда на своей склоненной голове и руках, скользящих по его ногам.

— Ты делаешь это ради Арина?

— Нет.

— А что ты ради него делаешь?

Кестрел выпрямилась. Ее ладони были жирными. Она вытерла их о юбки, не заботясь о том, что брезгливость была по крайней мере одной из вещей, которые Плут хотел увидеть.

Зачем, зачем ему это?

Кестрел обернулась, чтобы уйти.

— Мы не закончили, — сказал Плут.

— Закончили, — ответила Кестрел. — Разве что ты хочешь увидеть, насколько хорошо отец научил меня драться без оружия. Я утоплю тебя в этом фонтане. Если не смогу, то буду кричать достаточно громко, чтобы привлечь внимание каждого геранца в этом доме и заставить их гадать, что за человек их предводитель, раз валорианская девушка так легко нарушила его самоконтроль.

Кестрел пошла прочь, а Плут не последовал за ней, хотя она чувствовала на себе его взгляд до тех пор, пока не завернула за угол. Она нашла кухни, самое людное место в доме, и некоторое время стояла у огня, прислушиваясь к лязгу котелков. Она не обращала внимания на удивленные взгляды.

А потом начала дрожать, от ярости в той же мере, что и от всего остального.

Рассказать Арину.

Кестрел отмахнулась от этой мысли. Чем Арин поможет?

Арин был черной шкатулкой, спрятанной под гладкой плиткой. Крышкой люка, открывшейся под Кестрел. Он был не тем, кем она его считала.

Возможно, Арин знал, что это или нечто подобное произойдет.

Возможно, он даже не стал бы возражать.

Арин метнулся через порог своего дома. Он пронесся по освещенным коридорам и резко остановился, когда увидел взгляд стоявшего у фонтана в атриуме Плута.

Внезапно Арин снова почувствовал себя двенадцатилетним мальчишкой, в ладони которого въелась белая пыль от того, как он работал на каменоломне не покладая рук, чтобы доказать этому мужчине свою силу.

— Я боялся, что мы разминемся, — сказал Арин. — Сначала я отправился на твою виллу, но мне сообщили, что ты уехал сюда.

— Где ты был?

Плут пребывал в недобром расположении духа.

— Разведывал горный перевал. — Когда при этих словах Плут нахмурился еще больше, Арин добавил: — Так как именно по нему, скорее всего, придут пополнения.

— Разумеется. Это очевидно.

— И я точно знаю, как мы должны с ними поступить.

По лицу Плута пробежал проблеск.

Арин послал за Сарсин и, когда та пришла, попросил ее привести Кестрел:

— Мне нужно ее мнение.

Сарсин замялась:

— Но...

Плут погрозил ей пальцем.

— Уверен, ты хорошо заправляешь этим домом, но разве ты не видишь, что твой кузен порывается рассказать нам план, который может спасти наши шкуры? Не стоит обременять его деталями быта вроде того, кто с кем повздорил или что твоя подопечная не настроена на общение. Просто приведи ее.

Сарсин ушла.

Арин взял из библиотеки карту и поспешил в обеденную залу, где ждали Плут, Кестрел и Сарсин. Последняя одарила Арина раздраженным взглядом, как бы говоря, что умывает руки, и вышла.

Арин развернул карту на столе и прижал ее углы камнями из своих карманов.

Кестрел сидела, вооруженная упрямым молчанием.

— Выкладывай свой план, парень, — сказал Плут, глядя только на Арина.

Арин ощутил вспышку возбуждения, подобного тому, какое испытывал давным-давно, когда они только начинали замышлять захват города.

— Мы уже вывели из строя валорианских стражников, которые караулили проход с нашей стороны. — Он прикоснулся к карте и провел пальцем по ленте перевала. — Теперь мы должны отправить небольшой отряд на другой конец прохода. Мы выберем тех мужчин и женщин, которые лучше остальных смогут притворяться валорианцами до последнего момента. Имперские стражники будут повержены. Некоторые из наших людей займут их место, другие спрячутся у подножий холмов, а через проход отправится гонец, который передаст сигнал нашим бойцам, стоящим наготове с черным порохом вот здесь, — Арин указал точку посередине перевала, — с обеих сторон. Нам понадобятся люди, которые знают горы и смогут вскарабкаться достаточно высоко, чтобы оказаться над валорианцами. Эти люди также должны будут быть готовы оказаться под градом лавины, которую могут

обрушить взрывы. Хватит четырех человек, по два с каждой стороны.

— Нам не хватит черного пороха, — сказал Плут. — Лучше приберечь его до самого вторжения.

— Если мы не воспользуемся черным порохом сейчас, то до вторжения не доживем. — Арин оперся ладонями о стол и наклонился над картой. — Большая половина наших сил, около двух тысяч человек, будет защищать наш конец перевала. В валорианском батальоне всегда насчитывается приблизительно одно и то же число воинов, поэтому...

— Всегда? — переспросил Плут.

Глаза Кестрел, которые постепенно прищуривались, пока Арин объяснял план, теперь стали щелочками.

— Ты много узнал, пока был рабом генерала, — одобрительно произнес Плут.

Подробности о валорианских войсках стали известны Арину вовсе не таким образом, но он сказал лишь:

— Оба войска, наше и их, будут приблизительно равны по численности, но не по опытности и вооружению. Мы окажемся слабее. Кроме того, у валорианцев будут лучники и арбалетчики. Однако они не станут тащить с собой тяжелые пушки, когда не планируют сражаться. Здесь у нас будет преимущество.

— Арин, у нас нет пушек.

— Есть. Нам надо лишь снять их с кораблей, которые мы захватили в гавани, и поднять в горы.

Плут широко раскрыл глаза, а затем стукнул Арина в плечо.

— Гениально.

Кестрел откинулась на спинку стула и сложила руки на груди.

— Как только весь батальон войдет в проход, — продолжил Арин, — и начнет выходить с нашей стороны, наши пушки выстрелят в передние ряды. Полная неожиданность.

— Неожиданность? — Плут покачал головой. — Валорианцы отправят вперед разведчиков. Как только те заметят пушки, они мгновенно насторожатся.

— Никто не увидит пушки, потому что наше оружие и люди будут замаскированы полотнами вот такого цвета. — Арин указал на бледные камни. — Подойдут пенька и мешковина с верфей, и мы можем снять простыни с валорианских постелей. Мы сольемся с окрестностями.

Плут расплылся в улыбке.

— Итак, наши пушки выстрелят по передним рядам, — сказал Арин, — которые будут состоять из кавалерии. Следует надеяться, что лошади запаникуют. Даже если нет, им все равно будет сложно удержаться на склоне. Тем временем посередине перевала взрываются бочки с черным порохом и обрушивают скалу, разделяя батальон на две части. Затем наши силы, ожидающие на той стороне, выходят из укрытия и быстро разбираются с первой половиной валорианского войска, которая окажется в ловушке и хаосе. Мы делаем то же самое со второй половиной. Победа наша.

Сначала Плут ничего не сказал, хотя его лицо говорило само за себя.

— Итак? — повернулся он к Кестрел. — Что ты думаешь?

Кестрел на него не смотрела.

— Заставь ее говорить, Арин, — недовольно потребовал Плут. — Ты сказал, что хочешь узнать ее мнение.

Арин, который наблюдал за легкими изменениями настроения и позы Кестрел и видел, как

увеличивалось ее негодование, сказал:

— Она считает, что план может сработать.

Плут переводил взгляд с одного из них на другого. Его глаза задержались на Кестрел. Вероятно, он пытался увидеть то, что заметил Арин. Затем он пожал плечами тем эффектным жестом, благодаря которому был так популярен в свою бытность распорядителем торгов.

— Что же, это лучше, чем то, что у меня было до сих пор. Я расскажу всем, что делать.

Кестрел бросила на Арина быстрый взгляд, значение которого молодой человек понять не смог.

Плут приобнял Арина одной рукой и ушел.

Оказавшись наедине с Кестрел, Арин немедленно достал из кармана найденное им растение: горсть зелени с похожим на проволоку стеблем и заостренными листьями. Он положил ростки на стол. Глаза Кестрел сверкнули и превратились с самоцветы радости. То, как она смотрела на него, было сокровищем.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Мне следовало поискать его раньше, — ответил Арин, — чтобы тебе не пришлось просить.

Он прикоснулся тремя пальцами к тыльной стороне ее ладони: этим жестом геранцы принимали благодарность за подарок, но им же могли просить прощения.

Рука Кестрел была гладкой и блестящей, будто ее смазали маслом.

Кестрел отняла руку. Она преобразилась. Арин видел, как радость покинула ее. Кестрел сказала:

— Что я тебе за это должна?

— Ничего, — быстро ответил он в смятении. Разве не он должен ей? Разве однажды она не сражалась за него? Разве он не использовал ее доверие, чтобы повергнуть ее мир?

Арин внимательно посмотрел на Кестрел и понял, что она не столько преобразилась, сколько вернулась обратно к той тлеющей ярости, от которой напрягались ее плечи все время, пока она сидела рядом с Плутом.

Разумеется, Кестрел злилась: только что она выслушала замысел того, как уничтожить ее людей. Но как только Арин предположил, что дело, вероятно, в этом, его разум обратился к тому непонятному взгляду, который она бросила ему. Арин рассматривал его со всех сторон, как мог бы крутить ракушку, гадая, что скрывается внутри.

Он помнил тот взгляд: легкое движение бровей, поджатые губы.

— В чем дело? — спросил он.

Казалось, Кестрел не станет отвечать. Но затем она сказала:

— Плут делает вид, что твои идеи — его.

Арин знал это.

— Тебе не все равно?

Вздых отворачивания.

— Нам нужен предводитель, — сказал Арин. — Мы должны победить. Как — значения не имеет.

— Ты занимался, — произнесла Кестрел, и Арин осознал, что процитировал строчку из книг ее отца о войне. — Ты брал тексты из моей библиотеки и читал о валорианском боевом порядке и методах нападения.

— Разве ты не сделала бы то же самое?

Кестрел нетерпеливо взмахнула рукой.

Арин сказал:

— Самое время для того, чтобы мой народ научился чему-то от твоего. Ведь вы, в конце концов, завоевали половину известного мира. Как думаешь, Кестрел? Из меня получился бы хороший валорианец?

— Нет.

— Нет? Даже когда я придумываю такие гениальные стратегии, что мой генерал крадет их?

— И кем же ты можешь быть, раз позволяешь ему?

Кестрел встала, прямая и стройная, как меч.

— Я — лжец, — медленно ответил ей Арин. — Трус. У меня нет чести.

Снова этот взгляд, отражающий скрытые мысли.

Тайну.

— В чем дело, Кестрел? Скажи мне: что не так?

Ее лицо ожесточилось таким образом, что Арин понял: ответа он не получит.

— Я хочу увидеться с Джесс.

Чахлое и вялое целебное растение лежало на столе.

Арин не знал, что именно он хотел этим исправить.

*

Снег сыпался на дорожку, ведущую к экипажу. Кестрел была благодарна за растение, которое несла Сарсин, но вечер испортил ее настрой и скрутил все внутри тревогой. Она думала о Плуте и размышляла над планом Арина — хитрым планом, вероятность успеха которого была слишком велика.

Больше, чем когда-либо, ей нужно было бежать.

Однако как ей сделать это, когда она находилась во дворе дома Арина, окруженная геранцами, которые все меньше напоминали разнородных мятежников, и все больше — армию?

Если она сумеет бежать, что произойдет с Джесс?

Сарсин нырнула в экипаж. Кестрел собиралась уже последовать за ней, когда оглянулась через плечо на дом. Он бледно мерцал, окутанный вечерним снегом. Кестрел увидела архитектурный изгиб восточного крыла здания, где находились ее покои. Высокий каменный прямоугольник был стенами ее расположенного на крыше сада, однако казался вдвое длиннее.

Дверь.

Кестрел вспомнила запертую дверь в саду и осознала несколько вещей.

Дверь, должно быть, вела в другой сад, который был зеркальным отражением ее. Поэтому высокая стена снаружи выглядела вдвое шире.

Второй сад соединялся с западным крылом, которое сияло такими же большими окнами с ромбовидными переплетами, как и в ее покоях.

Что было более важно, крыша западного крыла имела пологий скат, который заканчивался над комнатой на первом этаже, возможно, библиотекой или салоном.

Кестрел улыбнулась.

Теперь план был не только у Арина.

*

— Только для Джесс, — сказала Кестрел целительнице-геранке, не заботясь, что у ее ног умирали дюжины человек. Она хвостом ходила за целительницей, не желая рисковать тем, что хотя бы один листок пойдет на кого-то другого, пусть и замечала под фиолетовой маской яда многие другие знакомые лица.

Она выбрала Джесс.

Когда напиток был готов и полился в рот Джесс, та подавилась. По подбородку девушки потекла жидкость. Целительница спокойно поймала капли краем миски и попробовала еще раз, но результат был тем же.

Кестрел забрала у целительницы миску.

— Выпей это, — сказала она подруге.

Джесс застонала.

— Пей, — настаивала Кестрел, — иначе ты пожалеешь.

— А ты умеешь обращаться с больными, — произнесла Сарсин.

— Если ты не выпьешь, — сказала Кестрел Джесс, — то пожалеешь, потому что у тебя больше никогда не будет возможности дразнить меня, ты больше никогда не увидишь, как я хочу слишком многого и делаю глупости, чтобы достичь этого. Ты больше никогда не услышишь, как я говорю, что люблю тебя. Я люблю тебя, сестренка. Пожалуйста, выпей.

Горло Джесс издало щелчок. Кестрел приняла его за согласие и наклонила миску к губам подруги.

Джесс выпила лекарство.

Шли часы. Сгустилась ночь. Джесс не подавала никаких признаков выздоровления, Сарсин заснула на стуле, а Арин где-то готовился к битве, которая могла начаться уже на рассвете.

Затем Джесс втянула в себя воздух: это был тонкий, влажный вдох, но в нем прозвучало уже больше силы. Глаза Джесс чуть приоткрылись щелочками, и, увидев Кестрел, девушка прохрипела:

— Я хочу к маме.

Такие же слова прошептала ей однажды Кестрел, когда они маленькими девочками легли спать в одной кровати, а их холодные мягкие ступни соприкасались. На этот раз Кестрел сама держала подругу за руку и делала то, что та когда-то делала для нее: бормотала успокаивающие слова, которые были почти не словами, а, скорее, музыкой.

Кестрел почувствовала, как пальцы Джесс слегка пожали ее ладонь.

— Не отпускай, — сказала Кестрел.

Джесс слушала. Ее глаза сосредоточились, открылись шире и пробудились в мир.

*

— Тебе следует рассказать Арину, — сказала позже в экипаже Сарсин.

Кестрел знала, что геранка говорит не о Джесс.

— Я не стану. И ты тоже. Ты боишься Плуто, — с презрением закончила Кестрел.

Она не добавила, что и сама его боялась.

*

Ночью Кестрел снова попыталась открыть запертую дверь в саду. Она тянула за ручку изо всех сил. Дверь была массивной. Она даже не шелохнулась.

Кестрел стояла, дрожа в снегу. Потом ушла обратно в свои комнаты и вернулась со столом, который придвинула к стене в дальнем углу. Она вскарабкалась на стол, но по-прежнему не доставала до верха. Тогда Кестрел понадеялась, что стенки угла станут опорой для ее рук и ног, чтобы она смогла вскарабкаться наверх.

Стена была слишком гладкой. Кестрел сползла по ней обратно вниз. Даже когда она поставила на стол стул, стена все еще оставалась чересчур высокой, а взгромаждать что-то на стул будет слишком опасно. Кестрел могла разбиться о камни.

Девушка спустилась на землю и оглядела сад, освещенный горячей на террасе лампой. Она прикусила внутреннюю сторону щеки и задалась вопросом, будет ли польза от того, если положить наверх на стул, стоящий на столе, стопку книг. Внезапно она что-то услышала.

Шорох подошв по гальке. Он раздавался из-за двери, его источник находился за стеной.

Кто-то прислушивался к тому, что она делала.

И по-прежнему слушал.

Как можно тише Кестрел сняла стул со стола и ушла в дом.

Перед тем как отправиться к горному перевалу, в течение самых холодных ночных часов, Арин нашел время приказать, чтобы всю мебель, которую Кестрел могла двигать, вынесли из ее комнат.

Пока геранцы располагались вдоль перевала и у входа в него, Арин подумал, что, возможно, неправильно понял пристрастие валорианцев к войне. Раньше он считал, что оно питалось жаждой наживы. Дикарским представлением о превосходстве. Ему никогда не приходило в голову, что валорианцы шли воевать из-за любви.

Арину нравились эти часы ожидания. Молчаливое, сверкающее напряжение, подобное каракулям зарниц. Его город, раскинувшийся внизу позади него, пушка, на которую он положил руку, прислушиваясь к малейшим отзвукам с перевала. Арин неотрывно всматривался в горный проход, и, хоть он улавливал исходящий от мужчин и женщин вокруг него запах страха, его охватило нечто вроде благоговения. Он чувствовал бурлящую энергию, будто его жизнь была свежим полупрозрачным плодом с толстой кожурой. Кожуру можно было очистить, и ему будет все равно. Он никогда не испытывал ничего подобного.

Ничего, кроме...

Это было еще одним влиянием войны. Она помогала Арину забыть то, что он забыть не мог.

Раздался колеблющийся звук. Он прокатился через перевал, постепенно усиливаясь. В этот момент появился один из гонцов Плута и подбежал прямо к своему командиру. Даже если бы Арин находился от Плута дальше, он бы все равно услышал, как юноша, тяжело дыша, произнес:

— Идут, — выдохнул он. — Они идут.

После этого началась суета и спешка. Геранцы проверяли и перепроверяли, надлежащим ли образом установлены пушки. Отрезали от длинного горючего шнура фитили. Забирались под серовато-коричневую материю.

Не моргая, Арин глядел через дыру, сделанную в полотне. Его глаза горели.

Но, разумеется, перед тем как увидеть врагов, он услышал их. Грохот тысяч вышагивающих ног. А затем из перевала начали выходить передние ряды валорианцев. Арин все ждал и ждал первого выстрела Плута.

Выстрел раздался. Пушечное ядро прорвало ткань, взметнулось в воздух и ударило по кавалерии. Людей и лошадей раскидало в разные стороны. Арин услышал крики, но закрыл от них свое сознание.

Полотна цвета скал убрали — теперь в них не было необходимости, — и Арин закладывал ядро в ствол пушки, стрелял и повторял все снова. Его ладони почернели от пороха. Внезапно рядом с ним появилась женщина и дернула его за рукав.

— Плут ранен, — сказала она.

Валорианцы открыли ответный огонь. Стрелы и арбалетные болты пронзали воздух с ужасающей точностью. Арин втянул в себя воздух и побежал.

Мимо него свистели стрелы.

Он нырнул за валун, который наполовину скрывал пушку Плута. Мужчина лежал, растянувшись на спине, его лицо было измазано черным порохом. Вокруг него собрались геранцы и ошарашено смотрели на своего предводителя.

— Нет! — крикнул им Арин. — Оставьте его, займитесь валорианцами!

Геранцы очнулись и вернулись к тому, чем занимались: они пытались пробить как можно больше брешей в строях валорианцев.

— Кроме тебя. — Арин схватил ближайшего к себе мужчину за рубашку. — Расскажи мне, что произошло. — Арин присел и ощупал руки и грудь Плута, выискивая кровь. — Ран нет. Почему нет ран?

— Он просто упал, — ответил мужчина. — Когда пушка выстрелила, взрыв сбил Плута с ног. Наверное, ударился головой.

Арин дико рассмеялся. Шли первые минуты битвы, а командир уже лежал без сознания. Это едва ли было хорошим предзнаменованием.

Он оттащил Плута подальше за валун и достал из его кармана подзорную трубу. Ее взяли на генеральской вилле, и она отличалась хорошим качеством.

В чем-то даже слишком хорошим. Через нее Арин увидел, что валорианская кавалерия сумела остаться в седлах и держала лошадей под контролем, хотя и находилась на опасном крутом склоне под градом пушечных ядер. Валорианцы надвигались.

А затем Арин увидел нечто похуже. На его глазах несколько солдат из задних рядов изогнули шеи, чтобы осмотреть стены прохода. Яркой вспышкой сверкнул ручной захват, когда валорианец натянул лук, нашел цель на верху скалы и выстрелил.

Один из четырех геранцев, обязанностью которых было взорвать бочки с черным порохом, упал с утеса. Арин выругался. Он беспомощно наблюдал, как трех остальных геранцев сбили на землю арбалетными болтами.

«Вот и все», — подумал Арин. Это был конец. Если они не смогут обрушить в проход лавину камней, чтобы разделить валорианский батальон на две части, эта опытная армия, которая уже почти оправилась от неожиданности, быстро раздавит геранцев.

Но за край скалы по середине перевала хваталась последняя геранка, которая каким-то образом до сих пор была жива.

А потом она сорвалась. Перевернулась в воздухе и загорелась. Только тогда Арин заметил маленький бочонок, который она сжимала в руках. Женщина рухнула на землю и взорвалась. В рядах валорианской армии вспыхнуло пламя.

Лучшего второго шанса у Арина не появится.

— Цельтесь в лучников, — приказал он геранцам, которые стреляли из пушки Плута. — И арбалетчиков. Передайте остальным. Направьте весь огонь на этот отряд.

— Но валорианцы приближаются...

— Делайте, как вам сказано!

Арин насыпал в какой-то мешок столько черного пороха, сколько уместилось. Он схватил моток фитиля, повесил мешок на плечо и побежал к подножью скалы.

То, что он делал, было безумием. Безумием, насланным богами, будто, когда он был еще в колыбели, его прокляли именами богов сумасшествия и смерти. Потому что Арин несся к узкой козьей тропе, врезанной в склон. Достигнув тропы, он рисковал бесчисленное множество раз сломать лодыжки, прежде чем добраться до неустойчивого на вид нагромождения валунов, оплетенных черными ветвями зимних кустов. Если он не переломает сначала кости, его заметят и подстрелят.

Так и произошло.

Его бедро пронзило болью. Из плоти торчало древко стрелы. Еще одна просвистела мимо его шеи. Арин пошатнулся, затем заставил себя броситься вперед с новым взрывом скорости. Пульс отдавался у него в ушах, громкий, как оружейный залп.

Выступ скалы слева предлагал ему укрытие. Продолжая взбираться по тропе, Арин пробежал вдоль него. Затем он пригнулся, дрожа и извергая проклятия: его кровь заливала

мешок с черным порохом. Арин засунул его в основание шаткого нагромождения камней и занялся фитилем.

Он зажег спичку и держал ее до тех пор, пока она не опалила его пальцы, а фитиль не занялся пламенем.

Теперь вверх. Вверх, будто весь он, взбирившийся как можно выше, чтобы оказаться над грядущим взрывом, состоял лишь из этого слова.

Раздался взрыв. От него в склоне горы образовалась трещина. С утеса вниз покатались валуны.

Земля ушла из-под ног Арина. Он упал вместе с градом камней.

Издали до Кестрел донеслись радостные крики.

Ее настроение испортилось. Валорианские солдаты не кричали от радости, когда побеждали. Они пели.

План Арина сработал.

Кестрел подошла к окну с ромбовидными переплетами, которое выходило во двор и на город позади него, и распахнула раму. В комнату ворвался зимний воздух. Мелкие снежинки кололи щеки Кестрел, которая перегнулась через подоконник.

К дому приближалась небольшая группа верховых. Они двигались медленно, подстраиваясь под Джавелина, всадник которого ехал, навалившись на шею животного.

Геранцы ведь не стали бы ликовать, если бы Арин был мертв или близок к смерти?

«Не глупи, — сказала себе Кестрел. — Мертвецы не ездят на лошадях».

Ее поглотила буря эмоций, но Кестрел не знала, позволительно ли ей испытывать их. Она не знала, что чувствует на самом деле. Она не могла даже думать.

Затем лошади остановились. Арин соскользнул с Джавелина, и вокруг него началась суэта: каждый из геранцев хотел первым подобраться к нему. Ему помогали держаться на ногах, закинув его руки себе на плечи.

Лицо Арина было белым от боли и кое-где черным — от грязи и синяков. На его порванной одежде виднелись алые пятна. Яркие кровавые знамена. Одна его нога была босой.

Он откинул голову назад, встретился взглядом с Кестрел и улыбнулся.

Кестрел захлопнула окно и оградила свое сердце: то, что она почувствовала, увидев, как Арин хромает по тропе, оказалось совершенно неожиданным. Ей нельзя было испытывать это, только не это.

Чистейшее, оглушительное облегчение.

*

— Герой.

Плут смотрел сверху вниз на растянувшегося в постели Арина.

Арин начал качать головой, но поморщился от боли.

— Просто повезло.

— Чертовски повезло. Только благодаря кустарнику ты не упал с обрыва. Ты был практически погребен под грудой камней, но ничего не сломал.

— Я чувствую себя так, будто сломал все.

На лице Плута появилось странное выражение.

Арин сказал:

— Тебе тоже повезло.

— Лишиться сознания и пропустить битву? Не сказал бы. — Однако Плут пожал плечами, присел на край постели и потрепал Арина за ушибленное плечо. Когда тот выругался, он засмеялся. — В любом случае, это не последний раз. Расскажи мне, что произошло после того, как тебя выудили из-под камней.

— План сработал. Оползень разделил валорианских офицеров передних рядов и тыла, а

также передал доброе число тех, кто был посредине перевала. Они сдались. Думаю, мы сумели устроить все так, чтобы ни один гонец не вышел из прохода с валорианской стороны. Я отправил раненых во дворец губернатора. Можно, кстати, превратить это место с госпиталь, которым он уже стал.

— Ты имеешь в виду наших раненых.

Арин оперся на локоть.

— И тех, и других. Я брал пленных.

— Арин, Арин. Нам больше не нужны зверушки-валорианцы. Нам и так уже по горло хватает аристократов. Но их письма, по крайней мере, держат столицу в заблуждении. И они могут послужить хорошим развлечением.

— И что бы ты предложил мне с ними делать, всех поубивать?

Плут раскрыл ладони, будто отвечая этим на вопрос Арина.

— Это недальновидно, — произнес Арин. Он был слишком уставшим, чтобы беспокоиться о возможном оскорблении. — И недостойно нас.

Молчание Плута приобрело жесткие грани.

— Посмотри на это с другой стороны, — сказал Арин осторожнее. — Однажды мы можем оказаться в положении, когда нам понадобится обменяться пленными. Это была не последняя наша битва. Во время следующей кто-то из нас может оказаться в плену.

Плут поднялся.

— Обсудим это позже. Кто я такой, чтобы мешать нашему герою отдыхать?

— Пожалуйста, перестань меня так называть.

Плут цыкнул.

— Люди будут любить тебя за это, — сказал он.

Однако его голос прозвучал так, будто ничего хорошего он в этом не видел.

*

Будущее больше не казалось геранцам таким хрупким. До битвы, если у них не было домов, куда они могли вернуться, они по большей части продолжали жить там, где жили рабами. Сейчас они начали занимать пустые дома валорианцев. Чтобы переехать в какое-то место, люди спрашивали позволения Плута, но иногда, перед тем как заговорить, они бросали взгляды на Арина. В таких случаях Плут неизменно отказывал.

Арин работал над тем, чтобы создать из геранских бойцов надлежащую армию. Он составил список людей, которые проявили себя во время битвы, и предложил сделать их офицерами. Звания, которые он писал напротив имен, были теми же, что геранская армия использовала до завоевания страны валорианцами.

Просмотрев список, Плут нахмурился.

— Похоже, ты хочешь возродить и монархию.

— Королевская семья мертва, — медленно ответил Арин.

— И тогда ты, лучшее, что остается?

— Я ничего подобного не говорил. И это не имеет никакого отношения к назначению офицеров.

— О, правда? Посмотри на свой список. Половина этих людей голубой крови, как ты.

— Но половина — нет. — Арин вздохнул. — Это всего лишь список, Плут. Решаешь ты.

Плут окинул его оценивающим взглядом, а затем некоторые имена вычеркнул и вписал

другие. После этого он размашисто подписал бумагу.

Арин заметил, что им следует начать подчинять себе сельскую местность, захватывая фермы и перевозя зерно и другие припасы в город, чтобы подготовить его к осаде.

— Для начала подойдет поместье Этира.

— Отлично, отлично, — взмахнул рукой Плут.

Арин помедлил, а затем передал ему небольшую, но плотно набитую и тяжелую сумку.

— Возможно, ты найдешь эти книги занимательными. В них описываются валорианские войны и история.

— Я слишком стар для школьной парты, — ответил Плут и ушел, оставив Арина стоять с протянутой рукой.

*

Кестрел возненавидела свои комнаты. Она задавалась вопросом, что за семья была у Айрекса, раз на двери покоев столь роскошных, что они могли принадлежать лишь его матери, установили замок, который открывался только снаружи. Замок, замысловатый и крепкий, был сделан из валорианской бронзы. К настоящему времени Кестрел очень хорошо его изучила: она провела немало часов в попытках взломать его.

Если бы ей нужно было назвать, какую часть покоев она ненавидела больше всего, перед ней встал бы сложный выбор между замком и садом, хотя в последнее время в ней начала возрастать особая неприязнь к портьерам.

Скрытая за ними, она наблюдала, как Арин покидает дом и возвращается — очень часто на ее лошади. Несмотря на то, как он выглядел после битвы, серьезных повреждений он не получил. Теперь он хромал уже меньше, повязка с его шеи исчезла, а дикого вида синяки побледнели до оттенков зеленого и фиолетового.

Прошло несколько дней, за которые они не обменялись ни словом, и от этого Кестрел чувствовала себя на пределе.

Ей было сложно стереть из памяти его усталую ласковую улыбку.

И последовавший водопад облегчения.

Кестрел отправила ему записку. «Джесс, скорее всего, уже поправилась», — писала она. Она просила увидеться с Ронаном, которого держали в городской тюрьме.

Ответ Арина был короток: «Нет».

Кестрел решила более не упорствовать. К просьбе ее побудило чувство долга. Она боялась увидеть Ронана, даже если бы он согласился поговорить с ней. Даже если бы не презирал ее. Кестрел знала: увидеть Ронана — то же самое, что и встретиться лицом к лицу со своим провалом. Все ее поступки были неправильными... включая и то, что она не смогла полюбить его.

Она свернула записку из одного слова и отложила ее в сторону.

*

Арин собирался покинуть генеральскую виллу, ставшую штабом армии, когда один из новоназначенных офицеров отдал ему честь. Тринн, мужчина средних лет, осматривал группу валорианских лошадей, захваченных во время битвы.

— Эти отлично подойдут для похода на поместье Метри, — сказал он.

Арин нахмурился.

— Что?

— Плут отправляет нас захватить поместье Метри.

Арин вышел из себя.

— Это глупо. В Метри выращивают маслины. Вы хотите пережить осаду на маслинах?

— Э-э... нет.

— Тогда отправляйтесь в Этиру, где найдете склады с зерном и скот.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Может быть, мне следует сначала спросить Плута?

— Нет. — Арин потер лоб, ощущая приступ усталости оттого, насколько осторожно ему приходилось обхаживать Плута. — Просто отправляйтесь.

Тринн взял свой отряд и уехал.

Когда Арин на следующий день увидел Плута, тот ни словом не обмолвился об обойденном приказе. Он вел себя жизнерадостно и предложил Арину навестить «валорианский скот», как он называл захваченных во время битвы пленных.

— Проверь, устраивают ли тебя условия, в которых их держат, — сказал Плут. — Почему бы тебе не сделать это завтра в полдень?

Плут уже некоторое время ни о чем не просил Арина, поэтому это поручение тот принял за хороший знак.

*

Он взял с собой Сарсин, которая обладала организаторским талантом и уже превратила губернаторский дворец в нечто напоминающее надлежащий госпиталь. Арин надеялся, что его кузина сможет придумать, как поступить с возможным переполнением тюрьмы.

Вот только переполнение больше не представляло проблему.

Пол тюрьмы был влажным от крови. В камерах мешками лежали тела. Все валорианские солдаты были убиты — застрелены сквозь прутья решеток или заколоты копьями во сне.

Живот Арина свело. Он услышал, как Сарсин ахнула. Сапогами он стоял в темной луже крови.

Не всех пленников убили. Те, кого захватили в ночь начала революции, были по-прежнему живы и в ужасе смотрели на Арина. Они молчали... Возможно, боялись, что пришел их черед. Но один из них подошел к тюремной решетке. Он был хорошо сложен, обладал приятным лицом и изящностью движений, которую Арин ненавидел. Которой завидовал.

Ронан не заговорил. Ему не нужно было. Резкое выражение его лица было хуже слов. Оно обвиняло Арина. Называло его животным, гниющим в крови.

Арин отвернулся. Он решительно прошел по длинному коридору, пытаясь отогнать ощущение того, будто пытается скрыться, и встал перед женщиной, караулящей заключенных.

— Что произошло? — требовательно спросил он, хотя и знал ответ.

— Приказ, — ответила женщина.

— Плута?

— Разумеется. — Она пожалала плечами. — Он сказал, это давно пора было сделать.

— И вы не подумали, что это неправильно? Убивать всех этих людей?

— У нас был приказ, — произнес другой стражник. — Это были валорианцы.

— Вы превратили тюрьму в скотобойню!

Один из геранцев кашлянул и сплюнул.

— Плут предупреждал, что ты так заведешься.

Сарсин схватила Арина за локоть и потянула его прочь из тюрьмы, пока он не наделал глупостей.

Моргнув, Арин поднял взгляд на стальное небо. Он глубоко вдыхал свежий воздух.

— Плут представляет собой проблему, — сказала Сарсин.

«Дыши», — приказал себе Арин.

Сарсин выкручивала свои пальцы, а затем быстро произнесла:

— Есть кое-что, о чем мне следовало рассказать тебе раньше.

Арин посмотрел на нее.

— Плут ненавидит Кестрел, — сказала Сарсин.

— Разумеется, ненавидит. Она — дочь генерала.

— Нет, дело не только в этом. Это ненависть тот, кто не может добиться желаемого.

Сарсин объяснила, чего именно, по ее мнению, хотел Плут.

Это взбесило Арина. Слова Сарсин кипели внутри него смесью ярости и отвращения. Он не замечал. Не понимал. Почему он только сейчас узнал, что Плут стремился остаться с Кестрел наедине и подобным образом?

Арин поднял руку, чтобы прервать Сарсин, потому что по пятам за предыдущей мыслью пришла другая, еще более худшая.

Что, если Плут планировал, чтобы резня в тюрьме стала чем-то большим, нежели демонстрацией превосходства его власти над властью Арина?

Что, если это был отвлекающий маневр?

Прислонившись лбом к окну своей гостиной, Кестрел смотрела на пустой двор внизу. Она пыталась заставить холодное стекло заморозить ее разум, потому что не в состоянии была выносить свои мысли и бессилие. Почему она до сих пор в плену?

Она проклинала себя и вдруг почувствовала, как по ее шее скользнула чья-то рука.

Ее тело отреагировало раньше сознания. Кестрел впечатала каблук в подъем ступни мужчины, ударила локтем в точку под его ребрами, скользнула под его толстую руку...

...и была поймана за волосы. Плут притянул ее к себе. Он использовал массу своего тела, чтобы оттолкнуть ее от окна и прижать к стене.

Его рука легла поверх ее рта. Кестрел вывернула голову на бок. Большой палец Плута впился в ее подбородок, и мужчина рывком повернул ее лицо к себе.

Другая его рука поймала ее пальцы и крепко сжала.

— Не сопротивляйся, — сказал он. — Гибкое нельзя сломать.

Он попытался стянуть ее на пол. Кестрел вырвала руку и ударила ребром ладони по его переносице. Она услышала хруст, и на ее пальцы брызнула кровь.

Плут крикнул и охнул. Его ладони поднялись к сломанному носу, приглушая звуки, зажимая кровь.

Отпуская Кестрел.

Она оттолкнула его. «Нож», — думала она. Ее самодельный нож из керамического черепка, спрятанный среди плюща. У нее есть оружие, она не беззащитна, этого не произойдет, она не...

Плут ударил ее по лицу.

Кестрел сбило с ног. Она лежала на полу, прижимаясь щекой к ковру, моргая при виде плетеных узоров. Кестрел заставила себя встать. Ее снова толкнули на пол. Она услышала, как из ножен вышел кинжал, как Плут говорит вещи, которые она отказывалась понимать.

А затем раздался грохот.

Кестрел не пыталась осознать, что это за звук, она не могла даже дышать, прижатая весом Плути. Но внезапно он вскарабкался на ноги. Он больше на нее не смотрел.

Он уставился на Арина, который ворвался в дверь.

С поднятым мечом Арин вошел в комнату. Его лицо было так бледно и напряжено, что казалось, будто он состоит только из кости и гнева.

— Арин, — успокаивающе произнес Плут. — Ты все неправильно понял.

Арин замахнулся, и его клинок снес бы голову Плути с плеч, если бы тот не наклонился. Плут начал говорить так, будто они поспорили из-за игры, правила которой были забыты. Он говорил, что это нечестно, раз оружие Арин больше размером, что старые друзья не должны сражаться. Что валорианская девчонка сама напала на него.

— Посмотри на мое лицо, — сказал Плут. — Просто посмотри, что она со мной сделала.

Арин вонзил свой меч в грудь Плути. Раздался скрежет металла по кости. Звуки удушья, поток крови. Меч Арин вошел по самую рукоять. Острие торчало из спины Плути, и мужчина осел и сложился пополам, заливая Арин красным, но лицо того не изменилось. Оно выражало лишь суровость и смерть.

Глаза Плути расширились в неверии. А затем померкли.

Арин выпустил меч и встал на колени рядом с Кестрел. Его окровавленная рука поднялась к ее ушибленной щеке, и девушка отпрянула от влажного прикосновения, а затем подалась в его объятия. Арин нежно прижал ее к своему бушующему сердцу. Кестрел вдохнула.

Глоток воздуха. Резкий. Краткий. Еще один.

Она начала дрожать. Ее зубы стучали. Арин говорил «ш-ш-ш», как если бы она плакала, и она осознала, что и в самом деле плачет. Тут же она вспомнила, что Арин был не убежищем, а клеткой.

Она отстранилась.

— Ключ, — прошептала она.

Арин уронил руки, и они повисли вдоль его тела.

— Что?

— Ты дал Плуту ключ от моих комнат!

А как еще, как еще Плут мог подкрасться к ней так тихо? Арин пригласил его, открыл ему свой дом, разделил с ним все, чем обладал, предложил ему ее...

— Нет. — Казалось, Арина подташнивает. — Никогда. Ты должна мне поверить, я бы никогда этого не сделал.

Кестрел сжала челюсти.

— Подумай, Кестрел. Зачем мне давать Плуту ключ от твоих покоев, только чтобы потом убить его?

Она покачала головой. Она не знала.

Арин провел рукой по лбу, размазывая кровь. Он попытался стереть ее рукавом, но, когда взглянул на Кестрел, над его серыми глазами все еще оставалась красная полоса. Однако той злобы, которая переполняла его, когда он вошел, больше не было. Сейчас он выглядел обычным юношей.

Арин встал, вытащил меч из тела Плути и ощупал карманы мертвеца. Он обнаружил толстое железное кольцо с дюжинами ключей. Арин крутил его в руке, наблюдая, как ключи со звоном бьются друг о друга.

Он сжал их в кулаке.

— Мой дом, — горько произнес Арин и поглядел на Кестрел. — С ключей делают дубликаты. — Его глаза умоляли ее. — Я не знаю, сколько наборов было у семьи Айрекса. Плут мог каким-то образом заполучить эти еще до Зимнего бала.

Кестрел понимала, что его слова, скорее всего, являются правдой. Она не могла представить себе, чтобы страх, отразившийся на его лице при виде ее на полу, мог быть притворным. Или что он мог играть сейчас: он выглядел так, будто то, что происходило с ней, происходило и с ним тоже.

— Поверь мне, Кестрел.

Она верила... и не верила.

Арин разжал кольцо, снял с него два ключа и вложил их в ладонь Кестрел.

— Это от твоих покоев. Пусть будут у тебя.

Кестрел смотрела на тусклый металл в своей ладони. Один ключ она узнала. Другой...

— Это от двери в саду?

— Да, но... — Арин отвел взгляд. — Вряд ли тебе захочется воспользоваться им.

Кестрел уже догадалась, что покои Арина располагались в западном крыле и раньше принадлежали его отцу, а те, в которых жила она — его матери. Но только теперь она поняла, для чего предназначалась дверь в саду: чтобы муж и жена могли посещать друг друга, не извещая об этом весь дом.

Кестрел поднялась на ноги, потому что Арин стоял и ей надоело корчиться на полу.

— Кестрел... — Арин задавал свой вопрос с явной неохотой. — Насколько сильно ты ранена?

— Как видишь. — Ее глаз заплыл, а щека была ободрана о ковер. — Лицо. Ничего больше.

— Я мог бы убить его тысячу раз и по-прежнему хотеть сделать это снова.

Кестрел посмотрела на безжизненное тело Плути, чья кровь пропитывала ковер.

— Кто-то должен убрать это. Но не я. Я — не рабыня.

Арин тихо ответил:

— Верно, не рабыня.

— Возможно, я бы поверила тебе, если бы ты отдал мне все ключи.

Уголок его губ дернулся.

— О, но разве в тебе осталась бы хоть капля уважения к моему уму?

*

Когда опустилась ночь, Кестрел отворила дверь в сад. Деревья за стеной стояли такие же голые, как и с ее стороны, а сама стена была столь же гладкой. На террасе Арина свет не горел, но коридор, который вел от солнечной комнаты в остальные покои, сиял.

Где-то среди слоев и форм освещенных комнат двигалась высокая тень.

Арин не спал.

Кестрел проскользнула обратно в свой сад и заперла дверь.

Дрожь, которая охватывала ее раньше — после произошедшего, — вернулась. На этот раз она зародилась глубоко внутри девушки. Даже если Кестрел выходила в сад с мыслью о побеге, увидев тень Арина, она поняла, что на самом деле искала его присутствия.

Она не могла вынести одиночества.

Кестрел начала вышагивать по саду, под ее ногами шуршала галька.

Если она не будет останавливаться, то, возможно, сумеет забыть о весе Плуто. О том, как горело от боли ее лицо. О том моменте, когда она осознала, что ничего не может поделать.

Все сделал Арин. Затем он поднял тело на плечо и унес его. Скрутил пропитанный кровью ковер и унес и его тоже. Возможно, он бы починил дверь, которая висела, перекосившись на петлях.

Но Кестрел попросила его уйти. И он ушел.

Арин становился тем человеком, какими восхищался ее отец. Беспощадным. Способным принять решение, пройти через него и закрыть за собой дверь. Кестрел казалось, будто Арин — это тень ее самой или, скорее, той девушки, которой она должна была быть.

Дочь генерала Траяна не оказалась бы в подобном положении.

Она бы не испугалась.

Ее ноги топтали камни.

А потом она что-то услышала и замерла.

Когда в холодной темноте развернулась первая нота, Кестрел не поняла, что это. Это было негромкое звучание чистой, звонкой красоты. Кестрел ждала, и услышала это снова.

Песня.

Она лилась, как поднимается в стволе дерева смола, как проступают на коре золотые капли. Затем — роскошное скольжение. Певец, испытывающий свой голос.

Освобожденный, голос Арина поднялся над стеной сада. Он разлился вокруг страха Кестрел и впитал его. Бессловесное тепло музыки приобрело знакомую форму.

Колыбельная. Давно-давно Инэй пела ее для Кестрел, как пел ее сейчас Арин.

Возможно, он заметил ее в своем саду или услышал ее беспокойные шаги. Кестрел не знала, как он догадался, что она нуждается в его утешении в той же мере, что и в каменной стене между ними. Однако, когда песня закончилась и в ночи отдалось молчание, которое само по себе было музыкой, Кестрел перестала бояться.

И она поверила Арину. Поверила всему, что он когда-либо ей говорил.

Поверила его молчанию с той стороны стены, которое обещало, что он останется там

столько, сколько ей будет нужно.

Когда Кестрел вернулась в дом, она несла в себе его песню.

Это была свеча, которая освещала ее путь и оберегала сон.

*

Арин проснулся. На его губах до сих пор оставался вкус музыки.

Затем он вспомнил, что убил своего друга и у геранцев не осталось предводителя. Он искал в себе сожаление, но не находил его. Лишь эхо собственной измученной ярости.

Арин поднялся и брызнул в лицо водой, облил ею свои волосы. Лицо, которое он увидел в зеркале, казалось ему чужим.

Он аккуратно оделся и вышел узнать, как выглядит мир.

В коридорах за пределами своих покоев он ловил на себе осторожные взгляды людей, некоторые из которых были слугами Айрекса, другие работали в этом доме при его родителях. Они ухватились за жизнь там, где она их оставила. Когда Арин неловко сообщил им, что они не обязаны исполнять свои прежние роли, эти люди ответили ему, что лучше будут мыть полы и готовить, чем сражаться. С оплатой можно повременить.

В доме Арина жили и другие геранцы, бойцы, которые быстро становились солдатами. Они тоже следили за ним взглядами, но ничего не сказали о теле, которое он пронес вчера через дом и похоронил на территории имения.

То, что ему не задавали вопросов, заставляло его нервничать.

Арин прошел мимо открытой двери в библиотеку, а затем остановился и вернулся назад. Он отворил дверь шире, чтобы лучше видеть Кестрел.

В камине горел огонь. В комнате было тепло, и Кестрел просматривала содержимое полок так, будто это был ее дом, чего и хотел Арин. Стоя к нему спиной, она, держа палец на переплете, наклонила к себе одну книгу.

Затем Кестрел будто почувствовала его присутствие. Она поставила книгу на место и обернулась. Ее ободранная щека покрылась корочкой, а окруженный чернотой глаз не открывался. Другой глаз, миндалевидный, совершенного янтарного цвета, внимательно изучал Арина. Вид Кестрел взволновал его даже сильнее, чем он ожидал.

— Не рассказывай людям, почему убил Плути, — сказала Кестрел. — От этого у тебя не прибавится поклонников.

— Мне все равно, что обо мне думают. Люди должны узнать, что произошло.

— Не тебе об этом рассказывать.

В камине громко треснуло и щелкнуло обугленное полено.

— Ты права, — медленно произнес Арин, — но я не могу лгать.

— Тогда не говори ничего.

— Мне будут задавать вопросы. Мне придется нести ответственность перед нашим новым предводителем, хотя не уверен, кто займет место Плути...

— Ты. Это очевидно.

Арин покачал головой.

Кестрел дернула плечом и повернулась обратно к книгам.

— Кестрел, я пришел сюда не для того, чтобы говорить о политике.

Ее рука слегка дрожала, и она начала водить ею по корешкам книг, чтобы скрыть это.

Арин не знал, насколько прошлая ночь изменила то, что было между ними, и каким

образом.

— Прости меня, — сказал он. — Плут никогда не должен был стать для тебя угрозой. Тебя не должно даже быть в этом доме. Ты оказалась в этом положении, потому что я поставил тебя в него. Держу тебя здесь. Пожалуйста, прости меня.

Ее пальцы, тонкие и сильные, замерли.

Арин рискнул прикоснуться к ее ладони, и Кестрел не отняла ее.

Она оказалась права. Геранцы быстро признали в Арине вождя: некоторые из-за того, что всегда восхищались им, другим же нравилась склонность Плуто к жестокости, и они предположили, что, раз Арин убил его, то, должно быть, отличался еще большей кровожадностью.

Несомненным оставалось то, что Арин был лучшим стратегом. Целые области полуострова начали переходить под контроль геранцев, отряды которых захватывали одну ферму за другой. Запасались еда и вода, которых теперь хватило бы для того, чтобы выдержать годовую осаду, как говорили охранники на входах в дом.

— Как вы можете надеяться победить, будучи осажденными? — спросила однажды Кестрел Арина в один из тех редких дней, когда он находился дома, а не возглавлял атаку на какое-либо имение. Они сидели за обеденным столом. Ножа у тарелки Кестрел не было.

Ночами Кестрел берегла воспоминание о песне Арина. Однако днем она не могла не замечать простых вещей. Отсутствие ножа. Охранников, которые следили за каждым выходом из дома Арина, включая окна первого этажа. Которые бросали на нее настороженные взгляды, когда она проходила мимо. У Кестрел было два ключа, но они лишь доказывали, что она остается под привилегированной формой домашнего ареста.

Сколько еще ключей ей придется заслужить на пути к свободе?

А когда ее отец вернется с имперской армией — а рано или поздно он вернется, — что тогда? Кестрел попыталась представить себя предательницей, помогающей геранцам в грядущей войне, но не смогла. Не важно, что дело Арина было справедливым или что Кестрел, наконец, позволила себе увидеть это. Она не может сражаться с собственным отцом.

— Мы сумеем выдерживать осаду некоторое время, — ответил Арин. — Городские стены мощны. Они были построены валорианцами.

— Это означает, что нам известно, как разрушить их.

Арин болтал свой бокал, глядя, как крутится в нем вода.

— Не хочешь поспорить? У меня есть спички. Слышал, из них получают отличные ставки.

— Мы не играем в «Клык и Жало».

— Но если бы играли, и я все увеличивал ставки до той меры, что ты уже не могла бы позволить себе проиграть, как бы ты поступила? Возможно, сдалась бы. Единственная надежда геранцев победить империю — стать слишком затратной добычей. Втянуть валорианцев в продолжительную осаду, в то время как им нужно сражаться на востоке. Заставить их снова завоевывать сельскую местность по кусочкам, тратя на это деньги и людские жизни. Однажды империя решит, что мы не стоим таких усилий.

Кестрел покачала головой.

— Геран всегда будет их стоять.

Арин смотрел на нее, положив руки на стол. У него тоже не было ножа. Кестрел знала: цель этого — сделать менее очевидным то, что ей нож не доверяли. Однако на самом деле недоверие становилось лишь более явным.

— У тебя не хватает пуговицы, — внезапно сказал Арин.

— Что?

Он потянулся через стол и прикоснулся к материи на ее запястье, где расходился шов. Его палец задел обтрепанную нить.

Кестрел забыла о том, что была чем-то озабочена. Она осознала, что только что думала о ножах, а теперь они начали говорить о пуговицах, но, как одно было связано с другим, она понять не могла.

— Почему ты не пришьешь ее? — спросил Арин.

Кестрел опомнилась.

— Это глупый вопрос.

— Кестрел, ты не умеешь пришивать пуговицы?

Она не стала отвечать.

— Жди здесь, — приказал Арин.

Он вернулся со шкатулкой со швейными принадлежностями и пуговицей. Вставив нитку в иголку, он откусил лишний конец зубами и двумя руками взял Кестрел за запястье.

Ее кровь обратилась в вино.

— Вот так это делается, — сказал Арин.

Он взял иголку и проткнул ею ткань.

*

— Вот так нужно разводить огонь.

— Вот так нужно готовить чай.

Небольшие уроки, разбросанные среди дней. Через них Кестрел начала ощущать немую историю того, как Арин научился тем вещам, которые умел. Она думала об этом в те долгие промежутки времени, когда они не виделись.

С тех пор как Арин пришел к ее рукаву пуговицу, прошло несколько дней. Затем, после того как он показал ей, как развести огонь в очаге библиотеки, — пустая неделя. Еще больше миновало с того дня, как он передал ей горячую кружку идеально заваренного чая. Он уезжал. Сражался, как сказала Сарсин. Где — она не говорила.

Пользуясь своей новообретенной, хотя и ограниченной, свободой, Кестрел часто бродила по тем частям дома, где работали люди. Некоторые двери были для нее закрыты. Например, кухни. Раньше, в тот ужасный день, когда она говорила с Плутлом у фонтана, было не так, но теперь, когда все знали, что Кестрел позволено ходить по дому, ее туда не впускали. В кухнях было слишком много ножей. Слишком много очагов.

Но в библиотеке и ее покоях всегда горел огонь, и Кестрел научилась, как развести его в любом другом месте. Что, если поджечь дом и надеяться бежать в суматохе?

Один день застал ее за тем, что она, с силой сжимая в руке материал для растопки, внимательно изучала кромку портьер в своей гостиной. Затем ее хватка ослабла. Пожар будет слишком опасен. Она может в нем погибнуть. Она сказала себе, что именно поэтому вернула небольшие деревянные прутья к очагу и бросила их обратно в коробку. И вовсе не потому, что не могла вынести мысль об уничтожении фамильного дома Арина. Не потому, что в огне также могли погибнуть геранцы, которые здесь жили.

Если она бежит и направит на город имперскую армию, разве это не то же самое, что и убить каждого геранца в этом доме? Убить Арина?

В этот момент она разозлилась на его глупость, на то, что он научил ее такому опасному навыку, как разведение огня. Она злилась на то, как затронула ее мысль о его

смерти.

Кестрел захлопнула крышку коробки с материалом для растопки и заперла за тяжелой дверью внезапно прокравшееся в ее разум горе. А потом покинула свои покои.

Она бродила по тому крылу здания, где находились комнаты слуг. Это был расположенный в задней части дома коридор небольших комнат с частыми одинаковыми дверьми мелового цвета. Сегодня геранцы занимались тем, что опустошали их. Выносились полотна в рамах. Кестрел смотрела, как какая-то женщина поудобнее ухватилась за переливчатую масляную лампу, оперев ее о бедро, будто несла ребенка.

Как и другие переселенцы, семья Айрекса превратила помещения для слуг в кладовые, а для рабов построила отдельный флигель. Личное пространство было роскошью, которой рабы не заслуживали, как считало большинство валорианцев... Что их и погубило, так как необходимость есть и спать в одном месте помогла рабам составить план освобождения от своих поработителей. Кестрел поражало то, как люди сами себе устраивали ловушки.

Она помнила тот поцелуй в карете в ночь Зимнего бала. Помнила, как все ее естество требовало этого.

Она тоже попала в собственную западню.

Кестрел пошла дальше. Она спустилась по лестнице в рабочие помещения. На нижнем этаже было тепло из-за постоянных огней кухонь. Кестрел прошла мимо кладовой. Мимо прачечной, где парусами были развешаны простыни. В оживленной судомойне она увидела кадки с котелками и испускающей пар водой и пустые покрытые медью раковины, которые дожидались, пока в них не начнут мыть фарфоровые обеденные сервизы.

Кестрел миновала судомойню, но затем помедлила, ощутив, как ее лодыжки овеяло прохладным воздухом. Сквозняк. Значит, где-то рядом была открыта дверь наружу.

Это была возможность бежать?

Сможет ли Кестрел воспользоваться ею?

Станет ли?

Она пошла следом за потоком холодного воздуха. Он вывел ее в чулан, дверь которого была открыта. У стен стояли мешки с зерном.

Но источник сквозняка был не здесь. Кестрел направилась по пустому коридору дальше. В конце его на полу лежал бледный луч света. В помещение лился холод.

Дверь на кухонный двор была открыта. В коридор, кружась, залетели несколько снежинок и исчезли.

Возможно, сейчас. Возможно, сейчас она сумеет бежать.

Кестрел сделала еще один шаг. У нее екнуло сердце.

Затем дверь распахнулась шире, в коридор полился свет и в проеме показался Арин.

Кестрел едва не ахнула от неожиданности. Арин тоже был удивлен, увидев ее. Он резко выпрямился под весом мешка с зерном, который держал на плече. С быстротой мысли его глаза метнулись к открытой двери. Он опустил мешок на пол и закрыл за собой дверь.

— Ты вернулся, — сказала Кестрел.

— Я снова уезжаю.

— Чтобы награть еще зерна с какого-нибудь захваченного сельского поместья?

Его улыбка была полна озорства.

— Повстанцам нужно что-то есть.

— И, полагаю, в своих битвах и грабежах ты используешь моего коня.

— Он рад помочь доброму делу.

Кестрел фыркнула и собиралась было повернуться и направиться обратно к выходу из рабочих помещений, но Арин спросил:

— Хочешь увидеться с ним? С Джавелином?

Она замерла.

— Он скучает по тебе, — добавил Арин.

Кестрел согласилась. После того как Арин перенес последний мешок зерна в чулан и дал ей свою куртку, они вышли во двор, прилегающий к кухням, и, ступая по его каменным плитам, достигли остальной части территории имения, где располагались конюшни.

В них было тепло и пахло соломой, кожей, травянистым навозом и почему-то солнечным светом, будто его запасли здесь на зиму. Кони Айрекса были элегантными красавцами. Резвыми. Когда вошли Кестрел и Арин, некоторые из них забили копытами в своих стойлах, а другой тряхнул головой. Но Кестрел видела лишь одного.

Она подошла прямо к его стойлу. Конь возвышался над ней, но опустил голову и ткнул ее в плечо, дыхнул в ее поднятые ладони и коснулся губами кончиков ее волос. Горло Кестрел сжалось.

Она так много времени провела в одиночестве. Мысль об этом не должна была ее настолько ранить, учитывая все остальное, но сейчас перед ней стоял друг. Погладив рукой бархатный нос Джавелина, Кестрел вспомнила, как мало друзей у нее было.

Арин держался поодаль, но сейчас подошел ближе.

— Прости, — сказал он, — но я должен подготовить его к пути. Надвигается вечер. Мне пора ехать.

— Да, конечно, — ответила Кестрел, с ужасом услышав в своем голосе приглушенный надрыв. Она почувствовала на себе взгляд Арина. Почувствовала заключенный в его глазах вопрос, осознала, что он увидел ее на грани слез, и это ранило ее еще больше, чем одиночество, потому что заставило понять: ее одиночеству не хватало его. Именно из-за этого она отправилась бродить по дому в поисках еще одного маленького урока.

— Я могу остаться, — сказал Арин. — Уехать завтра.

— Нет. Я хочу, чтобы ты уехал сейчас.

— Ты хочешь?

— Да.

— О, но как же то, чего хочу я?

Мягкость его голоса заставила Кестрел поднять взгляд. Она бы ответила что-нибудь — что именно, она не знала, — но тут Джавелин переключил свое внимание на Арина. Жеребец начал тыкать его носом, будто это был его самый любимый человек на свете. Кестрел испытала укол ревности. А затем она увидела кое-что, что вытолкнуло из ее головы все мысли о ревности, одиночестве и желаниях и разозлило ее. Джавелин тянулся губами к определенной части Арина, обнюхивая карман, размер которого идеально подходил для...

— Зимнее яблоко, — произнесла Кестрел. — Арин, ты подкупил моего коня!

— Я? Нет.

— Да! Неудивительно, что он так тебя любит.

— Ты уверена, что это не благодаря моей приятной внешности и обаятельным манерам?

Он сказал это легко, без сарказма, но по его голосу Кестрел поняла: он сомневался, что обладает хотя бы одним из этих качеств.

Но он был обаятельным. Радовал ее. И она никогда не сможет забыть его красоту. Она познала ее слишком хорошо.

Кестрел вспыхнула.

— Это нечестно, — сказала она.

Арин заметил прилившую к ее щекам кровь. Его губы изогнулись. И хоть Кестрел не думала, что он мог знать, какое действие оказывал на нее, просто стоя рядом и произнося слово «обаятельный», она не сомневалась: он всегда знал, когда имел преимущество.

Арин решил увеличить его.

— Разве теория войн твоего отца не включает в себя завоевание противника предложением конфет? Нет? Думаю, это упущение. Интересно... получится ли у меня подкупить и тебя?

Пальцы Кестрел сжались. Возможно, со стороны это напоминало злость, но злости она не ощущала. На самом деле, это был инстинктивный жест человека, оказавшегося перед лицом опасного искушения.

— Открой ладони, Маленькая Драчунья, — сказал Арин. — Открой глаза. Я не украл у тебя его любовь. Смотри. — И действительно, за время разговора Джавелин отвернулся от Арина, разочарованный тем, что в кармане ничего не обнаружилось. Конь уткнулся носом в плечо Кестрел. — Видишь? — спросил Арин. — Он знает разницу между простаком и своей хозяйкой.

Арин был простаком. Он предложил привести Кестрел в конюшни, и вот результат: со своего места она видела открытый амуничник, то, как он был оборудован, и снаряжение, которое понадобится ей, чтобы быстро седлать Джавелина. Когда она решит осуществить побег, скорость будет иметь большое значение. А она сделает это, должна, все дело заключалось лишь в том, чтобы найти нужный момент и нужный способ. Верхом на Джавелине она доберется до гавани и лодки быстрее всего.

К тому времени, как Кестрел и Арин вышли из конюшен, снег закончился и воздух был прозрачным. Кестрел не знала, действительно ли стало холоднее или ей это только казалось. Она дрожала под курткой Арина. На куртке остался его запах — темной летней земли. Кестрел с радостью вернет ее. С радостью будет смотреть, как он надевает ее, готовясь к тому предприятию, которое заставит его на некоторое время покинуть дом. От его близости у нее затемнялось сознание.

Кестрел вдохнула холодный воздух и приказала себе стать такой же — непреклонной ледяной чистотой.

*

Что бы сказал ее отец, если бы знал, как она колебалась, как близко подходила иногда к желанию остаться привилегированной пленницей? Он бы отрекся от нее. Его дитя никогда никому не покорилось бы.

Под охраной Кестрел отправилась встретиться с Джесс.

Лицо ее подруги было серым, но она могла сидеть и самостоятельно есть.

— Ты ничего не слышала о моих родителях? — спросила Джесс.

Кестрел покачала головой. Некоторые валорианские чиновники и светские люди неожиданно вернулись из столицы, куда отправлялись на зиму, но были остановлены на входе в перевал и помещены под стражу. Родителей Джесс среди них не оказалось.

— А о Ронане?

— Мне нельзя с ним видеться, — ответила Кестрел.

— Но со мной ведь можно.

Кестрел вспомнила состоящую из одного слова записку Арина. Она осторожно произнесла:

— Думаю, Арин не считает тебя угрозой.

— Жаль, что это оправданно, — пробормотала Джесс и замолчала. Ее лицо будто осунулось. Кестрел не могла поверить, что Джесс — Джесс! — могла выглядеть столь опустошенной.

— Ты спала? — спросила Кестрел.

— Слишком много кошмаров.

У Кестрел тоже они были. Все начиналось ощущением руки Плуто на шее и заканчивалось резким пробуждением в темноте и напоминанием себе, что этот человек мертв. Ей снился ребенок Айрекса, который неотрывно смотрел на нее своими темными глазами и иногда говорил, как взрослый. Он обвинял ее в том, что она сделала его сиротой. Он говорил, что это она виновата, потому что была слепа по отношению к Арину. «Ему нельзя доверять», — убеждал мальчик.

— Забудь о кошмарах, — сказала подруге Кестрел, хотя и не могла сама последовать своему совету. — У меня есть кое-что, что тебя приободрит.

Она передала Джесс стопку сложенных платьев. Когда-то ее одежда была Джесс слишком тесной. Теперь платья будут на бедняге висеть. Кестрел подумала о находящемся в тюрьме Ронане, о Бениксе, капитане Венсане и темноглазом младенце.

— Откуда они у тебя? — Джесс провела рукой по шелковой ткани. — Неважно. Я знаю. Арин. — Ее губы скривились, будто она снова проглотила яд. — Кестрел, скажи мне, ведь это неправда — то, что о тебе говорят: будто ты на самом деле с ним, будто ты на их стороне?

— Это неправда.

Окинув комнату взглядом и убедившись, что никто не подслушивает, Джесс наклонилась вперед и прошептала:

— Пообещай мне, что заставишь их заплатить.

Это было тем, что Кестрел надеялась от Джесс услышать. Ради этих слов она пришла. Она посмотрела в глаза подруги, которая побывала так близко к смерти.

— Обещаю, — сказала Кестрел.

*

Однако, когда она вернулась в поместье Арина, Сарсин улыбнулась ей:

— Иди в салон, — сказала она.

Ее рояль. Его поверхность блестела, будто невысохшие чернила. Ее окатило чувство, которому Кестрел не хотела давать название. Ей не следовало испытывать это лишь потому, что Арин отдал ей нечто, что сам же, в некоторой мере, забрал.

Кестрел не следовало играть. Не следовало садиться на знакомый, обитый бархатом табурет или думать о том, что перевозка рояля через город была непростым делом. Она требовала большого количества людей. Блоков. Лошадей, тянущих повозку. Кестрел не следовало гадать, как Арин нашел время и уговорил своих людей привезти ее рояль сюда.

Ей не следовало касаться прохладных клавиш или ощущать то изысканное напряжение, разделяющее тишину и звук.

Кестрел вспомнила, что Арин неизвестно долгое время воздерживался от пения. Ей не хватало подобной силы воли. Она уселась за рояль и начала играть.

*

В конце концов, определить, какие покои принадлежали Арину до войны, оказалось несложно. В них было тихо и пыльно. Всю детскую мебель отсюда давно вынесли, а на окнах висели портьеры насыщенного фиолетового цвета. Комнаты выглядели вполне обычно. Похоже, последние десять лет они служили гостевыми апартаментами для не самых важных посетителей. От остальных помещений эти покои отличало лишь то, что внешняя дверь была сделана из более светлого дерева... а в гостиной на стенах висели музыкальные инструменты.

Украшения. Возможно, семья Айрекса сочла детские инструменты оригинальными. Над камином под углом висела деревянная флейта. На противоположной стене красовался ряд небольших скрипок, каждая из которых была больше предыдущей, а последняя достигала половины размера взрослой.

Кестрел часто бывала здесь. Однажды, услышав от Сарсин, что Арин вернулся, но еще не увидевшись с ним, она пришла в эти покои. Кестрел прикоснулась к самой большой из скрипок и украдкой ущипнула ее первую струну. Раздался неприятный звук. Эта скрипка была испорчена; несомненно, такая же судьба постигла и все остальные. Так происходит, если инструмент хранится десять лет с натянутыми струнами и без чехла.

В одном из входных покоев скрипнула половица.

Арин. Он вошел в ту комнату, где находилась Кестрел, и девушка поняла, что ждала его. Зачем еще ей приходиться сюда так часто, почти каждый день, если не с надеждой, что кто-то заметит это и скажет Арину, где ее найти? Но, хоть Кестрел и признала свое желание оказаться с ним в его старых покоях, она не представляла себе, что это произойдет так.

Что он застанет ее, когда она будет трогать его вещи.

Кестрел опустила взгляд.

— Прости, — пробормотала она.

— Все в порядке, — ответил Арин. — Я не возражаю.

Он снял скрипку со стены и передал ее Кестрел. Инструмент был легким, но руки девушки опустились, будто полость внутри скрипки имела огромный вес.

Кестрел откашлялась.

— Ты все еще играешь?

Арин покачал головой.

— Я почти забыл как. В любом случае, у меня не слишком хорошо получалось. Я любил петь. До войны я боялся потерять этот дар, как часто бывает с мальчиками. Мы растем, меняемся, наши голоса ломаются. Знаешь, неважно, насколько хорошо ты поешь в девять лет, если ты — мальчик. Когда начинаются изменения, остается только надеяться на лучшее...надеяться, что твой голос станет таким, каким ты снова сможешь его полюбить. Мой голос начал ломаться через два года после вторжения. О боги, как я пищал. А когда мой голос установился, это казалось злой шуткой. Он был слишком хорош. Я не знал, что с ним делать. Я так радовался, что у меня есть этот дар...и злился, потому что он значил так мало. А теперь... — Арин самокритично пожал плечами. — Я знаю, что хриплю.

— Нет, — возразила Кестрел. — Нет, не хрипишь. У тебя красивый голос.

Последовало мягкое молчание.

Пальцы Кестрел охватили скрипку. Она хотела задать Арину вопрос, но не смела, не могла произнести вслух, что не понимает, что произошло с ним в ночь вторжения. Это казалось странным. Смерть его семьи отец Кестрел назвал бы «расточением ресурсов». Валорианские силы отнеслись к геранской армии безжалостно, но прикладывали большие усилия, чтобы сократить потери среди мирных жителей. Мертвеца нельзя заставить работать.

— В чем дело, Кестрел?

Она покачала головой и повесила скрипку обратно на стену.

— Спроси меня.

Она вспомнила, как стояла у губернаторского дворца и отказывалась выслушать его историю. Сейчас Кестрел устыдилась этого.

— Ты можешь спрашивать у меня что угодно, — сказал Арин.

Любой вопрос казался ей неправильным. Наконец, Кестрел произнесла:

— Как ты пережил вторжение?

Сначала он ничего не ответил. А затем сказал:

— Мои родители и сестра сражались. Я — нет.

Слова были бесполезны, до жалости бесполезны, даже непозволительны: они не могли передать горе Арина, не могли оправдать то, как ее народ жил на развалинах его. Но Кестрел все равно снова сказала:

— Прости.

— Это не твоя вина.

А казалось иначе.

Арин повел Кестрел к выходу из своих старых покоев. Когда они оказались в последней комнате, приемной, он помедлил у наружной двери. Это было мимолетное колебание, не более долгое, чем если бы секундная стрелка часов на мгновение дольше задержалась на предыдущей отметке. Но в эту долю секунды Кестрел осознала, что дверь выглядела светлее остальных не потому, что была сделана из другой древесины.

Она была новее.

Кестрел взяла шершавую ладонь Арина в свою руку, почувствовав его жар. Его ногти все еще были окружены вьевшейся за время работы в кузне черной кромкой угля. Кожа выглядела начищенной: ее терли до чистоты и терли часто. Однако черная сажа проникла в нее слишком глубоко.

Кестрел переплела свои пальцы с его. Они вместе прошли через дверной проем, где стоял призрак старой двери, которую взломал народ Кестрел десять лет назад.

*

После этого Кестрел часто разыскивала его. В качестве предлога она использовала те уроки, которые он давал ей. Говорила, что хочет еще. Кестрел приобрела некоторое количество навыков, которыми пользовалась прислуга, например, как начищать сапоги.

Найти Арина было просто. Хотя набег на сельскую местность продолжались, он все больше стал полагаться на своих помощников, поручая им возглавлять атаки, а сам проводил много времени дома.

— Не знаю, что он себе думает, — сказала Сарсин.

— Он дает подчиненным ему офицерам возможность показать, чего они стоят, — ответила Кестрел. — Он демонстрирует свою веру в них, что помогает им стать смелее. Это полезная военная тактика.

Сарсин одарила ее суровым взглядом.

— Он предоставляет своим офицерам полномочия, — добавила Кестрел.

— Он отлынивает. А из-за чего, я уверена, ты знаешь.

Это зажгло в Кестрел яркую спичку удовольствия.

Как спичка, это удовольствие быстро сгорело. Кестрел вспомнила свое обещание Джесс заставить геранцев платить.

Она не знала, что об этом думать.

Кестрел осознала, что до сих пор не поблагодарила Арина за то, что ее рояль перевезли сюда. Она нашла Арина в библиотеке и собиралась произнести то, что пришла сказать. Но, увидев в свете взлетевших от стукнувшихся поленьев искр, как он изучает у огня карту, она вспомнила свое обещание — именно потому, что так старалась забыть его.

Она выпалила то, что совершенно не имело ни к чему никакого отношения.

— Ты умеешь готовить медовые полумесяцы?

— Умею ли я... — Арин опустил карту. — Кестрел, не хочу тебя разочаровывать, но я никогда не был поваром.

— Ты умеешь делать чай.

Он рассмеялся.

— Ты же понимаешь, что вскипятить воду по силам любому?

— Ох.

Кестрел двинулась к выходу, чувствуя себя глупо. Что вообще надоумило ее задать такой глупый вопрос?

— Я хотел сказать, да, — произнес Арин. — Да, я умею готовить медовые полумесяцы.

— В самом деле?

— Э-э... нет. Но можем попробовать.

Они отправились на кухни. Повинуясь взгляду Арина, все вышли из комнаты, и они с Кестрел остались вдвоем. На столешнице появилась мука, а Арин достал из шкафчика мед.

Кестрел разбила в миску яйцо и поняла, почему захотела этого.

Чтобы притвориться, будто не надвигалась никакая война, будто не существовало разных сторон и будто такой была ее жизнь.

Полумесяцы получились твердыми, как камни.

— Хм-м, — промычал Арин, рассматривая один из них. — Я мог бы использовать их в бою.

Кестрел рассмеялась, не успев сказать себе, что это не смешно.

— Между прочим, они почти того же размера, что и твое любимое оружие, — продолжил Арин. — И это напомнило мне: ты так и не рассказала, как сражалась на Иглах с лучшим бойцом в городе и победила.

Будет ошибкой рассказать ему. Это нарушит главнейшее правило войны: как можно дольше скрывать свои сильные и слабые стороны. Однако Кестрел поведала Арину историю того, как победила Айрекса.

Арин прикрыл лицо белой от муки ладонью и выглянул между пальцев.

— Ты ужасна. Да помогут мне боги, если я перейду тебе дорогу, Кестрел.

— Ты уже перешел, — заметила девушка.

— Но разве я тебе враг? — Арин преодолел расстояние между ними и тихо повторил: — Враг?

Кестрел не ответила. Она сосредоточилась на ощущении того, как в основание ее спины уперся край столешницы. Стол был простым и настоящим — подогнанная древесина, гвозди и прямые углы. Никаких колебаний. Никаких уступок.

— Ты мне — нет, — произнес Арин.

И поцеловал ее.

Губы Кестрел раскрылись. То, что она чувствовала, было настоящим, но вовсе не простым. Арин пах дымом и сахаром. Сладкое под гарью. Кестрел ощутила вкус меда, который он слизал с пальцев несколько минут назад. Ее сердце пустилось галопом, и именно она с жадностью впитывала его поцелуй, именно она подняла колено между его ног. Затем его дыхание стало прерывистым, а поцелуй — темным и глубоким. Он поднял Кестрел на стол, чтобы ее лицо оказалось вровень с его. Они целовались, и казалось, будто в воздухе вокруг них скрывались слова, будто эти слова были невидимыми созданиями, которые задевали своими перьями ее и Арина, а затем толкались, и жужжали, и тянули.

«Говори», — шептали они.

«Говори», — просил поцелуй.

Любовь дрожала на кончике языка Кестрел. Но она не могла произнести этих слов. Как ей сказать это после всего, что между ними было: после пятидесяти кейстонов, заплаченных в руку распорядителя торгов, после долгих часов предположений, как будет звучать голос Арина под ее музыку, после связанных вместе запястий и ее вывернутого колена, после сделанного Арином в карете в ночь Зимнего бала признания.

Это казалось признанием, но признанием не было. Он ничего не сказал о заговоре. Даже если бы сказал, все равно было бы слишком поздно, когда все обстоятельства выступали на его стороне.

Кестрел снова вспомнила свое обещание Джесс.

Если она в скором времени не покинет этот дом, то изменит себе. Отдастся тому, чей поцелуй в день бала заставил ее поверить, будто он хотел лишь быть с ней, в то время как сам надеялся перевернуть мир так, чтобы она оказалась внизу, а сам он — на верхушке.

Кестрел отстранилась.

Арин просил прощения. Спрашивал, что сделал не так. Его лицо пылало, губы распухли. Он говорил о том, что, возможно, это слишком скоро, но они смогут жить здесь. Вместе.

— Моя душа принадлежит тебе, — сказал он. — Ты знаешь, что это так.

Кестрел подняла руку в одинаковой мере для того, чтобы закрыть от себя его лицо и остановить его слова.

Она вышла из кухни.

Чтобы не побежать, ей потребовалась вся ее гордость.

Кестрел вернулась в свои комнаты, натянула черный дуэльный костюм и сапоги и вытащила из плюща самодельный нож. Она повязала полоску ткани, на которой он висел, вокруг талии, вышла в сад и стала ждать ночи.

Кестрел всегда считала, что расположенный на крыше сад был ее лучшей возможностью бежать, однако не знала, как ею воспользоваться.

Она беспомощно обвела взглядом четыре каменные стены. Затем Кестрел неотрывно

установилась на дверь, но чем эта дверь могла ей помочь? Она вела в покои Арина, а Арин...

Нет. Нет, думала Кестрел, она не станет входить в эту дверь, не может. Внезапно ее осенило.

Бесполезно думать о двери как о способе пройти через стену. Это был способ подняться на нее.

Кестрел положила правую ладонь на дверную ручку и поставила левую ногу на нижние петли. Упершись левой рукой в каменный дверной косяк, она встала на эти петли, балансируя на столь маленькой опоре — тонкой полоске металла с шишечкой. Затем она подняла правую ногу на дверную ручку. Кестрел перенесла свой вес и вытянулась, чтобы ухватиться за верхние петли, а затем просунула пальцы в щель между ребром двери и камнем.

Она вскарабкалась на дверь и с нее — на стену, которая отделяла ее сад от сада Арина. Стараясь не потерять равновесие, она добралась до крыши.

А затем Кестрел бегом бросилась по скату крыши к земле.

Арину снилась Кестрел. Он пробудился, и сон растаял, будто аромат. Арин не помнил его, но воздух вокруг изменился. Молодой человек моргнул в темноте.

Услышав звуки, он понял, что долгое время ожидал чего-то подобного.

Легкие шаги по крыше.

Арин вскочил с постели.

*

Кестрел спрыгнула на крышу первого этажа и проехала по ней на животе, почувствовав, как носки ее ног уткнулись в канавку. Водосточный желоб. Кестрел извернулась, чтобы ухватиться за него, и повисла над землей, держась за край каменной стены. Затем она разжала руки.

От резкого удара о землю в ее поврежденном колене вспыхнула боль, однако Кестрел восстановила равновесие и бросилась бежать к конюшням.

Джавелин заржал, как только она вошла.

— Тсс. — Кестрел вывела его из стойла. — Тихо, тихо.

Лампу могли заметить из дома. Кестрел не составило большого труда найти упряжь в темноте на ощупь. Это было просто. В тот день, когда она приходила сюда с Арином, она запомнила, где находились уздечка, мундштук и все остальное. Она быстро оседлала Джавелина.

Когда они вышли в ночь, Кестрел бросила взгляд на дом. Он спал. Никто не пытался поднять тревогу, из дверей не выбегали солдаты.

Но в западном крыле горел слабый свет.

«Ерунда, — сказала себе Кестрел. — Возможно, Арин заснул, не потушив лампу».

Девушка вдохнула запах лошади. Так пах ее отец, когда возвращался домой из похода.

Она сможет. Сможет добраться до гавани.

Кестрел взобралась на Джавелина и прищорила его.

*

Кестрел неслась через Садовый район, направляя Джавелина по кавалерийским тропам к центру города. Она почти достигла его огней, когда со стороны холмов позади нее раздался топот копыт другой лошади со всадником.

По позвоночнику Кестрел прокатился холод. Страх, что этим всадником был Арин.

Страх, возбужденный внезапной надеждой, что это действительно он.

Кестрел остановила Джавелина и спешила. Через узкие улочки, ведущие к гавани, лучше идти пешком. Сейчас скрытность имела большее значение, чем скорость.

Топот копыт эхом отдавался среди холмов. Всадник все приближался.

Кестрел крепко обняла Джавелина за шею, а затем оттолкнула его, пока все еще могла найти в себе силы сделать это. Она хлопнула его по заду, отдав этим приказ возвращаться домой. Куда он отправится — на ее виллу или на виллу Арина, — Кестрел не знала. Однако Джавелин ринулся прочь. Возможно, он сумеет увести за собой второго всадника, если тот

действительно гнался за Кестрел.

Девушка скользнула в тени города.

Будто была сотворена магия. Будто геранские боги отвернулись от своего народа. Никто не заметил Кестрел, пока она кралась вдоль стен, и не услышал, как под ее весом трескался лед на лужах. Ни один ночной бродяга не посмотрел ей в лицо и не узнал в ней валорианку. Никто не увидел дочь генерала. Кестрел достигла гавани и спустилась на пристань.

Где ждал Арин.

От его дыхания в воздух поднимались белые облачка. Его волосы потемнели от пота. Не имело значения, что на тропе Кестрел была впереди него. Арин мог пронестись через город в открытую, в то время как Кестрел кралась по переулкам.

Их глаза встретились, и Кестрел почувствовала себя совершенно незащищенной.

Но у нее было оружие. У него — нет, по крайней мере на виду. Ее рука инстинктивно упала к неровному лезвию ножа.

Арин увидел это. Кестрел не знала, что вышло на поверхность раньше: его резкая боль, столь явная и сильная, или ее уверенность, столь же явная, столь же сильная, что она никогда не сможет поднять на него оружие.

Арин, который до сих пор стоял пригнувшись, будто готовился бежать, выпрямился. Выражение его лица изменилось. До сих пор Кестрел не замечала, с каким отчаянием была напряжена его челюсть. Она не узнавала бессловесную мольбу до тех пор, пока та не исчезла и лицо Арина не осунулось какой-то грустью. Смирением.

Арин отвел взгляд. Когда он снова посмотрел вперед, казалось, будто Кестрел стала лишь частью пирса у него под ногами. Парусом корабля. Черным течением вод.

Будто ее вообще здесь не было.

Он отвернулся, вошел в освещенный дом нового капитана порта, которым назначили геранца, и закрыл за собой дверь.

Мгновение Кестрел не могла пошевелиться. Затем она бросилась бежать к рыбацкой лодке, которая была пришвартована достаточно далеко от других, так что Кестрел могла отплыть от берега, незамеченная моряками с других судов. Девушка запрыгнула на борт и быстро осмотрела лодку. В крошечной каюте никаких припасов не нашлось.

Поднимая якорь и отвязывая веревку, которая держала лодку у причала, Кестрел понимала, хоть и не видела, что Арин сейчас разговаривает с капитаном порта, отвлекая его, пока она готовится отчалить.

Зимой. Не имея с собой воды или еды и, вероятно, почти без сна, если она собиралась отправиться в плавание, которое займет, в лучшем случае, три дня.

По крайней мере, ветер был сильным.

«Мне везет, — сказала себе Кестрел. — Везет».

Она отплыла в столицу.

*

Вскоре после того, как Кестрел вышла из гавани, огни города потускнели, а потом и вовсе исчезли, и берег стал невидим. Однако девушка знала нужные созвездия, которые этой ночью были столь же яркие и чисты, как высокие ноты, вырвавшиеся из-под клавиш рояля.

Она вела лодку на запад. Кестрел постоянно передвигалась по небольшой палубе, закрепляя тросы, позволяя ветру развернуть маленький парус. Остановиться возможности не

было, и Кестрел радовалась этому. Если она остановится, то остынет. Позволит себе задуматься. Возможно, даже заснет, и тогда во сне снова увидит, как Арин позволил ей уйти.

Она заучивала слова, которые скажет, когда достигнет порта столицы. «Я — леди Кестрел, дочь генерала Траяна. Геранцы захватили полуостров. Вы должны отозвать моего отца с востока и отправить его подавить мятеж.

Должны».

*

Яркий и хрупкий рассвет. Его цвета странно мерцали, и Кестрел осознала, что думает, будто розовый холоднее оранжевого, а желтый немногим лучше. Затем она поняла, что мыслит не совсем здраво и дрожит в своем тонком жакете. Она заставила себя начать двигаться.

Кожа ее ладоней, обдуваемая ледяным ветром, потрескалась и кровоточила, ободранная о веревки. Рот превратился в сухую пещеру. Жажда и холод оказались намного более болезненными, чем голод или усталость. Кестрел знала, что даже в лучших условиях человек может прожить без воды лишь несколько дней.

Но разве она не научилась переносить нужду?

Кестрел вспомнила выражение лица Арина в тот момент, когда она потянулась за ножом.

Девушка заставила себя отбросить эту мысль. Сосредоточившись на колебаниях волн, она вела лодку мимо голого каменистого острова и повторяла про себя то, что скажет через два дня, если ветер продержится.

*

Ветер спал. На вторую ночь паруса повисли. Лодка легла в дрейф. Кестрел старалась не смотреть на небо, потому что иногда замечала мерцание, хотя и знала, что звезды скрыты облаками.

Опасный знак. Она слабела.

Ее тело вопило от жажды. Кестрел все перевернула в маленькой каюте, надеясь, что где-то была припрятана фляга с питьевой водой. Она обнаружила лишь жестяную кружку и ложку.

Тогда спать. Она будет спать до тех пор, пока ветер не поднимется снова. Кестрел закрепила паруса так, чтобы они были повернуты к столице, и отрезала два куска веревки. Из кружки и ложки она смастерила колокольчик, чтобы тот разбудил ее, когда ветер наберет силу.

Кестрел скользнула в каюту. Все оставалось неподвижно. Ни дуновения ветра. Ни волн. Ни раскачивания лодки.

Кестрел сосредоточилась на этом спокойствии, представив, будто все, что она могла думать или чувствовать, покрылось чернилами.

Она спала.

*

Это был поверхностный, прерываемый кошмарами сон, в котором ее разум все повторял слова, которые она должна сказать, достигнув столицы.

Кестрел сопротивлялась образам Арина с ростком в руке, образам окровавленного меча, своей ладони. Она пыталась изгнать из памяти то, как ее кожа соприкасалась с его. Однако это воспоминание ярко сверкало в ее помутневшем сознании, раскинувшись, подобно жидким драгоценным камням. Как спирт или другое летучее вещество, оно собиралось каплями и становилось все более сильным, когда Кестрел пыталась его подавить.

Ее полусонный разум говорил: «Арин отпустил тебя, потому что валорианское наступление неизбежно. Так он по крайней мере знает, когда его ожидать».

Кестрел слышала музыку, которая называла ее лгуньей.

«Лгунья», — звенел колокольчик.

Он все звенел и звенел, пока Кестрел не проснулась и не выглянула из кабины. Она увидела, что ложка колотит по кружке.

А небо стало зловеще зеленым.

Зеленая буря.

*

Палубу заливали волны. Кестрел привязала себя к штурвалу и могла лишь цепляться за него, смотреть, как ветер треплет паруса, и надеяться, что по-прежнему движется на запад. Лодка металась на гребнях волн, ее бросало из стороны в сторону.

«Арин отпустил тебя, чтобы вот так ты умерла».

Но даже притупленный, ее разум не видел в этом смысла.

Кестрел снова стала повторять свои слова, переплетая их, подобно нитям, из которых вязали рабы. Она мяла получившуюся материю и знала, что не сможет произнести заготовленное.

Не станет.

Кестрел поклялась богами Арина, что не станет.

Ветра не было. Она почти ничего не видела. От соленой воды перед глазами все расплывалось. Но она услышала, как лодка о что-то шаркнула. Затем раздались голоса.

Валорианские голоса.

Она выкарабкалась из лодки. Ее поймали чьи-то руки, и люди стали задавать вопросы, которые она не могла до конца понять. Затем один вопрос пробудил ее:

— Кто Вы?

— Я — леди Кестрел, — прохрипела она. Непрошенные, ужасные, неправильные, из нее вырвались заученные слова, и она не успела остановить их: — Дочь генерала Траяна. Геранцы захватили полуостров...

Она проснулась, когда кто-то смочил ее губы водой. Кестрел мгновенно ожила, умоляя дать ей еще. Жидкость потекла в ее рот мучительно маленькими порциями. Кестрел пила и думала о вещах, чья красота была груба и холодна.

Дождевые капли на серебряных чашах. Лилии в снегу. Серые глаза.

Она вспомнила, что сделала что-то. Что-то жестокое. Непростительное.

Кестрел заставила себя приподняться на локтях. Она лежала в большой постели. Видела она все еще плохо, но заметила, что мягкая материя, укутывающая ее тело, была мехом невероятно редкого животного, а мужчина, который держал чашку с водой, был одет в мантию личного лекаря валорианского императора.

— Храбрая девочка, — сказал он. Его улыбка была доброй.

Кестрел увидела ее и поняла, что смогла. Она добралась до столицы, ее узнали и ей поверили.

«Нет, — пыталась сказать она. — Я не хотела». Но ее губы отказывались шевелиться.

— Ты прошла через тяжкое испытание, — сказал лекарь. — Тебе надо отдохнуть.

На языке Кестрел остался странный привкус, легкая горечь, вкус которой превратился в цепенящее ощущение, пощипывающее в горле.

Наркотик.

Кестрел завладело бесчувствие, а затем пришел и сон.

*

Ей снилась Инэй.

Погруженная в сон, Кестрел знала, что это не по-настоящему, что мертвых не вернуть. Но ей так хотелось украдкой подойти к Инэй, снова стать маленькой девочкой и не поднимать взгляд, не выискивать на лице старушки упрек, которого там не могло не быть.

Кестрел гадала, как на нее будет смотреть призрак Арина.

Он будет являться ей во снах. Показывать образы того, как был убит в сражении. Линии его лица превратятся в издевательство над теми чертами, что она знала. Глаза наполнятся ненавистью.

Так смотрят на предателей.

— Ты пришла проклясть меня, — сказала Кестрел Инэй. — В этом нет нужды. Я сама себя проклинаяю.

— Хитрюга, — ответила Инэй, как говорила, когда Кестрел вела себя непослушно. Кестрел хотела возразить, что это совсем другое, нежели спрятанная в тренировочной зале Ракса нотная тетрадь, которую она доставала читать, когда оставалась одна и должна была сама тренироваться. Это совсем другое, нежели грубое слово. Нежели разыгранная шутка.

Кестрел купила жизнь, и любила ее, и продала ее.

Инэй произнесла:

— Расскажу-ка я сказку, чтобы тебе стало лучше.

— Я не больна.

— Нет, больна.

— Мне не нужны сказки. Я должна проснуться.

— И что дальше?

Кестрел не знала.

Инэй начала:

— Однажды на свете жила портниха, которая умела ткать материю из чувств. Она шила платья из восторга: легкого, блестящего и гладкого. Кроила честолюбие и пыл, спокойствие и изобретательность. И, вот, она в такой мере овладела своим ремеслом, что на нее обратил внимание один из богов. Он решил воспользоваться ее услугами.

— Что это был за бог?

— Тсс, — произнесла Инэй. Как бывает во сне, Кестрел обнаружила себя в своей детской постели, которая была украшена резными зверями. Инэй сидела подле нее, элегантно расправив плечи. Эту осанку Кестрел всегда пыталась перенять. Няня продолжила свою сказку: — Бог пришел к портнихе и сказал: «Я хочу рубашку из умиротворения».

«Богам не нужны подобные вещи», — ответила портниха. Бог посмотрел на нее в упор.

Девушка узнала в его взгляде угрозу.

Она повиновалась его требованию, и, когда бог надел рубашку, та подошла ему безукоризненно. Цвета преобразили его, и лицо больше не казалось таким бледным. Портниха смотрела на бога и думала о том, что произнести не смела.

Бог щедро отплатил ей золотом, хотя портниха не просила денег. Он был доволен.

Однако этим все не закончилось. Бог вернулся и потребовал, чтобы портниха сшила ему плащ из привязанности. Не успела девушка ответить, как он ушел. Они оба знали, что она повинуется.

Портниха заканчивала подол плаща, когда в ее лавку вошла старушка и стала рассматривать те вещи, которые не могла себе позволить. Она протянула руку над прилавком, за которым работала портниха. Сморщенные пальцы замерли над плащом из привязанности. В потускневших глазах появились искорки такой тоски, что портниха отдала старушке плащ и ничего не попросила взамен. Она могла сшить еще один и быстро.

Но бог оказался еще более быстрым. Он вернулся в деревню раньше, чем обещал. Кого же он увидел, если не спящую у огня старушку, завернувшуюся в плащ, который был ей слишком велик? Что он почувствовал, если не хватку предательства, резкий и глубокий укол ревности, которого ему следовало постыдиться?

Тихо, как обычно, он снова появился в лавке портнихи, подобно ночному холоду. «Отдавай мой плащ», — потребовал он.

Портниха сжимала в руках иголку. Этим она едва ли могла защититься от бога. «Он не готов», — сказала она.

«Лгунья».

Это слово придавило Кестрел своим весом, и она спросила:

— В этой сказке я — портниха или бог?

Инэй продолжила, будто не слышала ее:

— Он мог бы уничтожить портниху на месте, но придумал другую тропу мести. Лучший способ причинить ей горе. Он знал, что у портнихи есть племянник — маленький мальчик, кроме которого у девушки больше никого не осталось. Из заработанных денег портниха оплачивала его воспитание, и сейчас мальчик крепко спал в близлежащем городе под бдительным взглядом няни, которую бог мог отвлечь, перехитрить, усыпить.

Что он и сделал. Он покинул лавку портнихи и явился к спящему мальчику. В нем не было жалости к маленьким округлым ручкам и ножкам, к румяным щекам, к пятну

растрепанных волос, выделявшихся в темноте. Бог уже похищал детей раньше.

Кестрел произнесла:

— Это бог смерти.

— Когда бог откинул одеяло, его палец задел ночную сорочку мальчика. Он замер.

Никогда за свои бессмертные годы он не касался чего-то столь прекрасного.

Сорочка была сшита из материи любви. Бог ощутил мягкость бархата, легкость шелка, упругость ткани, которая не изнашивается. Однако кое-что не имело здесь места — маленькое влажное пятнышко размером с ноготок.

Слеза бога.

Она высохла. Материя снова разгладилась. Бог ушел.

Портниха тем временем встревожилась. Она уже несколько дней не слышала ничего от своего лучшего и худшего посетителя. Казалось невозможным, чтобы ей удалось так легко избежать его кары. Никто не бросал вызов богам, а в особенности этому богу. В сознании портнихи зародилась трещина мысли. Подозрение. Оно превратилось в землетрясение и раскололо ее, ибо внезапно она увидела, как ранее бог, самый верный способ, который мог свергнуть ее в отчаяние.

Она поспешила в город и пришла к дому няни. Ее рука дрожала, поднесенная к двери, потому что девушка боялась найти за ней смерть.

Дверь распахнулась. В руки портнихи бросился мальчик, упрекая ее за то, что она так давно не навещала его, спрашивая, почему ей приходилось так усердно работать. Портниха обхватила его руками и обнимала до тех пор, пока ему не надоело. Когда девушка провела пальцами по его лицу, уверенная, что под его кожей скрывалась смерть, которая через час, через минуту или через миг вырвется на свободу, она заметила на лбу мальчика метку.

Метку божественной защиты. Милости бога. Это был бесценный дар.

Портниха вернулась в свою лавку и стала ждать. Сейчас ее руки не были заняты. Они казались спокойными и чужими. Они тоже ждали, но бог не пришел. Тогда портниха сделала кое-что страшное. Она прошептала его имя.

Он молча явился к ней в собственном облачении, но не в том, что она шила для него. Его одежда была отличного покроя и точного размера, однако портниха не могла понять, как раньше не замечала изношенности его одеяний. Ткань была протерта до такой степени, что напоминала тонкие облака.

«Я хочу выразить свою признательность», — сказала портниха.

«Я ее не заслуживаю», — ответил бог.

«Тем не менее, я хочу поблагодарить тебя».

Бог не ответил. Руки портнихи не шевельнулись.

Бог сказал: «Тогда сотки мне материю себя».

Портниха вложила свои руки в его. Она поцеловала бога, и тот унес ее.

Сказка бушевала внутри Кестрел яростным ветром, который колотил ее глаза и заставлял слезы побежать по щекам.

— О, что же это, — произнесла Инэй. — Я думала, что сказка прибодрит тебя.

— Прибодрит? Портниха умерла.

— Это мрачное понимание. Давай вместо этого скажем, что она сделала выбор. Бог позволил ей выбирать, и она воспользовалась этим. Ты, Кестрел, еще нет.

— Я сделала свой выбор. Разве ты не знаешь? К настоящему времени император уже отправил почтового ястреба к моему отцу. Война уже началась. Теперь слишком поздно.

— Ты уверена?

Кестрел проснулась. Ее тело ослабело от голода и было измучено снами, но она встала, потому что у нее была цель. Кестрел оделась. К ней пришли рабы, чьи лица отображали карту империи — северной тундры, южных островов, геранского полуострова. Кестрел не стала обращать внимание на их число, которое показывало, насколько император уважает ее. Она проигнорировала высоту потолка своей комнаты, которая была столь велика, что определить цвет краски оказалось невозможно. Кестрел готовилась встретиться с императором.

Ее отвели в залу для приемов и оставили наедине с человеком, который правил половиной мира.

Он был более худым, чем изображавшие его статуи, с серебристыми волосами, постриженными на военный манер. Он улыбнулся. Улыбка императора — это золото и алмазы, это крепость, это меч, который держат рукоятью вперед. Такую улыбку он предложил ей.

— Вы пришли потребовать своей награды, леди Кестрел? Атака на Геран началась два дня назад, пока Вы спали.

— Я здесь для того, чтобы просить Вас прекратить атаку.

— Прекратить...? — Морщины его лица углубились. — С чего бы мне это делать?

— Ваше императорское величество, Вы когда-нибудь слышали о проклятье победителя?

— Империя больна им, — сказала Кестрел. — Она больше не в состоянии удерживать то, что завоевывает. Наши земли стали слишком велики. Варварам это известно. Поэтому они рискуют нападать.

Император пренебрежительно махнул рукой.

— Мыши в зерне.

— Вы тоже это понимаете. Поэтому устраиваете атаки на них: чтобы казалось, будто ресурсы империи бездонны, а наша армия не имеет себе равных, в то время как наши силы на исходе, подобно натянутой до предела старой материи. Начали появляться дыры.

Улыбка императора приобрела острые грани.

— Будь осторожна, Кестрел.

— Если Вы не выслушаете правду, то лишь от времени зависит, когда империя распадется. Не должно было так случиться, чтобы геранцы сумели подняться против нас.

— Эту проблему решат. Пока мы разговариваем, Ваш отец занимается подавлением восстания. Городские стены падут. — Император откинулся на спинку своего трона. — Генерал Траян возглавляет не войну, но истребление

Кестрел увидела каждую уязвимую часть тела Арина, увидела, как его лицо исчезает в кровавой мешанине.

Арин отпустил ее.

С тем же успехом он мог бы перерезать себе горло.

Плотным комком желчи в Кестрел поднялся страх. Она сглотнула его. Разобрав свои мысли, она расположила их, подобно игральным карточкам.

Она разыграет их и победит.

— Вы думали о цене еще одной геранской войны? — спросила Кестрел императора.

— Она будет стоить нам меньше, чем потеря территории.

— До тех пор пока городские стены держатся, геранцы сумеют пережить длительную осаду, которая истощит Вашу сокровищницу.

Губы императора сжались.

— Другого выхода нет.

— Что, если бы Вы смогли сохранить земли без войны?

Должно быть, он, как и сама Кестрел, услышал из ее уст голос ее отца. Этот перелив рассчитанной уверенности. Поза императора и выражение его лица не изменились. Однако с подлокотника поднялся один палец и постучал по мрамору трона, как стучат по колоколу, чтобы услышать его звон.

Кестрел произнесла:

— Наградите геранцев независимостью.

Палец разрезал воздух и указал на дверь.

— Уходи.

— Пожалуйста, выслушайте меня...

— Заслуги твоего отца перед империей ничего не будут для меня значить — твои собственные заслуги ничего не будут значить, — если ты произнесешь еще хоть одно дерзкое, бездумное слово.

— Геран останется Вашим! Вы сохраните его территорию, если позволите местным

самим ею управлять. Дайте им гражданство, но заставьте их предводителя поклясться Вам в преданности. Обложите народ налогом. Заберите их товары. Заберите урожаи. Они хотят свободу, свои жизни, дома. Все остальное становится предметом переговоров.

Император молчал.

— Наш губернатор в любом случае мертв, — продолжила Кестрел. — Позвольте геранцам предоставить нового.

По-прежнему молчание.

— Новый губернатор, разумеется, будет отвечать перед Вами, — добавила Кестрел.

— И ты считаешь, что геранцы на это согласятся?

Кестрел подумала о двух ключах, которые Арин вложил в ее ладонь. Ограниченная свобода. Но все же лучше, чем никакой.

— Да.

Император покачал головой.

— Я не упомянула о главной выгоде быстрого прекращения геранской революции, — сказала Кестрел. — Сейчас восток полагает, что Вы отступили. Варвары поздравляют себя с победой. Посредством шпионов или перехваченных почтовых ястребов им стало известно о сложностях, которые задерживают вас в Геране. — Это были лишь догадки, но, когда Кестрел увидела лицо императора, они стали уверенностью. Девушка продолжила: — Варвары понимают, что осада крепких городских стен требует немалого времени, поэтому они отступают от передовых линий, где мы сражались с ними, и возвращаются к своей королеве, чтобы передать ей добрые новости. На землях, которые, по их мнению, им защищать уже не придется, они оставили лишь несколько батальонов для вида. Но если Вы отошлете наши силы обратно и застанете варваров врасплох...

— Я понимаю. — Император сложил руки вместе и подпер острыми костяшками пальцев подбородок. — Но ты упускаешь из виду то, что Геран — это колония. Дома, которые геранцы хотят заполучить обратно, принадлежат моим сенаторам.

— У варваров есть золото. Обогащите недовольных сенаторов добычей с востока.

— Все равно. То, что ты предлагаешь, не сыщет в обществе большой поддержки.

— Вы — император. Что для Вас значит общественное мнение?

Его брови приподнялись.

— Замечание, подобное этому, заставляет меня задуматься, наивна ли ты или пытаешься манипулировать мной. — Император внимательно посмотрел на Кестрел. — Ты слишком умна, чтобы быть наивной.

Кестрел знала, что лучше промолчать.

— Ты — дочь самого выдающегося генерала в валорианской истории.

Она не могла понять, какую форму принимают мысли императора.

— Кроме того, тебе не откажешь в привлекательности.

Ее глаза встретились с его.

Император сказал:

— У меня есть сын.

Да, она знала это, но какое отношение имел наследник императора к...

— Императорская свадьба, — продолжил правитель. — Та, которая заставит армию полюбить меня. Которая отвлечет сенаторов и их семьи так, чтобы их главной заботой стало, получают ли они приглашения. Мне нравятся твои планы касательно Герана и востока, Кестрел, но они понравятся мне еще больше, если ты выйдешь замуж за моего сына.

На приеме у императора запинаться не пристало. Кестрел втянула в себя воздух и не выпускала его до тех пор, пока не вернула себе способность говорить спокойно.

— Возможно, Ваш сын предпочтет кого-то другого.

— Не предпочтет.

— Мы даже никогда не встречались.

— И?

Лицо императора будто стало более узким от проявившейся на нем жестокости, но в то же время Кестрел вспомнила, что ее отец всегда уважал этого человека. Император сказал:

— Есть какая-то причина, из-за которой ты не хватаешься за возможность стать моей дочерью? Из-за которой ты так горячо заступаешься за геранцев? Слухи быстро облетают столицу, и я — не единственный, кто слышал о твоей дуэли с лордом Айрексом.

Нет, Кестрел, маска невинности не сработает. Мы уже пришли к согласию насчет того, что ты слишком умна, чтобы быть невинной. Можешь радоваться, что от своей невестки я этого не требую. Однако я требую, чтобы ты выбрала. Согласись выйти замуж за моего сына, и я сниму осаду, отошлю наши войска обратно на восток и разберусь с политическими последствиями. Откажись, и начнется вторая Геранская война с совсем другим исходом.

Выбирай.

Увидев, как в гавань вошел огромный валорианский флот, Арин испытал облегчение. Когда флот уничтожил те несколько кораблей, которые были захвачены в ночь Зимнего бала, он испытал облегчение, даже наблюдая за разбросанными по поверхности воды горящими балками и тонущими обломками.

Геранцы набирались мужества от того, что сочли бесстрашием Арина. Он не мог себе представить, какова была бы их реакция, если бы они узнали, что это он навлек на свою страну эту войну, а на самом деле его лицо выражало радость.

Он скорее почувствовал, чем наблюдал зеленую бурю, которая обрушилась на берег через два дня после того, как Кестрел отплыла. Буря бушевала внутри него, уничтожая все без остатка, пока Арин не превратился в пустую дыру, воющую от осознания того, что он сделал, от стоящего перед глазами образа небольшой рыбацкой лодки, перевернувшейся на волнах и идущей ко дну. Арин представлял себе, как рот наполняется водой, как Кестрел борется. Как ее конечности слабеют, и, в конце концов, она теряется в лабиринте волн.

Начало осады, вероятно, означало смерть Арина. Но также то, что Кестрел жива.

Таким образом, геранцы считали, что на лице Арина был написан дикий восторг воина перед грядущим сражением. Он позволил им верить в это. «Ты — бог лжи», — сказала однажды Кестрел. Арин смотрел на своих людей и улыбался, и эта улыбка была ложью — ложью, подобной буквам в зеркале, обратным отражением правды.

После того, как Кестрел покинула полуостров, Арин приказал, чтобы гавань и причалы были уничтожены.

Но, как только валорианцы прибыли, они стали на якорь как можно ближе к берегу и отправили вперед в небольших лодках инженеров. Под надзором стражи причалы были быстро отстроены заново, а геранцам оставалось лишь наблюдать из-за городских стен и ждать. Арин расположил в бойницах пушки, но гавань находилась за пределами дальности огня. Открывать ворота и отправлять людей прервать постройку пирса было самоубийством, поэтому геранцы лишь смотрели, как садится и восходит солнце над головами валорианцев, которые высадились на берег и разгружали орудия для осады. Они устанавливали пушки. Выкатывали бочки с черным порохом. Распределяли по местам верховых и пехоту. Каким-то образом, валорианцы уже отправили солдат в обход города к той его части, которая смотрела в горы. Арина доложили об отличительных знаках на мундирах замеченных среди скал воинов, и он знал, что они представляли собой Всадников, особое подразделение разведчиков, которые были весьма искусны в скрытности. Они быстро слились с камнями и голыми деревьями.

Месяцем ранее Арин приказал, чтобы вокруг города выкопали ров. Когда несколько дней назад зеленая буря принесла с собой теплые ветры, от которых земля стала сырой, геранцы завалили грязевой ров мебелью, срубленными деревьями, разбитыми бутылками. Земля снова замерзла.

Арин наблюдал за мужчиной, который подошел к краю глубокой засоренной канавы. Лицо валорианца было скрыто шлемом, но Арин и без изображенного на доспехах мужчины имперского флага узнал бы его. Он уже видел раньше размеренную походку генерала, грузность, с которой он передвигался.

Генерал Траян осмотрел ров. Он бросил взгляд на лошадей, которых сводили с кораблей

на берег. Арин видел, что он осознал сложность переправки войска через ров — беспорядок, переломанные ноги лошадей, грозившие воткнуться в копыта и подошвы осколки стекла. Генерал подошел к группе инженеров и начал с ними говорить.

Появились деревянные доски. Были возведены опоры. Через неделю валорианцы прошли по своим временным мостам и оказались у стены.

*

Валорианцы стали держаться поодаль, после того как геранцы сбросили на них горящие смоляные комки, состоящие из взятой на верфях смолы и вываленных в ней бумаги и дерева. Без смертей не обошлось. Сгорел валорианский обоз. Однако прорехи в рядах заняли другие солдаты, а оставшиеся обозы оттащили в тыл.

Инженеры начали возводить три насыпи.

— Убейте их, — приказал Арин своим лучшим стрелкам. Таковых было немного, и их умения в обращении с луком или арбалетом ограничивались лишь врожденными навыками и небольшой практикой, которую обеспечили захваты сельской местности.

Бог войны улыбнулся им. Инженеры пали.

Однако работу продолжили солдаты. Насыпи из земли и камней продолжили подниматься, укрепленные деревянными балками с разобранных мостов. Они начали принимать вид башен. Арин знал: это лишь вопрос времени, когда башни достигнут высоты стен, через провал перекинутся мосты и валорианцы войдут в город.

— Соорудите под стеной туннель, — приказал Арин своим людям, — и копайте, пока не доберетесь до этих башен. Затем опустошите их снизу.

*

Валорианцам понадобилось лишь несколько дней, чтобы понять, что башни будто осели. Арин слышал, как генерал рявкнул приказ. В землю вокруг башен вошли лопаты. Когда они пробили стенки туннелей, солдаты спустились в них.

— Запечатать туннели! — крикнул Арин.

Ему подчинились. Валорианцы не сумели войти в город таким способом. Этот путь был для них закрыт, как и для геранцев, которые остались в туннелях умирать.

*

Башни поднялись. У Арина был лишь небольшой запас черного пороха, и он использовал большую его часть, чтобы взорвать их.

Валорианцы выкатили катапульты. Они обрушили на город пламя.

Город начал гореть.

*

Снег с шипением падал в огонь, помогая тушить его. Прошло три недели с тех пор, как Кестрел бежала в столицу, и Арин — изможденный, покрытый сажей — вспоминал, насколько убежденно уверял ее, что геранцы сумеют выдержать годовую осаду.

Будто, кроме зерна и воды, больше ничего для этого не требовалось.

Он использовал последние боеприпасы, чтобы уничтожить катапульты. После этого у геранцев осталась лишь стена и то, что с нее можно было сбросить для обороны города.

Во вражеской деятельности возникло затишье. Арин предположил, что решимость валорианцев приглушил снегопад или что генерал планировал свой следующий ход. Но затем что-то врезалось в ту стену города, которая примыкала к горам, и она вздрогнула, будто живое существо. Арин понял, что затишье было частью замысла.

Всадники пытались пробить стену.

*

Геранцы обливали Всадников кипящей водой и смолой. Те кричали. Падали. Но генерал Траян, как и Арин, слышал звуки своей победы. Его войска, расположение которых, как Арин теперь понял, предназначалось специально для этого момента, обошли город. Скоро они всей своей мощью навалятся на ослабленную стену. Пробьются через каменные глыбы. Будут крушить полуразрушенную стену до тех пор, пока в ней не образуется дыра. Крюками осадных орудий расширят ее края и войдут в город.

Это будет кровавая бойня.

Арин находился на обращенной к горам стене. Он не видел, как в гавань вошел корабль.

Однако он заметил, как небольшая хищная птица — пустельга — пролетела над городом и нырнула к генералу.

Мужчина снял с птичьей лапки трубочку и развернул ее. Он замер.

Затем он исчез среди рядов солдат.

Валорианская армия прекратила атаку.

В этот момент ноги Арина бросились бежать вдоль стены, направляясь к той ее части, которая выходила к морю. Хоть он и не мог утверждать, будто знал, что произошло, но понимал: что-то изменилось. В его сознании существовал только один человек, который мог перевернуть его мир.

Еще одна хищная птица с острым клювом взлетела на зубчатую стену и уставилась на Арина, наклонив голову. Ее когти крепко держались за камень. Перья покрывало кружево снега.

Послание, которое принес этот ястреб, было кратким.

«Арин,

впусти меня.

Кестрел».

Кестрел смотрела, как открываются ворота. Через них вышел Арин, и створы снова соединились, так что за ним встала сплошная стена, как за Кестрел — море. Арин двинулся к ней. Затем его глаза, как и глаза ее отца в тот момент, когда он увидел ее несколько минут назад, метнулись к ее лбу. Лицо Арина побелело.

Поперек ее лба проходила блестящая полоска золотистой пыли и миррового масла. Эта валорианская метка означала, что женщина помолвлена.

Кестрел заставила себя улыбнуться.

— Ты доверяешь мне недостаточно, чтобы впустить в город, Арин? Что же, я понимаю.

— Что произошло?

Беспомощность в его голосе разбила сердце Кестрел. Однако девушка сумела удержать кусочки себя единым целым.

— Но Ронан... — Арин замолк. — Как, Кестрел? Кто?

— Поздравь меня. Я выхожу замуж за наследника империи.

Она увидела, что он поверил. Увидела, как на его лице мелькнула боль предательства, сменившаяся пониманием. Кестрел наблюдала за ходом его мыслей.

Разве она не отстранилась от его объятий, не бежала через его крышу, не находилась на грани того, чтобы поднять на него оружие?

Кто он для нее такой?

И Кестрел любила побеждать. Разве возможность стать однажды императрицей не представляла собой заманчивую ставку? Власть могла убедить там, где Ронан не сумел.

Вывод, к которому Арин пришел, был жестоким. Однако Кестрел не сказала ни слова, чтобы изменить его убеждение. Если он узнает настоящие условия предложения императора, то никогда не согласится на них.

— Как бы приятно мне ни было обсуждать подробности моей приближающейся свадьбы, — сказала Кестрел, — нашего внимания требуют более важные вещи. У императора есть к тебе послание.

Глаза Арина потемнели. Тон его голоса был язвительен:

— Послание?

— Император обещает свободу тебе и твоему народу. Он назначает тебя губернатором. Разумеется, ты должен поклясться в верности ему, принимать его послов и отвечать перед ним. Но, если определенный вопрос не затрагивает империю напрямую, ты можешь управлять своими людьми так, как считаешь нужным. — Кестрел передала Арину лист бумаги. — Вот список налогов и подношений, которые будут взиматься с Герана, как с части империи.

Арин смял список в ладони.

— Это уловка.

— Ты можешь либо сдать сейчас, приняв щедрое предложение императора, либо сдать чуть позже, когда мой отец пробьет городскую стену, и лицезреть гибель геранского народа. Возможно, это уловка, но ты согласишься.

— Зачем императору делать это?

Кестрел замялась.

— Что значит — зачем?

— Если уловки нет, это щедрое предложение. И оно совершенно непонятно.

— Советую тебе не ставить под сомнение мудрость императора. Если видишь хорошую возможность, воспользуйся ею. — Кестрел повела рукой, указывая на свое убранство: белые меха, золото и драгоценные камни. — Как это сделала я.

В Арине проступило ужасное напряжение, которое напомнило Кестрел о его детской скрипке. Он провел в натянутом состоянии слишком долго. Когда Арин, наконец, заговорил, его голос был низким рыком:

— Я согласен.

— Тогда прикажи отворить ворота. Мой отец войдет в город и сопроводит всех валорианцев из него обратно в столицу.

— Я согласен, — повторил Арин, — но с одним условием. Ты говорила о послых. Посол империи будет только один. Ты.

— Я?

— Тебя я понимаю. Тебя я умею читать.

В этом Кестрел не была уверена.

— Полагаю, твое условие допустимо, — сказала она и хотела отвернуться от того, насколько желала этого. С какой силой хваталась за любую возможность увидеть Арину, даже когда целью встречи являлось приведение в исполнение воли императора.

Так как Кестрел неподвластно было отвернуться от собственного желания, она отвернулась от Арина.

— Пожалуйста, не делай этого, — сказал он. — Кестрел, ты не знаешь. Ты не понимаешь.

— Я вижу истину совершенно ясно.

Кестрел двинулась навстречу своему отцу, в глазах которого она, наконец-то, сделала что-то, чем он мог гордиться.

— Не видишь, — возразил Арин.

Кестрел притворилась, будто не слышит его. Она наблюдала за тем, как сыпало снегом белое небо, дрожащее над свинцовым морем. Ощущала на своей коже ледяные частички. Снег падал и на нее, и на него, но Кестрел знала: никогда не будет такой снежинки, которая прикоснется к ним обоим.

Она не обернулась, когда Арин снова заговорил:

— Не видишь, Кестрел, хотя бог лжи и улыбнулся тебе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Kestrel (англ.) — пустельга. Вероятно, имеется в виду Воробьиная пустельга (American Kestrel), так как Пустельга обыкновенная в соколиной охоте не используется.

Javelin (англ.) — дротик, метательное копьё.